

С.К. СИЗОВ

АХЕЙСКИЙ СОЮЗ

История
древнегреческого
федеративного
государства
(281–221 гг. до н.э.)

МОСКВА
«ПРОМЕТЕЙ»
1989

Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства (281—221 гг. до н. э.). Монография. — М.: «Прометей». МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. — с. 172.

Монография посвящена исследованию наиболее известного федеративного государства Древней Греции в период его независимого развития (281—221 гг. до н. э.). В работе дается характеристика причин расцвета федерализма в эллинистическом Пелопоннесе, делается попытка реконструкции событий, связанных с территориальным ростом и возвышением Ахейского союза в 240—230 гг. до н. э., рассматривается связь федеративного движения на юге Греции с международной ситуацией того времени. Подробно разбираются спорные вопросы о характере внешней политики Ахейского союза в годы Клеоменовой войны (229—222 гг. до н. э.), о причинах кризисных явлений, охвативших федерацию в конце 220 г. до н. э. Особое внимание обращено на специфику политического строя Ахейского союза и его городов, взаимоотношения между федерацией и полисом в этом государстве.

Рецензенты:

Э. Д. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
В. И. Исаева, ученый секретарь сектора истории древнего мира
Института всеобщей истории АН СССР, кандидат исторических наук

С $\frac{0503030000 - 32}{183/2/ - 88}$ 33—88

ВВЕДЕНИЕ

ОДНИМ из выдающихся достижений античной цивилизации в сфере политики и государственности можно считать создание федеративных государств в древней Греции. По-видимому, именно в Элладе был впервые применен принцип федерализма, который оказался там единственно возможным для прочного и долговременного объединения полисов с их неизбежным стремлением к партикуляризму и постоянной междоусобной борьбой в единое независимое государство. Наиболее впечатляющие успехи федеративного движения в Греции относятся уже к эллинистической эпохе, когда почти все полисы балканской Эллады были включены в состав нескольких крупных федераций.

В этой работе речь пойдет о самой известной из них — Ахейском союзе, государстве, объединявшем во II в. до н. э. все полисы Пелопоннеса и игравшем очень важную роль в политике эллинистического времени. Уже древние считали создание такого государства явлением удивительным (*παράδοξος* — Polyb. 2,37,8; 4,1,4), напоминающим в годы общего упадка Эллады расцвет зеленой ветви на иссохшем дереве (Paus. 7,17,2). Большой интерес к Ахейскому союзу, его истории и учреждениям проявляют и современные историки. С одной стороны, тщательно исследуется федеративная структура этого государства, строение и взаимоотношения центральной и местной власти. С другой стороны, важной задачей является изучение фактов истории Ахейского союза в различные периоды его существования, что помогает оценить как причины его роста и расцвета, так и подоплеку кризисных явлений, обнаруживавшихся время от времени в Ахейской федерации.

Историю Ахейского союза эллинистической эпохи можно разделить на три последовательных этапа: период независимого развития, расцвета и последовавшего в конце кризиса, который привел к восстановлению македонского господства в Пелопоннесе (281 — 221 гг.), период зависимости от Македонии (220 — 198 гг.) и период союза с Римом, который повлек за

собой вначале частичную, а потом и полную потерю независимости Ахейского союза (198 — 146 гг.).

Данная работа посвящена первому из названных периодов, пожалуй, наиболее интересному и богатому сведениями, позволяющими судить о характере федерального движения в его самостоятельном развитии, без контроля извне. Впрочем, в описании государственного строя Ахейского союза невозможно обойтись и без фактов, относящихся уже к периодам зависимости от Македонии и Рима.

Глава 1

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ОЖНО лишь сожалеть о том, что не сохранились (и дошли до нас только в передаче позднейших писателей) произведения современников событий 281—221 гг. Именно этому историческому периоду были посвящены сочинения Арата и Филарха.

Арат из Сикиона, знаменитый вождь Ахейского союза, определявший политику государства в течение 33 лет (245—213 гг.), в конце своей богатой событиями жизни написал «Воспоминания»¹, объемистый труд более чем в 30 книгах (F. Gr. Hist 231. F. 1), где рассказывал не только о собственной деятельности, хотя именно она была в центре повествования, но и о ходе греческой истории до 220 г. (Polyb. 1,3,2; 4,2,1). По своему жанру произведение Арата представляло собой типичные для эллинистического времени мемуары государственного деятеля, имевшие главной целью оправдание его политики. Поскольку многие действия Арата вызвали серьезные упреки в его адрес, он вынужден был в «Воспоминаниях» постоянно опровергать неприятные для него версии событий и оправдываться², причем не всегда, судя по реакции Плутарха (Ar. 33,4; 38,11; 45,6 sqq), это делалось очень убедительно. Свои заслуги Арат описывал весьма пространно (Plut. Cleom. 16,5), своих противников старался охарактеризовать с наихудшей стороны, отзываясь об их действиях зло и язвительно (Plut. Ar. 38,6; Cleom. 16,4; 17,4; 19,4). Разумеется, «Воспоминания» Арата отличались крайним субъективизмом, однако не стоит с излишней иронией относиться к замечанию Полибия (2,40,4) об этих мемуарах как «очень правдивых и достоверных». При всей тенденциозности оценок Арат не умалчивал, как правило, о неудачах ахейцев под его руководством, иногда признавался в своей беспомощности перед силой обстоятельств (Plut. Ar. 38,11; Cleom. 19,5).

Такие шаги, как присоединение родного города к Ахейскому союзу, он объяснял не возвышенными идейными побуждениями, как впоследствии тот же Полибий (2,43,3), а вполне реальной оценкой сложившейся обстановки (Plut. Ag. 9,5 sq). Мемуары писались по горячим следам, наспех, «между делом» (Plut. Ag. 3,3), многие читатели были очевидцами событий. Поэтому, надо полагать, приукрашенная, очищенная от неприятных фактов, превозносящая непогрешимость и всемогущество Арата как политика официальная ахейская история не являлась буквальным повторением «Воспоминаний». Такая «парадная» историография возникла позднее и нашла свое отражение в трудах Полибия.

«Достоверность» мемуаров Арата Полибий старался подчеркнуть не в последнюю очередь ради противопоставления этого сочинения другому — «Истории» Филарха³. Работавший над своим произведением в одно время с Аратом (Polyb. 2,56,1;

Suidas s. v. Φιλάρχος), повествующий о том же периоде греческой истории, Филарх как историк кажется полным антиподом Арата. «Воспоминания» написаны в лаконичной деловой манере, «История» Филарха расцвечена риторикой, изобилует трагическими и эффективными драматическими подробностями⁴. Царь Спарты, знаменитый реформатор Клеомен III — злейший враг Арата и любимый герой Филарха, центральная фигура по крайней мере последних книг его произведения. «История» Филарха переполнена обличениями роскоши и праздности в стоическом духе, его положительным идеалом выступает возрожденная Клеоменом ликургова Спарта (F. Gr. Hist. 81. F. 2, 3, 6, 7, 20, 23, 31, 40—46, 66). Плутарх (Themist. 32,3; Ag. 38,12) и Полибий (2,56,6 sq; 2,59,1 sq; 2,61,4) свидетельствуют о тенденциозности Филарха, который во всем был готов оправдать Клеомена и по любому поводу осудить Арата. Не все претензии Полибия (2,56—63) к Филарху справедливы, но налицо пристрастность и субъективность в освещении событий со стороны и этого писателя. Лаконофильство Филарха, очевидно, мешало ему увидеть положительные стороны роста Ахейского союза, а вражда, существовавшая между Аратом и Клеоменом, заставила историка изображать ахейского стратега исключительно в черном цвете.

Не дошли до нас и произведения современников Арата аттидографа Батона из Синопы и автора «Аргосской истории» Диния. О некоторых событиях, связанных с историей Ахейского союза, писали и Батон (Plut. Agis. 15,2), и Диний (Plut. Ag. 29,4), однако об их позиции в отношении ахейского государства почти ничего нельзя сказать⁵. В описании истории 281 — 221 гг. мы вынуждены главным образом опираться на сведения позднейших авторов, один из которых, впрочем, еще застал в живых очевидцев и участников этих событий. Выдающийся

историк античной Греции, ахеец Полибий из Мегалополя⁶, был не только свидетелем, но и активным участником политической жизни Ахейского союза во II в. Отец Полибия ахейский стратег Ликорт и знаменитый Филопемен привили ему с юных лет чувство ахейского патриотизма и привязанность к идеалам ахейской элиты времени Филопемена. До своего вынужденного отъезда в Рим в 168 г. Полибий успел еще в молодом возрасте выполнить ряд ответственных дипломатических поручений (Polyb. 24,6,5; 28,12,4 sqq), занять в 170/69 г. второй по значению в федерации пост гиппарха (Polyb. 28,6,9). Излишне говорить о его знании деталей ахейской политической системы: именно благодаря Полибию устройство Ахейского союза известно нам довольно неплохо. Насколько можно судить, еще до поездки в Рим Полибий собирал и систематизировал факты более ранней истории Ахейского союза, в частности, о деятельности Филопемена, биографию которого в форме энкомия он написал еще до создания «Всеобщей истории» (Polyb. 10,21,5). Возможно, Полибий внимательно изучал государственные архивы федерации⁷, безусловно, знал содержание стел с договорами, выставленными в Гамарионе — религиозном центре союза. О событиях времен Арата он читал в мемуарах этого ахейского деятеля, хорошо знал содержание «Истории» Филарха: обрушился с критикой на ее автора, но тем не менее использовал его данные в своем сочинении⁸. Хотя Полибий (2,40,4; 2,56,2) заявляет, что историю 281—221 гг. лучше изучать по мемуарам Арата и что он сам следует им при описании Клеоменовой войны, его знания об этом периоде отнюдь не ограничивались тем, что было написано у Арата.

По всей видимости, и общая концепция ахейской истории 281—221 гг., изложенная им «сжато» (Polyb. 2,40,4) во 2-й книге его главного труда, не заимствована в «Воспоминаниях» Арата, а является творением самого Полибия⁹. Вообще, эта часть «Всеобщей истории» резко отличается от остальных своим тоном и построением. Обычно хладнокровный историк, забывший здесь свою теорию о неизбежной порче государственных форм в их «чистом виде», заявляет в ахейском разделе

своего «Введения» (προκατασκευη), что истинная демократия издавна присуща ахейцам и существует до сих пор (2,38,6; 2,41,5 sq). Только что признававший непреодолимую силу Судьбы (2,37,6), Полибий не придает ей никакого значения, когда речь идет о причинах возвышения и роста Ахейского союза (2,38,5). Корень успехов этого государства — врожденная бла-

городная προαίρεσις (цель, предрасположенность характера) ахейского народа (2,38,6; 2,38,10; 2,39,11; 2,42,2; 2,43,3; 4,1,77); ахейцам были всегда присущи идеалы равенства, свободы, гуманности, добра, стремление помочь поработленным соседям добиться освобождения. Объединение Пелопоннеса на этих на-

чалах — дело прекрасное (2,40,1), достойное изначальной чести (2,39,4; 2,39,10) и благородства (2,39,10; 2,60,4) ахейцев. Все эти качества ахейского народа, свойственные ему и ранее (2,38,10; 2,39,1 sqq), смогли привести к «освобождению» и «единодушию» всего Пелопоннеса после ослабления Спарты и Македонии (здесь Полибий приближается к реальности) и появления выдающихся «борцов за идею» (προστάται προαίρεσεως; 2,39,12 sq).

Все последующее изложение должно доказать, что деятельность столь разных людей, как Арат, Филопемени и Ликорт, была с начала и до конца посвящена реализации благородной προαίρεσις (2,40,2), их политика представляла собой единую последовательную линию по заранее намеченной программе, и даже переход Ахейского союза под протекторат Македонии, а затем Рима был не вынужденным, а сознательным шагом вождей ахейцев, которые на службу великой цели поставили даже македонских царей и римский сенат (2,42,3; 2,42,6). Таким образом, у Полибия изложена целая концепция ахейской истории, носящая характер не столько историографический, сколько политико-пропагандистский¹⁰. В соответствии с этими установками историк тщательно подбирает материал по периоду 281 — 221 гг., молчит или вскользь говорит о неудачах ахейцев, подчеркивает безупречность и дальновидность политики Арата, видит источник всех зол в гегемонистских и тиранических устремлениях Клеомена, а еще более — в кознях этолийцев, народа нецивилизованного, жадного до добычи, непорядочного, заносчивого и т. д.¹¹. Принципу, провозглашенному им же (16,14,6) — историк должен быть пристрастен при изображении истории своей родины, но при этом не противоречить фактам — Полибий на практике следует не всегда, в чем мы позднее убедимся.

Писатели более позднего времени, описывая Ахейский союз III и II веков до н. э., во многом зависели не только от фактических сведений, но и от настроения первоисточников. Так, данные Тита Ливия об Ахейском союзе и его политике времен Филопемени и Ликорта, по-видимому, целиком заимствованы у Полибия, труд которого автор «Истории от основания Рима» высоко ценил и назвал своим главным источником сведений о событиях в Греции (Liv. 30,45,5; 33,10,10; 34,50,6)¹². Соответственны и оценки тех или иных явлений у Ливия. Несколько сложнее обстоит дело с биографиями Арата, Агиса и Клеомена, составленными Плутархом в эпоху Империи. С одной стороны, очевидна зависимость фактического содержания биографии Арата от его «Воспоминаний»¹³, а содержания жизнеописаний Агиса и Клеомена — от сведений Филарха¹⁴. Тенденциозность обоих источников не могла не отразиться и на выводах биогра-

фа, который к тому же старался прежде всего выделить достоинства и заслуги каждого из своих героев, особенно греков. Однако нельзя и преувеличивать степень этой зависимости. Плутарх, имея перед собой два противоположных по настроению источника материала, постоянно сверял их друг с другом, привлекал для проверки достоверности тех или иных фактов работы Полибия (Plut. Ar. 38,11) и других авторов (Plut. Ar. 29,5; Agis. 15,4). Время от времени он высказывает свое недоверие то Арату (Plut. Ar. 33,4; 38,3; 38,11; 45,6 sqq), то Филарху (Plut. Ar. 38,12), дополняет «базовый» источник каждой биографии сведениями другого, «дополнительного»¹⁵. Это свидетельствует не только о добросовестности и относительной надежности Плутарха как источника, но и о наличии у него собственной позиции, которую не всегда принимают во внимание исследователи. Думается, что Плутарх, отдавая должное Арату и его подвигам во славу Ахейского союза, все же более критически относится к этому персонажу, чем к Агису, и особенно Клеомену, который изображен «рыцарем без страха и упрека», вероятно, потому, что Плутарх и сам увлекся идеализацией ликурговой Спарты и ее традиций¹⁶.

Из прочих источников, касающихся истории Ахейского союза в 281 — 221 гг., стоит упомянуть «Описание Эллады» Павсания, особенно имеющиеся там исторические экскурсы, посвященные Арату (2,2,1 sqq), Ахайе (7,7,1 sqq) и Филопемону (8,49,1 sqq). Последовательность и характер событий передаются Павсанием в целом верно, хотя мало что добавляют к уже известным фактам, по крайней мере, для III в. до н. э. В случае расхождений Павсания с Полибием или Плутархом антиковеды обычно отказываются принять его версию, учитывая массу фактических ошибок и ненадежность источников этого античного путеводителя, когда речь в нем заходит об истории.

Что касается эпиграфики, которая, например, для Этоллийской федерации является едва ли не главным источником, то при описании ахейской истории она мало чем может помочь. К сожалению, до сих пор не идентифицирован и не раскопан Гамарнион, федеральное святилище, где были выставлены стелы с официальными документами союза. Сейчас нам известны немногие надписи с постановлениями ахейцев: декреты Ахейского союза о почестях беотийским и фокидским заложникам примерно 224 года до н. э. (Syll.³ 519), о признании праздника Артемиды в Магнесии на Меандре (IvM. 39), о даровании гражданства Кассандру из Троады (Syll.³ 653, v.A 10), отрывок из ахейского постановления о культе Гигии (IG.IV.1.² 73)¹⁷. Исторических сведений эти документы почти не содержат. Ряд надписей, обнаруженных за пределами Пелопоннеса, повествует о некоторых сторонах политики Ахейского союза, но лишь во II в. Более важны эпиграфические свидетельства о взаимоотношениях ахейских городов между собой (в основном о поряд-

ке разрешения территориальных споров), а также с центральной властью союза. Здесь особо интересен документ из Орхомена, повествующий о вступлении этого аркадского города в Ахейский союз (Syll.³ 490). Наконец, именно эпиграфика предоставляет основную массу сведений о внутренней жизни ахейских полисов. Среди городских постановлений ахейского времени следует выделить серию декретов из Димы в Ахайе, показывающих нам различные стороны политической жизни города внутри большой федерации (Syll.³ 529, 530, 531; GDI. 1615).

В современной исторической литературе существует целый ряд исследований, посвященных эллинистическому федерализму и конкретно Ахейскому союзу 281 — 221 гг. В прошлом веке интерес ученых к этой проблематике стимулировался появлением передовых для того времени федеративных конституций в Северной Америке и Швейцарии. Ахейскому союзу было посвящено главное внимание Э. Фримэна, автора первого обобщающего обзора древних федераций¹⁸, появились первые специальные исследования по истории Ахейского союза и его учреждений¹⁹. Для этих работ характерна значительная зависимость от главного источника — Полибия и поэтому чрезмерная идеализация «Свободы, Равенства и Братства»²⁰ в ахейском государстве, а также еще сравнительно большое количество фактических неточностей (особенно у Дюбуа). Пожалуй, более серьезными и глубокими работами были исследования русских ученых Васильевского и Мищенко. В. Г. Васильевский, описывая параллельно развитие Ахейского союза и ход социальных реформ в Спарте во второй половине III в., высоко оценивал федеративные принципы ахейского государства, отмечал огромные возможности, которые таила в себе эта форма объединения полисов, но пришел к выводу, что «дело политического возрождения Греции было разрушено, можно сказать, социальной революцией»²¹, имея в виду итоги Клеоменовой войны. Ф. Г. Мищенко во введении к своему переводу Полибия, посвященном федеративным государствам эллинистической Греции²², последовательно провел критический анализ оценок ахейского историка, касающихся Этолийской и Ахейской федерации, доказал, что многие из них субъективны и вызваны непониманием сути социально-политических процессов в Греции III в. Итоговые выводы в главе об Ахейском союзе достаточно пессимистичны: полноценного единого государства из этого объединения полисов так и не получилось, ибо сама организация союза, отстранявшая народ от управления, делавшая его «беспомощным в собственных делах»²³ и предоставлявшая огромную бесконтрольную власть стратегу и его окружению, вызывала постоянные кризисы в Ахейском союзе, отпадения полисов и привела к утрате независимости.

На рубеже XIX и XX вв. историей Ахейского союза и его устройства занимался видный немецкий антиковед К. Ю. Белох,

который в своей «Греческой истории» характеризовал федерацию III в. как творение возродившейся после войн диадохов «республиканской партии», представителями которой были вожди и Ахейского, и Этолийского союзов²⁴. Фактологическая сторона работы Белоха до сих пор представляет большой интерес для исследователей. В итальянской историографии начало изучению Ахейского союза положил Дж. Никколини, работа которого носит отпечаток некоторой наивной идеализации «доброты нравов и законов»²⁵ в качестве причины успехов федерации ахейцев, что сближает эту книгу с историографией XIX в. Очерк истории ахейского государства у Никколини содержит довольно мало принципиально новых для того времени выводов, однако в этой работе дан очень подробный и неплохой обзор организации союза. Специально изучал ряд проблем, касающихся государственного строя Ахейского союза и его полисов выдающийся эпиграфист Х. Свобода. В его исследованиях на материале надписей и нарративных текстов были сделаны ценные, во многом до сих пор актуальные выводы о правах членов федерации, о самоуправлении ахейских полисов, о федеральном гражданстве в эллинистической Греции²⁶.

Усилившийся в буржуазной историографии 1920—30-х гг. интерес к «сильной личности», двигающей историю, привлек внимание некоторых антиковедов и к Арату. Помимо ряда отдельных изданий плутарховой биографии Арата с обширными комментариями, в это время вышли и специально посвященные ему монографии. А. Феррабино²⁷, описывая борьбу Арата за единство пелопоннесских полисов, старается объяснять ее не возвышенными побуждениями, а узким практицизмом, стремлением расчетливого политика обеспечить безопасность своего слабого государства путем расширения его территории и заключения союзов с наиболее сильной на данный момент державой. Федерализм при этом был скорее средством, чем целью, к тому же он и не обеспечил действительно прочного единства стремившихся к самостоятельности полисов. В другой работе об Арате Ф. Уолбэнк²⁸ также подчеркивал преобладание конкретных внешнеполитических целей над абстрактными идейными побуждениями в политике ахейского стратега, однако не считал, что его деятельность в итоге оказалась неудачной: федеративное движение было для этой эпохи вполне закономерным и исторически прогрессивным, государство, созданное Аратом, просуществовало не менее сотни лет.

Вскоре после «Арата» Уолбэнка было издано крупное исследование французского историка А. Эймара о законодательных органах Ахейского союза²⁹, до сих пор не имеющее себе равных по скрупулезности анализа сохранившихся сведений об ахейских собраниях, противоречивых данных об их составе, компетентности, порядке и времени заседаний и т. д. Вряд ли можно считать, что появившиеся впоследствии работы Дж. Лар-

сена³⁰ своими новыми подходами к этой проблеме полностью зачеркивают то, что было сделано Эймаром, тем более что известная теория Ларсена о развитии представительного правления в античных федерациях применима к истории Ахейского союза только в качестве гипотезы. Впрочем, работы Эймара и Ларсена схожи в том, что оба эти исследователя связывают развитие федеративных институтов Ахейского союза исключительно с духовными процессами эпохи: Эймар — с господством старых политических традиций в мышлении эллинистических греков, а Ларсен — с распространением идеи представительного правления в борьбе с идеей непосредственной демократии.

Из работ последнего времени следует назвать полные неожиданных и парадоксальных выводов исследования А. Джованнини³¹, который, в частности, отрицает федеративный характер Ахейского союза и считает его (как и союзы Этолийский, Беотийский и др.) унитарным государством наподобие Аттики. Недавно вышла и монография Р. Урбана об истории Ахейского союза 280 — 222 гг.³², также содержащая ряд нестандартных выводов. Урбан пытается доказать, во-первых, что расширение Ахейской федерации шло почти исключительно за счет вооруженной экспансии и, во-вторых, что кризис ахейского государства в годы Клеоменовой войны не был ни в коей мере обусловлен социальным движением низов, как традиционно считается.

В советской историографии история и учреждения Ахейского союза рассматривались лишь в общих чертах. Вслед за Ф. Г. Мищенко советские антиковеды обычно подчеркивают отсутствие демократии в Ахейском союзе, непрочность его как государства³³. Из новейших исследований нужно особо упомянуть монографию В. Д. Жигунина о международных отношениях в 280 — 220 гг.³⁴, где определенное внимание уделяется и внешней политике ахейской федерации времен Арата.

Таким образом, исследование истории и политического строя Ахейского союза еще далеко от завершения. Целый ряд проблем остается открытым: о типологии и степени единства Ахейского союза, о причинах его расцвета в середине III в., об устройстве центральных органов власти, о характере кризиса 220-х гг. и др. Дискуссионным характером многих вопросов, важностью упомянутых проблем и обусловлено наше обращение к этой теме.

Глава 2

ПЕЛОПОННЕС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III В. И ВОЗРОЖДЕНИЕ АХЕЙСКОГО СОЮЗА

НАЧАВШЕЕСЯ в первой половине III в. федеративное движение в Греции вообще и в Пелопоннесе в частности имело, несомненно, определенную связь как с социально-экономическими процессами, так и с политической ситуацией того времени. Быстрый рост федеративных союзов в эллинистической Греции проходил в иных условиях, нежели аналогичные процессы в некоторых областях Эллады V—IV вв. Греция III века начала испытывать серьезные экономические трудности. Большинство полисов понесло значительный ущерб вследствие непрерывных войн времени диадохов, которые продолжались и в эпоху относительной стабилизации эллинистических держав. Видимо, именно этим объясняются симптомы последовавшего хозяйственного упадка, как справедливо предполагает Т. В. Блаватская¹. По крайней мере, это относится к ряду полисов Истма и Пелопоннеса²: ко времени Клеоменовой войны «имущество пелопоннесцев было совершенно уничтожено» (Ролуб. 2,61,3), такой крупнейший торгово-ремесленный центр, как Мегары, пришел в результате разграбления его Деметрием Полиоркетом и Антигоном Гонатом в состояние полнейшего запустения³, серьезно уменьшилось население и пострадало хозяйство Аргоса, ахейских Патр и других полисов. По мере бурного роста городов эллинистического Востока все труднее было удерживать традиционные рынки сбыта продукции ремесла, вина, оливкового масла⁴. Жизненный уровень ремесленников, работавших по найму, снижался: делосские документы показывают явную тенденцию к сохранению или сокращению наемной платы при росте цен⁵. Продолжавшийся отток наиболее инициативной части населения на Восток тоже не способствовал хозяйственному подъему. Общие масштабы экономическо-

го упадка Греции определить трудно, но сам факт такого упадка бесспорен. В Пелопоннесе он должен был охватить и чисто аграрные области (Арголида, Мессения, Аркадия, Ахайя, Элида), и немногие торгово-ремесленные центры, подобные Сикиону⁶. Первые жестоко страдали от войн и уменьшения экспорта сельскохозяйственных продуктов, вторые также испытали разрушительное действие военных конфликтов и конкуренцию товаров с бывшей периферии. Впрочем, надо полагать, что упадок мало коснулся Коринфа с его высокоразвитым ремеслом и устоявшимися торговыми связями с областями западных греков⁷.

Таким образом, Пелопоннес, как и почти вся Греция, испытывал определенные экономические трудности. Однако и в этих условиях продолжали действовать факторы, способствовавшие кризису и видоизменению греческого полиса. Приток драгоценных металлов с Востока стимулировал дальнейшее развитие товарно-денежных отношений. Образцы необыкновенной роскоши эллинистических царских дворов разлагающе действовали на зажиточную верхушку полиса. Не падал спрос на рабов, поставкой которых на рынок в массовом масштабе занялись этолийцы, устроившие в Греции и Эгеиде настоящую охоту на людей. Данные о численности рабов имеются главным образом только по II в., но и они весьма показательны. Рабов только из Италии, попавших в Ахейский союз в годы II Пунической войны, насчитывалось 1200 человек (Liv. 34,50,6). В 146 г. стратег ахейцев Дизй приказал городам освободить 12 тысяч доморожденных рабов — мужчин в расцвете лет и включить их в армию (Polyb. 38,15,3). Это предполагает наличие в Ахейском союзе II в. примерно 150 тысяч невольников обоого пола⁸. Такие цифры свидетельствуют о том, что общий экономический упадок не сопровождался упадком рабовладения. Есть все основания предполагать, что хозяйственные неурядицы не затормозили, а ускорили наступление нового этапа кризиса полиса в III в. до н. э.

Признаки этого нового этапа можно вкратце перечислить следующим образом.

Во-первых (и прежде всего), не остается и следа от былого единства и сплоченности гражданского коллектива. Раскол его на группы *εὐτοροὶ* и *οἰοί*, казавшийся неестественным в IV в., теперь признается нормальным состоянием полиса. Лишь там, где имущественное расслоение сопровождалось чрезмерной концентрацией земельной собственности (как это было в Спарте), предпринимаются попытки вернуть утраченное равенство⁹. Рост «невидимого имущества» полис контролировать не мог, поэтому и в условиях экономических трудностей, во время разорительных войн продолжали возникать крупные состояния, которые теперь приближались по своим размерам к стоимости

имущества целых городов. По мнению Полибия, в 220-х гг. в крупнейших полисах Аркадии — Мегалополе и Мантинее — все движимое имущество, а также стоимость рабов и проданных Клеоменом или ахейцами в рабство свободных граждан оценивались примерно в 300 талантов для каждого города (Polyb. 2,61,9 sqq). В то же самое время одни драгоценности жены Арата и посуда в его доме стоили 60 талантов (Plut. Ar. 19,1). Личное состояние спартанского царя Агиса IV составляло без учета недвижимости 600 талантов (Plut. Agis. 9,5). Позднее этолиец Александр имел репутацию богатейшего человека Греции и 200 талантов состояния (Polyb. 21,26,14). Подобные богатства наживались разными путями, но главным образом торгово-ростовщическими операциями. Снижение жизненного уровня мелких производителей не отразилось на вызывающе благополучной жизни состоятельной верхушки полиса, не только не скрывавшей, но даже подчеркивавшей в одежде, быту, поведении свою принадлежность к элите (Polyb. 11,8,4 sq). Исследователи, изучавшие социальное положение в полисах эллинической Греции, приходят к единодушному выводу: пропасть между богатыми и бедными в среде граждан значительно увеличилась¹⁰.

Во-вторых, античная форма собственности в принципе сохраняется и в эпоху эллинизма, однако исключительное право коренных граждан на земельную собственность теперь становится скорее преимущественным правом — настолько широко раздаются полисами права гражданства и вместе с ним право приобретать землю (ἐϋχτησις), либо ἐϋχτησις без гражданства¹¹. Вообще стабильность и замкнутость гражданских коллективов окончательно уходит в прошлое. Эмиграция, уход в наемники, обеднение значительной части граждан требуют компенсации, и полисы пытались привлечь в ряды граждан зажиточных инополитов и метеков¹². Ранее непреступная стена между гражданами и негражданами теперь становится весьма подвижной перегородкой.

В-третьих, оба названных выше явления приводят к заметному оживлению межполисных контактов¹³. Острота внутренних противоречий, взаимное недоверие в среде сограждан вызывают повсеместную практику приглашения судей из других полисов. Очень широко распространяется для закрепления политических соглашений обмен гражданством — исополития, что является еще одним свидетельством утраты былой непроницаемости гражданских коллективов¹⁴.

В-четвертых, происходит если не обострение форм, то расширение масштабов социальной борьбы внутри полисов¹⁵.

В-пятых, постепенно стирается разница между олигархией и демократией в их традиционном понимании. «Демократия» становится официальным обозначением для нового, типичного в эллинистическую эпоху строя, сочетающего демократические по

форме институты (кроме радикальных, типа жеребьевки при назначении на должности) с фактической властью имущей верхушки полиса¹⁶. Несмотря на всю остроту социальных конфликтов, ни одного из деятелей III в. нельзя назвать подлинным демократом в том понимании этого слова, которое было присуще V и IV векам. Фактически борьба велась вокруг альтернативы: плутократическая «демократия» или тирания.

Таким образом, полис в эллинистической Греции представлял собой нечто иное по сравнению с полисом классическим. Традиционные черты полисной структуры, основные полисные ценности предстают перед нами в заметно деформированном виде. Крайним выражением такой деформации можно считать изменения, произошедшие в Спарте, где в свое время присущие полису особенности были доведены до предела. Поэтому здесь кризис полиса протекал особенно тяжело и привел к середине III в. к расколу бывшей «общины равных» на маленькую группу крупных собственников и обнищавший вконец, политически пассивный $\sigma\chi\lambda\omicron\varsigma$ $\alpha\lambda\omicron\rho\omicron\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\alpha\tau\iota\mu\omicron\varsigma$ (Plut. Agis. 5, 7). С меньшими крайностями тот же процесс протекал и во многих других полисах Греции. Возникло противоречие. С одной стороны, полис в его видоизмененной форме утрачивал широкую социальную базу и внутреннюю стабильность. С другой стороны, история показала, что он далеко еще не изжил себя: стремление к автономии и самостоятельности, сословные привилегии граждан, контроль над землей хоры, связь граждан с землевладением (хотя и ослабленная), самоуправление и республиканский строй — все это еще долгое время продолжало существовать. Попытки выйти из этого противоречия путем искусственной реставрации классического полиса, например реформы Агиса IV и Клеомена III в Спарте, успехом увенчаться не могли. Надежды Исократ на то, что массовые переселения греков в Азию снимут остроту социальных противоречий, не оправдались. Лишь очень немногие полисы были достаточно богаты, чтобы поддерживать независимое существование и социальную стабильность за счет государственного содержания обедневших граждан, как это делалось на Родосе (Strabo. 14,652). Надо полагать, что в III в. среди зажиточных собственников Греции окончательно созрело понимание того обстоятельства, что гарантировать автономию полиса и внутреннее спокойствие может только сильная поддержка извне. Иными словами, полис в его эллинистическом варианте, как правило, мог сохранять стабильное существование только в составе более крупного государственного объединения.

Усиление культурных и хозяйственных связей между полисами, возросшая роль метеков в экономике, распространение панэллинских идей и представлений — все эти явления, сопровождавшие кризис полиса, делали вполне возможным объеди-

нение городов балканской Греции в крупные государства, на подобие существовавшей в Сицилии Сиракузской державы Гиерона II, или сплочение их под верховной властью эллинистического монарха, как это было на Востоке. Первоначально отнюдь не исключена была возможность постепенной интеграции греческих полисов и македонской монархии в единое государственное объединение. Однако политика македонских правителей на деле оказалась эгоистичной, противоречивой и негибкой; настолько мало проявляли они желания найти общие интересы и приемлемую форму партнерства даже с имущей верхушкой полисов¹⁷. Обратим внимание только на один аспект вопроса: какова была позиция македонян в отношении социальной борьбы внутри полисов. Филипп II с помощью установлений Коринфской лиги, казалось бы, попытался гарантировать «социальный мир» в греческих городах, запретив переделы земли, отмены долгов, государственные перевороты, насильственную расправу с политическими противниками ([Dem.] 17,15). Александр возобновил этот же договор, но позднее, убедившись в неблагонадежности греков, издал знаменитый декрет о возвращении изгнанников (Diod. 18,8; Curt. 10,2,4), что означало новый взрыв политической и социальной борьбы в Элладе.

Не более последовательной была и политика позднейших властителей Македонии. Полисперхонт, преследуя собственные цели, попробовал подорвать господство состоятельной верхушки в ряде полисов (Diod. 18,56 sq; Plut. Phoc. 32,1), после чего, в частности, был свергнут тимократический режим в Афинах. Антигон Гонат и Деметрий II уже в интересующий нас период свое господство в Пелопоннесе основывали на поддержке тиранических режимов в Элиде, Мегалополе, Аргосе и целом ряде других полисов. Прямые свидетельства Полибия о такой политике Антигонидов (Polyb. 2,41,10; 2,44,3; 9,29,6) относятся более к 40-м и 30-м гг. III в., однако, несмотря на возражения В. Фельмана и его последователей¹⁸, можно говорить о сознательном внедрении промакедонских тиранов в города Пелопоннеса Антигоном Гонатом и в 50-е, и в 60-е годы¹⁹. Около 271 г. Антигон поддерживал тиранию Аристотима в Элиде (Just. 26,1,4 sqq; Plut. Mor. 250 F sqq; Paus. 5,5,1). Родоначальником целой династии тиранов в Аргосе явился Аристипп, который в 272 г. возглавлял промакедонскую партию среди аргивян, а после смерти Пирра, наверняка, с помощью находившихся в городе войск Антигона, захватил единоличную власть²⁰. Его преемники Аристомах Старший, Аристипп Младший, Аристомах Младший считались союзниками Македонии и действовали в ее интересах (IG. II.2774; Polyb. 2,44,6; Plut. Ar. 26,1; 45,5). Тиран Мегалополя Аристодем «Добрый» (или «Доблестный»—

Χρηστός; Paus. 8,27,11; 8,36,5) одержал победу над спартанским царем Акротатом в то же время, когда со Спартой воевал

и Антигон (Plut. Agis. 3,7; Paus. 8,27,11; 8,30,7)²¹.

Если этих примеров недостаточно, то можно вспомнить и о том, что в 40-х и 30-х годах III в. промакедонские тирании существовали в Гермione и Флиунте (Polyb. 2,44,6), а до 276 г. — в Буре и Керинее (Polyb. 2,41,13 sq)²². Недостаток сведений о политических режимах в Пелопоннесе 1-й половины III в. не может помешать нам увидеть главную тенденцию в политике Антигона: насаждение или, по крайней мере, поддержка авторитарных правителей, тиранов. Разумеется, не все они были непосредственными ставленниками Македонии: это признает сам Полибий (2,42,3), затем об этом свидетельствует и история сикионских тиранов, о которых речь пойдет позже. Однако очевидно, что именно благоприятные условия, созданные Антигоном, породили возможность повсеместного установления и укрепления тиранических режимов. Опора на тиранов или, по крайней мере, благосклонное к ним отношение, присутствие македонских гарнизонов в Коринфе, Эгии до 276 г. (Polyb. 2, 41,13), возможно, где-то еще на Истме и в Пелопоннесе, до поры до времени позволяли Антигону Гонату контролировать ситуацию в южной Греции. Но в долгосрочном плане такая политика была ошибочной²³. Тираны Пелопоннеса восстали против Антигонидов ту самую имущую верхушку полисов, которая уже готова была сотрудничать с Македонией ради укрепления своих позиций на родине. Дело не только в том, что греческая элита со времен архаики сохранила устойчивое представление о тирании как воплощении беззакония, ненавистном богам и людям (Aristot. Pol. 1267 a, 12 sqq; Polyb. 2,56,15; 2,59,6; 2,60,2). Еще важнее были социальные тенденции младшей тирании в ее эллинистическом варианте²⁴. Держась у власти исключительно за счет наемных отрядов и поддержки извне, тираны были вынуждены лавировать, заниматься социальной демагогией, искать себе сторонников в низших слоях населения²⁵. Одновременно, следуя известному совету Фрасибула уничтожать всех, выделяющихся из общей массы и потому опасных для авторитарного правителя, тираны Пелопоннеса неизбежно должны были казнить и изгонять наиболее богатых и влиятельных граждан²⁶, представлявших собой самую серьезную угрозу их власти. Разумеется, эти правители не были настоящими народными вождями²⁷, не могли они и улучшить положение низов демоса в условиях кризиса, но распространение таких режимов в Пелопоннесе под эгидой Македонии в конечном счете подтолкнуло состоятельных сикионян, ахейцев, мегалополитов к борьбе против Антигонидов, за другой путь соединения интересов различных полисов воедино. Вот почему в Пелопоннесе федеративное движение и антимакедонскую борьбу возглавили представители именно имущей верхушки. Впоследствии мы увидим, что организация Ахейского союза отвечала главным образом ее интересам.

Все перечисленные в этой главе факторы привели к быстрому росту Ахейского союза во 2-й половине III в., однако они способствовали и произошедшему ранее возрождению федерации городов Ахайи. До известной степени, правда, восстановление союза полисов Ахайи явилось просто продолжением древней традиции племенного единства, когда для возобновления этого единства появились благоприятные условия.

Ахайя представляла собой периферийную, сравнительно отсталую и в отношении природных условий не самую удобную для жизни область древней Греции. С скромные размеры пригодных для земледелия долин, преобладание каменистых гор (хребет Панахаикон), отсутствие хороших гаваней на побережье²⁸ — все это обусловило экономическую отсталость ахейцев и интенсивную эмиграцию на запад в эпоху Великой колонизации. Немногочисленное население²⁹ занималось скотоводством, выращивало зерновые и виноград. Сложившиеся здесь к началу классической эпохи полисы были исключительно аграрными общинами и лишь Пеллена славилась шерстяными плащами своего производства, а Патры — изготовлением льняных тканей (Aristoph. Aves. 1421; Athen. 10,414 E; Strabo. 8,386;

Paus. 7,12,14; Suid. s. v. Πελλενη). Маленькие полисы Ахайи, почти изолированные горами друг от друга, но еще более — от прочих областей Пелопоннеса, издавна из-за своей слабости и общности происхождения находились в мирных и союзных отношениях между собой. В истории V—IV вв. Ахайя (кроме Пеллены, часто действовавшей самостоятельно) выступает всегда как единое целое³⁰. О существовании единого федеративного государства в Ахайе IV в. свидетельствует наличие общесоюзного ахейского гражданства, которое ахейцы распространили на граждан занятого ими Калидона (Xen. 4,6,1), а также надпись

SEG. XIV, 375 с упоминанием общеахейского совета (βουλ[α] τῶν Ἀχαιῶν) и союзных магистратов — дамиургов³¹. Может быть, такое государство существовало и в конце V в., когда греки-италиоты, выходцы из Ахайи, объединились в федерацию по образцу метрополии с общим культом Зевса Гамария, общими собраниями и законами (Polyb. 2,39,6). Ахейский союз был тогда одной из региональных федераций, возникновение которых было связано не столько с кризисом, сколько еще с расцветом полиса, которые охватывали за редким исключением только этнически однородные области и не играли тогда особой важной роли в политической жизни Греции. В полисах Ахайи, как обычно в аграрных общинах, где почти отсутствовал торгово-ремесленный demos, существовал устойчивый аристократический строй, по крайней мере, с 417 г., когда спартанцы насадили в Ахайе олигархии (Thuc. 5,82,1; Xen. Hell. 7,1,42 sq). Попытка фиванских демократов изменить порядок правления ока-

залась безуспешной: изгнанные в 367 г. олигархи вскоре вернулись и восстановили статус кво (Xen. Hell. 7,1,41 sqq; Diod. 15,75,2).

Постепенный раскол монолитного Ахейского союза на составные части начался во времена Александра Македонского (Polyb. 2,41,6). В Пеллене установил тиранию при поддержке македонян борец-олимпионик и ученик Платона Херон ([Dem] 17,10; Athen. 11,509 B; Paus. 7,27,7), поэтому в антимакедонском восстании под предводительством Агиса III (331—330 гг.) Пеллена, в отличие от остальной Ахайи, не участвовала (Dinarch. 1,34; Aeschin. 3,165). После подавления этого восстания Антипатром Ахейский союз формально продолжал существовать³², но неуклонно распадался. Кассандр, Деметрий Полиоркет, Антигон Гонат занимали гарнизонами отдельные города (Diod. 19,66,3 sqq; 20,103,4) и в конце концов парализовали политическую жизнь федерации (Polyb. 2,41,9 sq). «Царями из Македонии» — пишет Полибий (2,40,5; ср. 4,1,5) — «ахейский народ был разделен на отдельные полисы». Вероятно, официально союз никто не распускал³³, но фактически в начале III в. его существование потеряло всякий смысл.

К 281 г. все полисы Ахайи — Патры, Дима, Фары, Тритея, Леонтий, Эгий, Эгира, Пеллена, Бура, Керинея (Polyb. 2,41,8)³⁴ — жили своей независимой от других жизнью, союзные собрания не созывались, в Эгии стоял македонский гарнизон, в Буре и Керинее правили тираны: словом, царил полный разлад (Polyb. 2,41,9 sqq). В таком положении находилась Ахайя, когда города ее западной части, очевидно, сохранившие относительную независимость, начали постепенно восстанавливать утраченные связи, воспользовавшись удобным моментом. После поражения Антигона Гоната в морском сражении с Птолемеем Керавном в 281 г.³⁵ некоторые полисы Пелопоннеса восстали под предводительством спартанского царя Аррея против оказавшегося в трудном положении Антигона (Just. 24,4,1). В том же году³⁶ пришли к соглашению о восстановлении союза вначале Патры и Дима (Polyb. 2,41,1), а затем и все западно-ахейские города: Патры, Дима, Тритея и Фары, которые и образовали ядро будущей объединенной Ахайи (Polyb. 2,41,12; 4,60,10). Полибий (2,41,12) называет этот союз «συνπολίτεια», что означает учреждение общего гражданства и восстановление федеративного строя, хотя известен факт, свидетельствующий либо о неточности этого термина у Полибия³⁷, либо о необычайной свободе городов или неустойчивости центральной власти³⁸ в этой маленькой федерации. Патры самостоятельно приняли участие в отражении нашествия кельтов на среднюю Грецию в 279 г., причем понесли огромные потери, остальные же полисы Ахайи в этой войне не участвовали (Paus. 7,18,6; 7,20,6; 10,22,6).

Через пять лет, т. е. в 276/5 олимпийском году³⁹, к западно-

ахейскому союзу примкнул Эгий, откуда граждане изгнали македонский гарнизон (Polyb. 2,41,13). В Ахайе начиналось настоящее освободительное движение. Активное участие в нем приняли изгнанники, пострадавшие от тиранов, в частности, Марг из Кериней. Впоследствии он стал наиболее авторитетным лидером союза полисов Ахайи (Polyb. 2,43,2) и имел перед федерацией огромные заслуги (Polyb. 2,10,5). Может быть, именно Марг выступал в те годы в качестве главы антимакедонского и федеративного движения в Ахайе⁴⁰. Во всяком случае, именно он возглавил восстание в Буре, которое закончилось свержением и убийством местного тирана, после чего тиран Кериней Исей добровольно сложил в себя власть и присоединил город к Ахейскому союзу, получив гарантии личной безопасности (Polyb. 2,41,13 sq). Впоследствии такой способ расширения Ахейской федерации использовался неоднократно.

У Полибия и некоторых современных историков все эти события описываются сами по себе, изолированно от общего хода греческой истории 280-х — 270-х гг. Такой узкий взгляд на период становления союза полисов Ахайи может создать ложное впечатление того, что объединение произошло случайно, благодаря появлению благородных идей и носителей их в этой части Эллады. В действительности же вожди федеративного движения в Ахайе использовали прежде всего общеполитическую ситуацию, складывавшуюся на редкость удачно для них. Антигон Гонат до 272 г. не чувствовал себя уверенно в роли хозяина Пелопоннеса. Уже упомянутое восстание Арея, борьба с Птолемеем Керавном, нашествие кельтов, война в Малой Азии с Антиохом I, затем на Балканах с Пирром — все это не могло не ослабить его влияния на дела Пелопоннеса. Временное ослабление македонского диктата и дало возможность ахейцам изгонять македонские гарнизоны и промакедонских тиранов. Лишь после гибели Пирра в Аргосе в 272 г. Антигон установил действительно прочное господство (*dominatio*) в Южной Греции (Just. 26,1,1 sqq; Trog. prol. 26). Выше уже говорилось, что промакедонские режимы в Аргосе, Элиде, может быть, и в Мегалополе возникли именно тогда. Антигон, очевидно, считал достаточным контроль над несколькими ключевыми пунктами Истма и Пелопоннеса: ситуация в Спарте, Мессении, Ахайе не изменилась и после 272 г. Более того, прошло несколько лет. — и Спарта, вступившая в союз с Птолемеем II, врагом Антигона, Элида, Фигалея, а также последовавшие за Лакедемоном города восточной Аркадии (Тегея, Орхомен, Мантиней, Кафин) и Ахейский союз выступили в составе единой антимакедонской коалиции против Антигона, за освобождение «порабощенных полисов» (Syll.³ 434/5). Началась так называемая Хремонидова война (268/7 — 261 гг.)⁴¹. Она завершилась победой Македонии и укреплением гегемонии Антигона в Греции, но похоже, что Ахейскому союзу это не нанесло особого ущерба, в отли-

чие, скажем, от Афин⁴². Судя по надписи Хремонида (Syl 434/5 v. 23 sqq; 38 sqq), Ахайя уже вступала в войну как единое целое, что должно подразумевать присоединение к союзу в течение 275—268 гг. также Пеллены, Эгиры и Леонтия⁴³. Целостность Ахейского союза сохранилась и после поражения антимакедонской коалиции в Хремонидовой войне. Важно, тем не менее, отметить два обстоятельства, которые могут многое объяснить в последующих событиях: во-первых, воссоединившаяся Ахайя продолжала придерживаться антимакедонской политики; во-вторых, была установлена военно-дипломатическая связь с Египтом: теперь даже борьба греков за независимость могла вестись только в союзе с какой-то из великих эллинистических держав.

Относительно устройства Ахейского союза после присоединения Эгия, возле которого находился старый религиозный центр Ахайи Гамарион, нам известно следующее. После присоединения каждого нового города к союзу в Гамарионе теперь устанавливалась стела с договором (Polyb. 2,41,12), как это делалось и впоследствии. Там же проходили общеахейские собрания (Strabo. 8,385). С одной стороны, были возрождены традиции Ахейской федерации IV в., с другой стороны, существовали, очевидно, уже в то время и основные принципы организации позднейшего межэтнического Ахейского союза. Впрочем, до 255/4 г. состав центрального правительства был несколько иным, чем позже. Ежегодно избирались два союзных стратега и секретарь, причем федеральные магистраты не избирались на общем собрании, а выдвигались городами (πολεῖς...προχειρίζομεναι) по очереди (ἐκ περιόδου: Polyb. 2,43,1). Такой порядок, наверное, восходил еще к IV в. и обеспечивал, как и выбор, например, беотархов в раннем Беотийском союзе, справедливое представительство полисов в органах исполнительной власти. Однако эллинистическая эпоха внесла свои коррективы: в новых социально-экономических условиях, в новой внешнеполитической ситуации неизмеримо повышалась роль личности политика и полководца. На смену безликим представителямждававшихся своей очереди полисов (ни одного имени их не сохранилось в источниках) должен был прийти один человек, облеченный доверием всего союза, заслуживавший высокого поста вне зависимости от того, откуда он был родом. Подобная централизация исполнительной власти в руках единственного стратега произошла в III в. в Беотийском и Акарнанском союзах⁴⁴, один стратег стоял и во главе Этолийской федерации. Не избежал этой тенденции и Ахейский союз. В 255/4 г. впервые был избран вместо двух стратегов один с полномочиями «υπερ τὸν ὅλων», т. е. сосредоточивший в своих руках основные

функции исполнительной власти (Polyb. 2,43,2). Первым единоличным стратегом союза стал Марг из Керинеи, сохранивший до этого времени свое огромное влияние в Ахайе (Polyb. 2,43,2).

Так, на периферии Эллады возродилось федеративное государство ахейцев. Симптоматичное само по себе, это событие все же не оказало бы большого влияния на ход истории Греции и даже Пелопоннеса, если бы через 4 года после реформы ахейской конституции не произошло событие, которое сделало скромную Ахайю центром федеративного движения в Южной Греции. Но это событие было связано с именем человека, который был не ахейцем, а сикионянином, жившим в изгнании в Аргосе.

Глава 3

АРАТ ВО ГЛАВЕ АХЕЙСКОГО СОЮЗА

БУДУЩИЙ вождь ахейцев Арат из Сикиона родился в 271 г.¹. Отец Арата, Клиний, был очень богатым человеком (Paus. 2,10,1), имел дружеские отношения со многими влиятельными людьми в Пелопоннесе (Polyb. 2,48,4; Plut. Ar. 3,1) и даже считался другом Антигона и Птолемея II (Plut. Ar. 4,2). Может быть, именно столь обширные связи позволили ему уцелеть в годы правления тиранов, которые в Сикионе сменяли друг друга, начиная примерно с 301 г. (Plut. Ar. 2,1; 9,4). После убийства одного из них — Клеона — на некоторое время установился аристократический режим, возглавляемый наиболее влиятельными гражданами Сикиона Тимоклидом и Клинием (Plut. Ar. 2,1 sq)². В 264 г. произошел очередной переворот, в результате которого к власти пришел тиран Абантид, а семилетний Арат лишился отца, потерявшего власть вместе с жизнью, да и сам спасся чудом: добрая родственница тайно переправила его в соседний Аргос (Plut. Ar. 2,2 sqq). Там Арат воспитывался у друзей отца, причем не очень бедствовал в изгнании: в 20 лет у него было несколько десятков рабов (Plut. Ar. 6,2). Образование он получил «подобающее свободному гражданину» (Plut. Ar. 3,1), однако, кажется, больше преуспел в спортивных состязаниях, чем в «теоретических» занятиях (Plut. Ar. 3,1 sqq; Paus. 6,12,5). Трудно что-либо сказать о становлении его философского и политического мышления. Впоследствии его товарищами по изгнанию в Аргосе были мегалополиты Экдел и Демофан, также замышлявшие борьбу с тиранией³. Оба они учились у философа Аркесилая, главы Средней Академии (Polyb. 10,22,2; Plut. Ar. 5,1; Philop. 1,3; Paus. 8,49,2). В принципе, можно усмотреть связь между релятивистским учением Аркесилая и будущей политикой Арата: отказ от крайно-

стей, поиск «золотой середины»⁴, полисный патриотизм⁵, республианизм, борьба с тиранией, ориентация на имущие слои граждан⁶ — но нам настолько мало известно о теории Аркесилая, особенно о его политическом учении, если такое было, что подвести какую-то философскую базу под действия Арата можно лишь в форме гипотезы.

В Сикионе тем временем продолжалась тирания. На смену Абантиду, убитому заговорщиками, пришел его отец Пасей, в свою очередь свергнутый еще одним претендентом на единоличную власть Никоклом (Plut. Ar. 3,4). Никокл, как и другие тираны, опирался на наемное войско, а к пятистам гражданам, изгнанным его предшественниками, за несколько месяцев своей власти добавил еще 80 (Plut. Ar. 4,1; 8,5; 9,4). Значительная колония сикионских изгнанников находилась в Аргосе, среди них двадцатилетний Арат пользовался большим уважением и как сын Клиния, и как человек способный, энергичный и пылающий ненавистью к тиранам (Plut. Ar. 4,1 sq). Своим намерением свергнуть Никокла Арат вначале поделился с Экделом и сикионским изгнанником Аристомахом, затем стал убеждать других сограждан, живших в Аргосе. Первоначально Арат рассчитывал повести против тирана открытую войну, захватив в хоре Сикиона какую-то крепость — тактика, известная нам, в частности, по истории Сиракуз. Но затем он получил сведения о том, что можно беспрепятственно проникнуть и в сам Сикион через один из участков стены, где на нее можно взобраться по лестнице. Дальнейшее напоминает, пожалуй, приключенческий роман, но описано Плутархом с такими подробностями, что трудно в чем-либо усомниться. Обманув бдительность соглядатаев Никокла, наблюдавших за Аратом в Аргосе, он ночью повел небольшой отряд, состоящий из сикионян, рабов Арата и нанятой им воровской шайки некоего Ксенофила к стенам Сикиона, причем лишь на половине пути открыл наемникам истинную цель похода.

Лишь тогда, когда люди Арата уже приставили лестницы к стене, стало ясно, насколько рискованным было это предприятие. Стража едва не обнаружила затаившихся на лестницах участников похода. Их присутствие вполне мог выдать лай сторожевых собак, охранявших дом садовника у стены города. Наконец, уже начинался рассвет. Но все же отряд Арата остался незамеченным и проник в город. В результате внезапного нападения были обезоружены наемники, охранявшие резиденцию тирана; самому Никоклу удалось скрыться. Собравшиеся утром в театре сикионяне узнали, что город освободил от тирана Арат, сын Клиния. Дом Никокла был сожжен, а имущество прочих тиранов Арат роздал согражданам. Освобождение Сикиона завершилось полным успехом⁷.

Так же, как и воссоединение Ахайи, события в Сикионе можно в полной мере оценить, лишь учитывая общую полити-

ческую обстановку в Греции. Пожалуй, наиболее важные изменения в политическую ситуацию того времени внес мятеж македонского наместника в Коринфе Александра, родного племянника Антигона Гоната, против царя Македонии. Александр, сын Кратера, унаследовал от отца положение командующего македонскими войсками в Коринфе и на Эвбее и фактически был в качестве доверенного лица Антигона повелителем в македонских владениях южнее Фермопил. Примерно в то же время, когда в Сикионе пала тирания Никокла, Александр изменил Антигону Гонату, провозгласил себя царем и вскоре начал военные действия против контролируемых Антигоном Афин и Аргоса, где правил Аристоммах Старший⁸. Это было, безусловно, тяжелым ударом для Антигона и повысило акции Птолемея II, пытавшегося уменьшить зону влияния Антигонидов в Греции и в Эгее еще со времен Хремонидовой войны. Многие исследователи полагают, что это событие произошло до 250 г., и что освобождение Сикиона явилось прямым его следствием: Никокл был ставленником Александра, Арат же действовал в интересах Антигона Гоната⁹. Главный аргумент в поддержку такой точки зрения — последовательность событий у Помпея Трога (p. 26) — не выглядит особо убедительным, так как факты сгруппированы там скорее в тематическом, чем в хронологическом порядке. Гораздо более весомы доказательства обратного: в момент освобождения Сикиона Александр еще подчинялся Антигону¹⁰. В таком случае предприятие Арата следует рассматривать как самостоятельную акцию, а не эпизод в борьбе Антигона против Александра.

Может быть, однако, Никокл, как и многие пелопоннесские тираны, был союзником Антигона, и Арат освободил город не только от тирана, но и от власти македонян?¹¹. Вероятно, дело обстоит не так просто. Плутарх (Аг. 4,3) сообщает, что первоначально Арат обращался за помощью к Антигону, и тот даже обещал сыну Клиния (напомним — лично знакомого с царями Македонии и Египта) помочь в борьбе с тираном. Правда, реальной поддержки Арат от него не получил, после чего и решил действовать самостоятельно. Не верить Плутарху, а в конечном счете — мемуарам Арата, оснований нет: выдумка о несуществующей просьбе к Антигону не имела бы политического смысла в то время, когда писались «Воспоминания». Скорее всего, Арат серьезно рассчитывал на помощь Македонии. Поэтому не следует считать Никокла ставленником Антигона. Он был одним из тех тиранов, которые захватили власть, как выразился Полибий (2,42,3), «сами по себе». Это обстоятельство сделало возможными и просьбу Арата, и посулы Антигона. Насколько искренне давались подобные обещания — уже другой вопрос.

Плутарх (Аг. 4,3) упоминает также о возможности аналогичной просьбы к Птолемею, но в данном случае «источник на-

дежд был слишком далеко». Арат поддерживал связи с царем Египта, посылал ему картины сикионских художников (Plut. Ar. 12,5), видимо, именно от него получил в дар 25 талантов уже после освобождения Сикиона (Plut. Ar. 11,2)¹². Вероятно, двадцатилетний Арат проявил некоторую наивность, ожидая немедленного отклика на свои обращения к царям великих держав, однако очевидно, что у него не было оснований сомневаться в самой возможности такой помощи: ни Антигон, ни Птолемей не были непосредственными покровителями Никокла. Свержение тирана, таким образом, не являлось актом, враждебным в отношении Македонии или Египта. Возникает вопрос: почему же тогда, по словам Плутарха (Ar. 9,5), Антигон «возненавидел Сикион из-за его свободы (*διὰ τὴν ἐλευθερίαν*)»? ¹ ¹ ⁵

По всей вероятности, отрицательную реакцию со стороны Македонии вызвало не само освобождение Сикиона от тирании, а последовавшие события. От Арата наверняка ожидали, что он возглавит очередной тиранический режим, однако он «призывал граждан к свободе», уничтожил все изображения тиранов, раздал их имущество сикионянам (Plut. Ar. 8,6; 9,2; 13,2 sqq).

Позднее, избранный «полновластным посредником» (*αὐτοκράτωρ διαλλακτῆς*) для разбора имущественных тяжб, он потребовал, чтобы эти дела решались коллегиально, и подобрал себе 15 коллег по должности (Plut. Ar. 14,2). Уже одно это могло вызвать тревогу Антигона: Сикион подавал нежелательный пример полисам, где правили промакедонские тираны. Но еще более важно, с нашей точки зрения, что маленький Сикион в 250 г. повел совершенно самостоятельную политику. Полной неожиданностью и для Антигона, и для греков оказалось вступление этого дорийского полиса в Ахейский союз, произошедшее вскоре после свержения тирана (Polyb. 2,43,3; Plut. Ar. 9,5 sqq; Paus. 2,8,4; 7,7,2). С одной стороны, добровольное присоединение иноплеменного полиса к федерации было фактом в Греции беспрецедентным. С другой стороны, значение Ахейского союза в греческих делах тогда было настолько мало, а Сикион настолько превосходил любой из полисов Ахайи по размерам и по своей роли в экономике и политике, что подчинение его ахейским федеральным властям выглядело в глазах греков весьма странным. Полибий (2,43,3) объясняет этот шаг Арата его давней приверженностью к целям и идеалам (т. е. все той же

προαίρεσις) Ахейского союза. Плутарх (Ar. 9,5 sq), основываясь на признаниях самого Арата в его «Воспоминаниях», ссылается на конкретные, сиюминутные побуждения Арата: он опасался Антигона и видел начало внутренних распри в Сикионе из-за возвращения изгнанников. Последнее обстоятельство действительно могло послужить причиной такого решения

Арата, что же касается враждебного отношения со стороны Антигона, то внезапное изменение позиции македонского царя нуждается в объяснениях.

Одна сторона дела — недовольство Антигона по поводу упразднения тирании в Сикионе — уже упоминалась. Однако повествование Плутарха в дальнейшем подразумевает, что инициатива в разрыве отношений исходила скорее от Арата, чем от Антигона. Осенью Арат отправился в Египет, чтобы попросить у Птолемея денег для разрешения проблем, связанных с имуществом вернувшихся изгнанников. При этом он случайно попал на остров, занятый гарнизоном Антигона, и с большим трудом скрылся от его солдат, причем корабль с командой бы-

ли захвачены как «вражеское имущество» (πολεμια). Чудом удалось ему спастись и добраться до Египта (Plut. Ar. 12,1 sqq). По возвращении Арата в Сикион Антигон произнес в Коринфе речь, смысл которой сводился к тому, что сикионский юноша правильно оценил обстановку, увидел слабость Египта и решил перейти на сторону Македонии (Plut. Ar. 15,1 sqq). Хотя македонский царь намеренно солгал относительно перемены образа мыслей Арата, желая поссорить его с Птолемеем, данный пассаж со всей очевидностью доказывает, что врагами Арат и Антигон оказались прежде всего из-за ориентации Арата на Египет.

Логичнее всего было бы предположить, что еще до поездки в Александрию Арат предпринял какой-то шаг, который привел его в лагерь союзников Птолемея и противников Антигона. Может быть, он поддержал мятеж Александра Коринфского? Но речь Антигона была произнесена именно в Коринфе, значит, Александр еще подчинялся ему. Непосредственно с Птолемеем Арат встретился только в Египте, какой-либо обмен посольствами до этого вряд ли был возможен. Очевидно, прав Р. Урбан, предполагая, что «ненависть Антигона» к освобожденному Сикиону возникла при известии о контактах Арата с ахейцами¹³. Ахейский союз, как мы уже видели, принял сторону Птолемея и других противников Македонии в годы Хремонидовой войны, и нет оснований считать, что ахейцы впоследствии изменили свою позицию. Тот факт, что они приняли Сикион в свой союз и тем самым возложили на себя заботы по охране безопасности этого полиса и по решению его сложных внутренних проблем, свидетельствует о том, что они имели серьезную поддержку извне. С другой стороны, Арату не удалось бы так легко уговорить своих сограждан стать отныне «ахейцами», если бы скромный союз полисов Ахайи не имел столь мощного покровителя. Все это подтверждает гипотезу Р. Урбана и позволяет считать ее наиболее правдоподобной.

Таким образом, с нашей точки зрения, события в 250 г. развивались в такой последовательности: освобождение города от

тирании, установление контактов с Ахейским союзом, выражение недовольства по этому поводу со стороны Антигона, присоединение Сикиона к федерации ахейцев и тем самым переход его под покровительство Птолемея Филадельфа, поездка Арата в Египет. Если придерживаться такой точки зрения, то на первый план выходит именно социальная сторона ситуации. Выбор, сделанный Аратом между двумя великими державами, объясняется главным образом тем, что только Птолемей мог помочь в решении острых социальных проблем, возникших в Сикионе после возвращения изгнанников. Около шестисот в прошлом зажиточных людей требовали возвращения их домов и земельной собственности, перешедших в руки новых владельцев за годы правления тиранов. Конфликт мог в любое время перерасти в гражданскую войну, которая закончилась бы установлением новой тирании (Plut. Ar. 9,4 sq; 12,1). Надеяться на помощь Антигона в такой ситуации было бессмысленно: он и сам предпочитал иметь дело с авторитарными режимами и с неудовольствием взирал на раздоры в Сикионе, вызванные падением тирании. Македонские войска в Коринфе в любой момент могли разрешить этот конфликт по-своему: во главе Сикиона оказался бы македонский ставленник, последовали бы новые изгнания и конфискации. Такая перспектива совершенно не устраивала Арата, который помнил судьбу своего отца. Поэтому он пришел к решению, на первый взгляд парадоксальному, но с учетом всего, сказанного выше, вполне логичному. Разумеется, слабая Ахейская федерация сама по себе не смогла бы уладить конфликт в Сикионе, но ведь за спиной ахейцев стоял царь богатого Египта. Именно на Птолемея сделал ставку оказавшийся в трудном положении Арат и не прогадал: египетский царь предоставил ему средства, необходимые для того, чтобы возместить ущерб, который причинило бы возвращение недвижимости изгнанникам. Но Птолемей Филадельф не был бескорыстным филантропом и огромную сумму в 150 талантов подарил Арату отнюдь не потому, что ему нравился этот юноша и сикионская живопись, как утверждает Плутарх (Ar. 13,6). Это была политическая сделка, причем со стороны Арата потребовались определенные гарантии того, что Сикион будет проводить нужную Птолемею политику. Именно такой гарантией могло служить вступление Сикиона в Ахейский союз.

Вернувшись в Сикион, Арат в роли «полновластного посредника» занялся улаживанием конфликта с помощью египетских денег. Были удовлетворены имущественные претензии изгнанников, но состояние новых владельцев от этого не пострадало: часть их получила денежную компенсацию, часть сохранила свое имущество — в этом случае деньги выплачивались прежним хозяевам (Cic. de off. 2,23; Plut. Ar. 14,2; Paus. 2,8,3). В городе установилось спокойствие, опорой нового режима стал расширившийся круг зажиточных собственников, довольных во-

царившей *eunomia* (Plut. Ar. 14,3), т. е. строем, обеспечивавшим их интересы. Так впервые была применена на деле социальная политика Арата, ставшая впоследствии и политикой всего Ахейского союза в социальном вопросе.

Какой строй установился в Сикионе после 250 г., какие силы пришли к власти? «Землевладельческая олигархия»¹⁴, «господство среднего класса»¹⁵, «сильная плутократия»¹⁶ — такие ответы предлагаются в современных исследованиях. По-видимому, ограничиться одним из этих определений — значит односторонне охарактеризовать социальную политику Арата. Он, разумеется, не был сторонником популярных в III в. уравнилельных идей «отмены долгов и передела земли». Неотъемлемой частью «свободы» полиса для него было укрепление прав собственности. Вместе с тем, вряд ли нужно приписывать Арату антинародный, сугубо олигархический курс в социальных вопросах. Его социальный идеал заключался в «единогласии совета и народного собрания» (Plut. Ar. 10,2), «примирении и единодушии богатых и бедных» (Plut. Ar. 14,1). Свою миссию Арат, таким образом, видел в своеобразном посредничестве, а цель — в достижении социального компромисса¹⁷. В Сикионе ему действительно удалось примирить всех, удовлетворить существенные интересы большинства граждан, но уже тогда было совершенно ясно, что подобные компромиссы и политика «умиротворения» нуждаются в какой-то опоре вне полиса, будь то Египет с его богатой казной или Ахейский союз, объединение полисов с консервативными режимами, стоящее за спиной такого «эллинистического Солона».

Итак, знаменитый Сикион с его развитым ремеслом и замечательной художественной школой присоединился к малоизвестному периферийному Ахейскому союзу. Такое событие не могло не изменить политическую ситуацию в Пелопоннесе, тем более, что эта перемена оказалась не единственной. Вскоре, как уже говорилось, Александр Коринфский отложился от Антигона, стал независимым правителем и повел войну против Афин и Аргоса, союзников македонского царя. Мир на условиях, навязанных Александром, был заключен при активном участии Аристомаха Старшего, который даже ссудил Афинам 50 талантов для уплаты Александру в качестве своеобразной контрибуции (IG. II.² 774, v. 38 sqq). Неясно, принимали ли участие ахейцы в этой войне, но мы знаем, что они продолжали придерживаться прежней антимакедонской позиции и через не-

которое время после 250 г. заключили военный союз (*συναχία*) с Александром (Plut. Ar. 18,2)¹⁸. Еще один удар по системе македонского господства в Пелопоннесе нанесли друзья Арата Экдел и Демофан, организовавшие убийство мегалопольского тирана Аристодема (Polyb. 10,22,2 sq; Plut. Philop. 1,4)¹⁹. Не

совсем ясно, что происходило в Мегалополе далее. Очевидно, значительный временной промежуток отделял смерть Аристодема от установления тирании нового единоличного правителя и сторонника Македонии — Лидиада²⁰. С учетом фактической победы Александра в войне против Аргоса и Афин можно утверждать, что влияние Антигона Гоната в областях южнее Фермопил свелось к минимуму.

Период союза с Александром создавал блестящие возможности для расширения Ахейской федерации, но достоверных сведений о каких-либо успехах ахейцев в первой половине 40-х гг. мы не имеем. Очевидно, лидеры союза не считали необходимым прибегать к активным средствам экспансии, удовлетворяясь достигнутым. Впрочем, нельзя не учитывать и возможное сопротивление Александра планам расширения Ахейского союза, если таковые существовали. В любом случае, необходимо подчеркнуть, что после воссоединения Ахайи рост союза был связан почти исключительно с деятельностью Арата, последовательного поборника ахейской экспансии. Пока же Арат не имел твердых позиций в руководстве союза и скромно служил в коннице под началом стратегов из Ахайи (Plut. Ar. 11,1).

Только в 245 г., через пять с лишним лет после освобождения Сикиона, Арат был избран стратегом Ахейского союза. С этого времени непрерывно, каждый второй год он занимал этот пост²¹. Дебют Арата в роли высшего руководителя федерации ознаменовался событиями, политическая подоплека которых не совсем ясна. Ахейцы в этом году оказались в состоянии войны с Этолийским союзом и были союзниками Беотии, воспротивившейся этолийской экспансии в Средней Греции. Полибий (20,4,4) поясняет, что инициатива в развязывании конфликта исходила от Ахейского союза, а беотийцы выступили против Этолии по призыву ахейцев. Арат вначале совершал морские набеги на побережье Локриды и области Калидона, т. е. непосредственно вторгался во владения этолийцев, а затем собрал большое войско для похода в Беотию на помощь союзникам. Ко дню решающего сражения Арат не смог, а может быть, не захотел соединиться с беотийцами, и те, не получив помощи, были разбиты при Херонее и попали в зависимость от Этолийского союза (Polyb. 20,4,4 sqq; Plut. Ar. 16,1; Paus. 2,8,4).

Что касается причин этоло-беотийского конфликта, то они в принципе ясны: рост Этолийского союза, в который вошла уже часть Фокиды, представлял теперь непосредственную угрозу Беотии²². Менее понятны мотивы столкновения Ахейского союза с Этолией. Предположения о том, что Арат хотел в год своей первой стратегии приобрести репутацию удачливого полководца²³ или расширить «влияние ахейцев в Средней Греции»²⁴, мало что проясняют. Можно допустить, что нападения Арата на этолийское побережье было ответом на какие-то агрессив-

ные действия этолийцев против Ахейского союза²⁵, однако сведений о таких действиях до 241 г. нет. Некоторые исследователи связывают столкновение Ахейского союза и Этолии с продолжавшейся борьбой ахейцев против Антигона Гоната²⁶. Определенные основания для такой гипотезы есть: этолийцы, занятые экспансией в Средней Греции, находились в мирных отношениях с Македонией в течение всего царствования Антигона²⁷, а во второй половине 240-х гг. даже заключили с ним союзный договор, имевший целью раздел территории Ахейского союза между ними (Polyb. 2,43,10; 2,45,1; 9,34,6; 9,38,9). Скорее всего, этот договор относится уже ко времени после 243 г., когда ахейцы захватили Коринф²⁸: до 241 г. нет свидетельств об агрессивных действиях этолийцев и Антигона против Ахейского союза²⁹. Однако подобное совпадение интересов Македонии и Этолии могло существовать и ранее. В частности, многие исследователи предполагают, что врагом этолийцев и, соответственно, союзником Ахейской и Беотийской федераций в 245 г. был Александр Коринфский, если он, конечно, еще был жив в это время³⁰. Ограничимся тем, что признаем довольно убедительной гипотезу о связи войны 245 г. с борьбой Александра и ахейцев против Антигона, но считать такое решение вопроса окончательным пока не следует.

Отметим, что приход Арата на должность ахейского стратега не случайно совпал с активизацией внешней политики союза. Восторжествовала политика агрессивная, наступательная, которой Арат придерживался впоследствии еще долгое время. И если конфликт с Этолией закончился в конечном счете неудачей, то следующая, вторая стратегия Арата принесла ахейцам поистине блестящий успех. Коринф, являвшийся уже в течение шестидесяти лет македонским форпостом на Истме и в Пелопоннесе, даже своеобразным символом македонских «цепей Эллады» (Polyb. 18,11,5; Liv. 32,37,4; Plut. Ag. 16,6), был освобожден Аратом и вошел в Ахейский союз. Арат прекрасно сознавал, что без Коринфа ахейское государство останется слабым и почти беззащитным в условиях, когда в любой момент мог последовать удар с юга (тираны — союзники Македонии) или с севера, через Истм (Антигон, Этолия). Приобретение Коринфа означало бы не только увеличение сил союза, но и изоляцию сторонников Антигона в Пелопоннесе от их патрона, что сделало бы возможной дальнейшую ахейскую экспансию в Южной Греции. Вот почему Арат думал о захвате цитадели Коринфа еще в начале 240-х гг., до заключения союзного договора ахейцев с Александром (Plut. Ag. 18,2). Затем Ахейский союз, обеспечив себе безопасность со стороны Истма, который контролировал Александр, на время оказался в довольно благоприятном положении: возможно, именно поэтому нам неизвестны факты каких-либо наступательных действий или приобретений ахейцев в Пелопоннесе вплоть до 243 г. Однако, когда Арат

был избран стратегом на 243/2 г., ситуация была уже иной.

Незадолго до того (дата точно неизвестна) умер Александр, и Коринфское царство возглавила его вдова Никея. Этим воспользовался Антигон, давно желавший любой ценой вернуть Коринф: он предложил Никее вступить в брак со своим сыном Деметрием, рассчитывая таким путем установить контроль над Коринфом и Эвбеей. Вдова Александра, частично из побуждений личного характера, частично из страха перед этолийской экспансией, дала согласие на такой брачно-политический союз, но цитадель — Акрокоринф — по-прежнему охраняла своими войсками. Как рассказывает Плутарх (очевидно, по Филарху), в разгар свадебных торжеств Антигон улучил момент и занял Акрокоринф без боя, воспользовавшись растерянностью охраны. Неясно, насколько достоверны почти анекдотические подробности этого рассказа, важен итог: Коринф с его акрополем вновь оказался во власти Антигона Гоната (Plut. Ar. 17,1 sqq; Polyaeu. 4,6,1).

Над Ахейским союзом вновь нависла серьезная угроза: в Акрокоринфе был поставлен македонский гарнизон из отборных воинов, частью — наемников, войсками Антигона были заняты укрепленные пункты на Истме. Учтя недавний опыт, царь Македонии не оставил здесь полновластного наместника, а поделил власть между двумя военными командирами — Архелаем и Феофрастом — и гражданским «архонтом», в роли которого выступал его придворный философ — стоик Персей (Plut. Ar. 18,1; 22,5; 23,5 sq; Polyaeu. 4,6,1; Diog. Laërt. 7,36; Athen. 13,607 B).

Реагировать на такое изменение обстановки ахейцы могли двояко: дипломатическими и чисто военными средствами. Что касается дипломатии, то это могло выразиться в укреплении связей Ахейского союза с Египтом и в его сближении со Спартой. Неизвестно, однако, насколько далеко зашла к лету 243 г. дипломатическая подготовка нового этапа борьбы с Антигоном³¹, к тому же далекий Египет и вконец ослабленная Спарта не представляли собой таких надежных помощников, каким ранее был Александр. Ахейцы могли рассчитывать главным образом на свои собственные силы, а их было явно недостаточно для ведения затяжной войны с Антигоном за господство на Истме. Ситуация могла показаться безнадежной, но надо отдать должное Арату: вступив в должность стратега в мае 243 г., он уже к середине лета (Plut. Ar. 22,1) нашел способ захватить Акрокоринф малыми силами. Фактически Арат провел такую же рискованную ночную операцию, как в Сикионе, но теперь и риска, и сложностей было гораздо больше.

Один из сирийцев — наемников Антигона из гарнизона Акрокоринфа Диокл и его брат Эргин пообещали Арату за большую сумму вознаграждения провести ахейский отряд по тропинке в расселине скалы, на которой стояла цитадель, к тому

участку стены, где ее высота не превышала четырех с половиной метров и позволяла незаметно проникнуть в крепость. Сирийцы едва не пали жертвами доноса, но все же с огромным трудом сумели обеспечить тайну предприятия. Выбрав одну из летних ночей, Арат оставил остальную часть войска в состоянии боевой готовности в Сикионе, а сам с четырьмя сотнями отборных воинов двинулся по дороге в Коринф. Лишь очень немногие из всего отряда знали о цели похода. Соблюдая тишину, ахейцы неожиданно появились у ворот города, перебили стражу и направились к подножью Акрокоринфа. И все же полной внезапности нападения, на что делал главную ставку Арат, обеспечить не удалось. В городе ахейцев заметили воины ночной стражи и один из них успел поднять тревогу. Горожане были разбужены и вышли на улицы, гарнизон крепости приготовился к обороне.

Подъем по тропинке, ведущей к цитадели, был долгим (примерно 1 час³²) и трудным. Бой начался уже у стен крепости, причем вначале в нем участвовала лишь сотня воинов Арата: остальные вошли в город позже, увидели поднимавшийся к Акрокоринфу отряд македонских солдат с Архелаем во главе и внезапным нападением рассеяли этот отряд. Когда подошло подкрепление, ахейцы вели бой уже на стенах крепости. Уже на рассвете гарнизон Акрокоринфа сдался, из Сикиона подошли остальные ахейские войска и очистили город от македонян. Коринф и его акрополь были в руках ахейцев (Plut. Ar. 18,3 — 22,9).

Утром в театре Коринфа собралась огромная масса граждан. В проходах стояли ахейские воины. Вошедший на оркестру Арат произнес речь, вернул коринфянам ключи от города и «убедил граждан Коринфа стать ахейцами» (Plut. Ar. 23,1 sqq). Насколько добровольным было это решение? Судя по рассказу Плутарха (т. е. самого Арата), коринфяне «охотно вошли в союз»³³: они встретили у ворот и впустили в город подошедшую утром ахейскую армию (Plut. Ar. 22,9), долгими рукоплесканиями приветствовали Арата в собрании (Plut. Ar. 23,3). Но к тому времени ахейцы уже заняли акрополь: не случайным было и присутствие стражи в театре: присоединение Коринфа, обставленное демократическими атрибутами, на деле было насильственным³⁴. Всеобщая радость имела поводом изгнание македонян, решение же о вступлении в Ахейский союз было просто продиктовано Аратом и подкреплено демонстрацией военной силы. Тем не менее, характерно отсутствие антиахейских выступлений в Коринфе в последующие годы (вплоть до конца Клеоменовой войны). Уже второй действительно крупный полис без особого сопротивления поступался суверенитетом, вступая в Ахейскую федерацию. Это показывает, что федеративное движение в Пелопоннесе имело достаточно серьезные причины, и успехи Ахейского союза достигались не одной силой оружия.

Захват Коринфа ахейцами³⁵ имел целый ряд важных последствий. Во-первых, Истмийский перешеек оказался под контролем Ахейского союза. Гарнизоны были поставлены в Акрокоринфе, на мысе Перее, в порту Лехее, где Арат захватил 25 македонских кораблей (Plut. Ar. 24,1). В том же году вошли в Ахейский союз города Истма и Актэ — Мегары, Трезен, Эпидавр (Polyb. 2,43,5; Plut. Ar. 24,3; Trog. prol. 26; Strabo. 8,385; Paus. 2,8,5; Syll.³ 469). Все они давно находились под властью Антигонидов, а теперь воспользовались случаем избавиться от македонского господства. О характере присоединения этих полисов к союзу может свидетельствовать причастие *διὰ πρᾶξιν* у Полибия (2,43,5), которое означает, что Арат либо договорился с мегарянами, либо хитростью овладел городом, но в любом случае не встретил там серьезного сопротивления. Территория Ахейского союза за этот год увеличилась примерно вдвое и представляла собой теперь узкую полосу шириной около 40 км и длиной более 200 км³⁶. Новая конфигурация ахейского государства имела и свои минусы: связь между полисами северного побережья Пелопоннеса и Истма можно было легко нарушить, захватив хотя бы один из них. Стратегически целесообразно было бы теперь расширить территорию союза на юге. Не случайно именно в это время начинаются походы ахейцев в Аркадию и Арголиду.

Во-вторых, присоединение Коринфа и Мегар повысило международный авторитет Ахейской федерации, сделало ее государством действительно значительным, но одновременно обострило конфликт между ахейцами и их противниками. Вскоре после лета 243 г. образовались два враждующих блока: с одной стороны, Македония и Этолия, заключившие договор о разделе ахейской территории между собой (Polyb. 2,43,10; 2,45,1; 9,34,6; 9,38,9), с другой стороны — Ахейский союз, провозгласивший своим гегемоном³⁷ Птолемея II (Plut. Ar. 24,4), Египет и Спарта, считавшаяся союзником ахейцев уже до 241 г. (Plut. Agis. 13,6). Началась затяжная война, продолжавшаяся до самой смерти Антигона Гоната. В этой войне каждый преследовал собственные цели. Ахейцы, с одной стороны, стремились ослабить македонское господство в Аттике и Арголиде, с другой — рассчитывали приобрести новые территории на юге. Этолийцы начали вторжения в Пелопоннес, ожидая богатую добычу и надеясь на укрепление своих позиций на западе полуострова. Птолемей и Антигон непосредственно в борьбе не участвовали, но были весьма заинтересованы в ее исходе³⁸.

Ахейский союз в этой войне по-прежнему придерживался в основном наступательной тактики. Впрочем, на действия ахейцев наложили определенный отпечаток личные склонности Арата, стратега 243/2 и 241/0 гг. Как мы уже видели по событиям

в Сикионе и Коринфе, это был человек отчаянной смелости, если требовалось провести внезапную атаку, захватить противника врасплох. Он охотно использовал для борьбы с врагами свое дипломатическое искусство, проявляя при этом иногда удивительную гибкость. Ради интересов союза Арат готов был прибегнуть к подкупу, устроить заговор в стане противника, вероломно нарушить мир — словом, его политику отличала крайняя неразборчивость в средствах, характерная для эллинистических деятелей вообще. Отличительной чертой Арата как политика был трезвый рационализм. Он, в частности, никогда не верил предсказаниям и гаданиям, опираясь исключительно на собственный расчет в политике (Plut. Ar. 43,7). И в то же время этот человек становился робким и беспомощным, когда ему предстояло руководить настоящим сражением. Уже древние философы на примере Арата обсуждали вопрос: не является ли страх, испытываемый некоторыми людьми перед сражением, своеобразной неизлечимой болезнью (Plut. Ar. 29,8). Вероятно, Арат действительно страдал каким-то нервным недомоганием в таких ситуациях и терял над собой контроль³⁹, хотя у него были и вполне рациональные причины избегать по возможности «правильных» сражений: полководческим даром он не обладал ни в малейшей степени и всегда предпочитал добиваться цели другими путями⁴⁰. Не следует забывать и о сравнительной слабости ахейских войск, которые вплоть до времен Филопемена раз за разом терпели поражения в битвах с сильными противниками — поэтому у Арата было мало надежд на победу. Все эти объективные и субъективные обстоятельства повлияли на то, как ахейцы вели войну и в конце 240-х гг., и в более позднее время.

Развивая свой успех после присоединения Коринфа и Мегар, Арат в том же 243 г. (или весной 242 г.) внезапно вторгся в Аттику⁴¹, переправился на Саламин и разорил его. Отпустив без выкупа пленников — афинских граждан, Арат постарался показать афинянам, что он воюет не с Афинами, а с Македонией (Plut. Ar. 24,3 sq). Однако, если замысел ахейского стратега состоял в том, чтобы вызвать в Аттике восстание против македонян⁴², то он своей цели не достиг. Примерно в это же время, после присоединения Коринфа, Арат устроил заговор против Аристомаха Старшего, доставил его врагам в Аргосе оружие для покушения на тирана, но заговорщики в последний момент перессорились и переворот не состоялся. Впрочем, вскоре Аристомах был убит его собственными рабами (Plut. Ar. 25,1 sqq).

Неудача ждала Арата и в Аркадии. Нападение на Кинефу, полис, граничащий с Ахайей, не принесло успеха. Сторонники ахейцев в городе, которые должны были открыть им ворота, из-за путаницы с условными знаками не смогли помочь ахейцам, бросившимся на штурм преждевременно, затем были обнаружены и казнены (Polyb. 9,17,1 sqq)⁴³. Ахейская экспансия в Ар-

кадии начиналась неудачно, зато этолийцы уже хозяйничали в этой области Пелопоннеса. Высадившись на побережье союзной Элиды, они совершили поход в Аркадию, причем не только ради грабежа ее городов и храмов, но и для усиления своего политического влияния в Южной Греции⁴⁴. Видимо, именно тогда к Элиде была присоединена аркадская Трифилия (Polyb. 4,77,10), Псофида (Polyb. 4,70,4), ограблены Лусы и Мантиней (Polyb. 9,34,9 sq). В 241 г., когда Арат вновь вступил в должность стратега, ожидалось вторжение этолийцев через Истм. Ахейцы запросили помощи у Спарты, где молодой царь Агис IV только что начал осуществление своих знаменитых реформ, отменив долги (Plut. Agis. 13,3 sqq).

Эфоры отправили Агиса с войском, состоящим в основном из преданных ему молодых бедняков-спартиатов, на помощь Арату. У Коринфа ахейские и спартанские войска соединились и были готовы дать бой этолийцам. Однако вскоре спартанцы двинулись обратно, ахейское войско также отступило и открыло врагам дорогу в Пелопоннес (Plut. Agis. 14,1 sqq; Ag. 31,1 sq). Столь неожиданный поворот дел современники событий объясняли по-разному. Филарх возлагал вину на Арата и связывал такой его поступок со страхом богатых пелопоннесцев перед социальными реформами в Спарте, возродившими дисциплину и рвение воинов и подававшими нежелательный пример народной массе в других полисах (Plut. Agis. 14,4 sq). Батон из Синопс утверждал, что Агис отказался подчиниться Арату и без согласования с союзниками увел свою армию с Истма (Plut. Agis. 15,4). Арат в мемуарах отрицал версию о ссоре с Агисом и утверждал, что решение отпустить спартанцев было принято им самим. Он не желал «рисковать всем» в решающем сражении и предпочел пропустить этолийцев в Пелопоннес, где они не могли нанести большой урон хозяйству, поскольку урожай был уже собран (Plut. Agis. 15,4; Ag. 31,1 sq).

Из современных историков одни повторяют версию Филарха⁴⁵, другие считают ее надуманной⁴⁶ и иначе объясняют странное решение Арата: его обычным нежеланием решать дело в открытом бою⁴⁷, опасениями насчет возрождения гегемонистских настроений в Спарте⁴⁸, надеждами на то, что этолийцы направятся не в Ахайю, а в другие области Пелопоннеса⁴⁹. Утверждения Филарха, действительно, следует воспринимать с большой осторожностью. Агис, еще не приступавший к переделу земли, никак не проявивший себя в роли полководца, изображен у Филарха кумиром простых людей Пелопоннеса (οἱ πολλοὶ) и грозой богачей (οἱ πλούσιοι). Откровенная идеализация Филархом спартанских царей-реформаторов могла проявиться и в данном случае. «Революционный дух» спартанской армии⁵⁰ едва ли должен был испугать Арата и состоятельные круги ахейского общества. Спартанское войско по дороге на Истм не

проходило через Ахайю; сам Арат попросил помощи у Спарты уже после переворота в Лакедемонe: эфоры, к которым он обратился с предложением отправить войско на Истм, были назначены царями Агисом и Клеомбротом взамен свергнутых противников реформы (Plut. Agis. 12,1 sqq; 13,6). Наконец, молодые воины Агиса никак впоследствии не проявили свой «революционный дух» даже в самой Спарте, равнодушно наблюдая за успешными действиями врагов царя и его реформ (Plut. Agis. 16,4).

Поэтому более вероятным представляется какое-либо другое объяснение решения, принятого Аратом на Истме. Возможно, он был готов дать отпор этолийцам раньше, когда урожай еще был на полях, но поскольку в июне (конец сбора урожая в Пелопоннесе) те еще не появлялись, заколебался и, как обычно, постарался избежать решительного боя. Возможно, он действительно рассчитывал, что целью вторжения будут неахейские области. Каким бы нелогичным не казалось поведение Арата, оно вполне соответствует его обычной тактике: готовиться к сражению, даже выводить войско на поле боя, но в последний момент уклоняться от решительных действий. Подобным образом он не раз поступал и позднее. Эта чрезвычайная осторожность чаще приносила ему неудачи, но иногда Арат в конечном счете все же выигрывал кампанию. Так произошло и на сей раз.

Этолийцы, беспрепятственно пройдя в Пелопоннес, неожиданно двинулись не в Арголиду или Аркадию, как мог ожидать Арат, а именно в Ахайю. «Внезапно», как пишет Плутарх (Ag. 31,3), они каким-то образом захватили Пеллену. Начался беспорядочный грабег города. Арат, узнав об этом, стал теперь действовать быстро и решительно. С имевшей в его распоряжении частью войска он ворвался в Пеллену, истребил, по его собственным словам, не менее 700 врагов и спас город от окончательного разорения, а жителей — от угрозы рабства (Plut. Ag. 31,3 sqq)⁵¹. Разгром этолийцев в Пеллене положил конец надеждам Антигона с их помощью разрушить Ахейский союз. Вскоре был заключен мирный договор ахейцев с Антигоном и его союзниками (Plut. Ag. 25,5: εἰρήνη; 33,2: σπονδαὶ καὶ ἀνοχαί). Арат, впрочем, не считал нужным его строго соблюдать. По-видимому, еще в течение своей третьей стратегии, то есть осенью 241 г. или весной 240 г., он созвал всенародное ополчение ахейцев и вторгся в пределы Аргоса, где Аристомеха Старшего, только что убитого рабами, сменил в роли тирана его сын Аристипп Младший. Воспользоваться моментом, однако, не удалось — аргивяне не проявили ни малейшего желания помочь Арату и ахейцам покончить с тиранией в Аргосе. Не решившись, как обычно, дать противнику генеральное сражение, Арат отступил (Plut. Ag. 25,4 sq)⁵². Еще раз нарушив мирное соглашение, Арат организовал внезапное нападение на Пирей, при-

чем впоследствии довольно неубедительно пытался изобразить инициатором этого предприятия сирийца Эргина, который командовал отрядом, безуспешно штурмовавшим стены Пирея (Plut. Ag. 33,2 sqq). Престарелый Антигон уже ничем не успел ответить на эти акции Арата, в конце 240 или в начале 239 г. он скончался, оставив царскую диадему своему сыну Деметрию.

Оценивая обстановку в Греции на рубеже 240-х и 230-х гг., мы можем констатировать заметное ослабление позиций Македонии, активизацию политики Ахейского и Этолийского союзов. Ахейцы, отобравшие у македонян Коринф и Мегары, начали наступательные действия в Аркадии, Арголиде, Аттике. Этолийцы в 245 г. включили в сферу своего влияния Беотию, позднее совершили ряд походов в Пелопоннес, в результате которых произошли определенные изменения ситуации в Аркадии. Трифилия и Псофида оказались во власти этолийского союзника Элиды; Фигалея около 240 г. пребывала в «дружбе» с этолийцами (Syll.³ 472)⁵³. Лидиад, тиран Мегалополя, передал Элиде городок Алиферу «ради своих личных дел» (Polyb. 4,77,10), что говорит о каких-то его контактах с этолийцами. Возможно даже, что он расплатился Алиферой за помощь при установлении своего режима в Мегалополе⁵⁴. Исследователи предполагают, что этолийцы подчинили своему влиянию также ряд полисов северной и восточной Аркадии — Тегею, Орхомен, Кинефу и др.⁵⁵. Твердой опоры в источниках, однако, такое утверждение не имеет. Свидетельства о связи Тегеи и Орхомена с Этолией⁵⁶ должны относиться ко времени после 235 г., когда восточная Аркадия вначале вошла в Ахейский союз, а затем мирным путем перешла под контроль этолийцев (Syll.³ 490; Polyb. 2,57,1). Скорее всего, этолийцы, судя по их поведению в Мантинее и Лусах (Polyb. 9,34,9 sq), не имели в конце 240-х гг. иных намерений в этой части Аркадии, кроме захвата добычи. Точно таким же образом в 240 г., пройдя через Арголиду и Лаконию, они ограничились грабежом этих областей и не установили своего протектората над ними⁵⁷. Зато добыча была огромной — только из Лакедемона они увели для продажи в рабство около 50 тысяч пленных, в основном переизков (Polyb. 4,34,9; Plut. Cleom. 18,3). Что касается политических союзов, то этолийцы подчинили своему влиянию государства западного Пелопоннеса, который и рассматривали как базу для будущих набегов⁵⁸. В такой ситуации наилучший выход для Ахейского союза состоял в том, чтобы привлечь этолийцев на свою сторону, продолжая борьбу против Македонии. Именно это сделал Арат, воспользовавшись конфликтом, начавшимся между Этолией и новым македонским царем Деметрием.

Глава 4

АХЕЙСКИЙ СОЮЗ В ГОДЫ ДЕМЕТРИЕВОЙ ВОЙНЫ

В КОНЦЕ 240 или в начале 239 г. македонским царем стал сын Антигона Гоната Деметрий II¹. В самом начале его правления столкновение интересов Македонии и Этолии привело к войне, которая охватила почти весь Балканский полуостров и поставила государство Антигонидов в очень трудное положение². Когда этолийцы, воспользовавшись смертью эпирского царя Александра II, отобрали у Эпира принадлежавшую ему часть Акарнании, Деметрий II заключил династический брак с эпирской принцессой Фтией и вступился за интересы своих новых родственников (Just. 28,1,1 sqq). Деметриева война, продолжавшаяся в течение всего правления Деметрия II — с 239 по 229 гг³, разделила всю Грецию на два противоборствующих лагеря, в одном из которых находилась Македония и зависимые от нее государства, а в другом — этолийцы и их союзники. Состав обеих группировок по ходу войны менялся, но все это время Ахейский союз выступал на стороне Этолии.

Заключение союзного договора с Этолией было несомненным дипломатическим успехом Арата. Из двух потенциальных препятствий на пути ахейской экспансии в Пелопоннесе более слабым оказалось сопротивление Македонии. Пока этолийцы прикрывали Ахейский союз от опасности с севера, ахейцам удалось добиться очень значительных перемен в Пелопоннесе. Пожалуй, именно они выиграли от этой войны больше всех. Добиться союза с Этолией Арату помогло как содействие авторитетного этолийского лидера Панталсонта (Plut. Ar. 33,1), так и изменения в этоло-македонских отношениях, объективно толкавшие обе федерации к сближению на антимакедонской основе. Договор был заключен после смерти Антигона Гоната (Polyb. 2,44,1), стратегом в этот год был Арат (Plut. Ar. 33,1):

соответственно, дело происходило летом или осенью 239 г., либо весной 238 г. К тому времени конфликт между Этолией и Македонией должен был уже начаться. Союз с самого начала был направлен против Македонии. Таким образом, внешнеполитическая ориентация Ахейского союза осталась прежней⁴.

Договор с этолийцами, очевидно, не предусматривал ведения всех операций совместными силами⁵. Хотя нам известен факт участия обоих союзников в морском походе незадолго до конца войны (Polyb. 2,9,9 sqq), но остальные сведения наводят на мысль о том, что основная тяжесть войны легла на этолийцев, сражавшихся с Деметрием в Средней и Северной Греции, в то время как театром военных действий для ахейцев был исключительно Пелопоннес (и Аттика). Деметрию не удалось нанести решающего удара по Ахейскому союзу и захватить Коринф несмотря на то, что некоторое время его войска находились неподалеку от Истма, когда македоняне заняли Беотию (Polyb. 20,5,3)⁶. Надо полагать, что его отвлекла борьба с Этолией. Воспользовавшись столь благоприятной обстановкой, ахейцы во главе с Аратом все более усиливали вооруженное давление на города, в которых стояли македонские гарнизоны или правили тираны, имея целью не только изгнание македонян из Пелопоннеса и Аттики, но и расширение своего государства. Направления ахейской экспансии были те же, что и в конце 240-х гг., т. е. Арголида, Аркадия, Аттика.

Арат неоднократно предпринимал попытки захватить Аргос и свергнуть тиранический режим Аристиппа Младшего. Повторить здесь ночную операцию типа той, которая принесла успех в Коринфе и Сикионе, не удалось. Внезапное нападение среди ночи не застало Аристиппа врасплох. Хотя ахейцы уже захватили участок городской стены, проникнуть дальше им не позволили войска тирана, и после ожесточенного боя уже при свете дня Арат был вынужден отступить (Plut. Ar. 27,1 sqq)⁷. Позднее, в 237 или 235 г.⁸, Арат решил испробовать другой способ борьбы с тираном и вторгся в Арголиду с большим войском, вызывая Аристиппа на решающее сражение. Битва произошла у реки Харадра⁹ и вполне могла закончиться победой ахейцев, которые успешно атаковали противника на одном из флангов, но Арат, по своему обыкновению, проявил чрезмерную осторожность и в разгар боя отдал приказ об отступлении. Через день войска опять выстроились, вновь ахейский стратег отступил, на этот раз даже не вступая в соприкосновение с противником. С Аристиппом было заключено перемирие. Эта кампания дала весьма скромный результат: ахейцам удалось захватить и удержать город Клеоны в области Аргоса. Там Арат провел Немейские игры, которые до середины V в. действительно устраивались в Клеонах, но затем стали проводить в Аргосе. В это же время аргивяне, как обычно, устроили свои Немейские игры, куда, по-видимому, гостей и участников явилось больше, чем

в Клеоны. Разгневанный тем, что не удалось подорвать престиж аргосского тирана, Арат решил на беспрецедентный шаг: участников игр и зрителей, возвращавшихся из Аргоса, ахейцы задерживали и продавали в рабство (Plut. Ar. 28,1 sqq).

Чуть позже Аристипп попытался отбить Клеоны, но попал в западню, устроенную Аратом. Ахейское войско демонстративно покинуло Арголиду, но в ночь перед нападением Аристиппа на Клеоны тайно возвратилось в этот город. Неожиданная вылазка ахейцев обратила в бегство подошедших на рассвете воинов тирана. Преследуя бегущих, ахейцы уничтожили не менее полутора тысяч врагов, погиб и сам Аристипп. Тем не менее захватить Аргос вновь не удалось, поскольку младший брат Аристиппа Аристомах успел войти в город с македонским войском, которое, очевидно, прислал на помощь своим союзникам царь Деметрий. В итоге победа при Клеонах не принесла иного результата, кроме смены тиранов в Аргосе (Plut. Ar. 29,1 sqq). Таким образом, все попытки «освободить» Аргос подобно Сикиону и Коринфу неизбежно заканчивались неудачей. Причиной этих неудач, с одной стороны, была уже знакомая нам робость Арата на поле боя, а с другой — абсолютное равнодушие аргивян, ничем не проявивших желания освободиться от тирании (Plut. Ar. 27,2; ср.: Polyb. 2,59,8). Такую позицию граждан Аргоса можно объяснить отчасти прочностью власти династии тиранов, которые беспощадно расправлялись с любой оппозицией (Polyb. 2,59,9)¹⁰, отчасти — древними традициями абсолютной независимости Аргоса, вызывавшими нежелание аргивян терять суверенитет своего полиса в результате подчинения ахейцам. Но можно увидеть и социальный аспект дела: имущая верхушка полиса была терроризирована и частью уничтожена тиранами (Polyb. 2,59,8 sqq), а ведь именно эти круги составляли опору федеративного движения в Пелопоннесе. Что касается основной массы граждан, то она давно утратила политическую инициативу и просто выжидала исхода борьбы.

В ходе Деметриевой войны усилились также атаки ахейцев на македонские опорные пункты в Аттике (Plut. Ar. 34,1). Афинские надписи показывают тревожную обстановку этих лет. Стратеги Афин и македонские командиры организуют защиту сельской местности во время сбора урожая, скот уводят в безопасное место. Часть хоры вообще оставалась незасеянной из-за военных действий в Аттике, нарушались сроки религиозных обрядов (Syll.³ 485,491; IG. II.² 834; SEG. XXV. 155). Помимо ахейцев, проникавших в Аттику из Мегариды, большой ущерб афинянам наносили также этолийцы своими набегами с моря. Этолиец Букрид из Навпакта (Syll.³ 494,498,500) однажды разорил сельскую местность и увез массу людей, в том числе многих граждан, для продажи в рабство на Крит (Syll.³ 535). Неудивительно, что «освобождаемые» таким путем афиняне упорно сопротивлялись ахейским вторжениям, а после того, как про-

шел слух о гибели Арата, дружно украсили себя праздничными венками (Plut. Ag. 34,4). Это ложное известие проникло в Афины после битвы при Филакии, где ахейское войско под предводительством Арата было разбито македонским стратегом Бифнем¹¹. Узнав о реакции афинян, Арат в очередной раз вторгся в Аттику и теперь двинулся непосредственно на Афины, однако, дойдя до самой Академии, вернулся обратно (Plut. Ag. 34,2 sqq.). По-видимому, он все же не решился разорять окрестности Афин и штурмовать город, сохраняя какие-то надежды на сотрудничество с афинянами в борьбе с Македонией. Однако позиция афинян оставалась неизменной до самой смерти Деметрия II.

Пожалуй, особо благоприятные возможности в ходе Деметриевой войны открылись перед ахейцами в Аркадии. Здесь не было македонских гарнизонов, возможная помощь аркадянам со стороны Этолии или Элиды была теперь исключена благодаря ахейско-этолийскому союзному договору. Как пишет Плутарх (Ag. 34,7), к 229 г. «большая часть Аркадии» вошла в Ахейский союз. К сожалению, неизвестны подробности, касающиеся времени и способа присоединения того или иного аркадского города к федерации ахейцев. Исключение составляет Мегалополь, вступление которого в союз оказалось крупнейшим достижением ахейцев в Аркадии. И Полибий, и Плутарх сообщают, что тиран Лидиад в 235 г. добровольно отказался от власти и присоединил Мегалополь к Ахейскому союзу (Polyb. 2,44,5; Plut. Ag. 30,2 sqq; Mor. 552 В; Paus. 8,27,12). Плутарх (Ag. 30,3) превозносит Лидиада за «прекраснейшее стремление вначале освободиться от ненависти и страха, стражи и телохранителей, а затем стать благодетелем родины»; Полибий (2,44,5) отмечает дальновидность и рассудительность Лидиада,

оценившего ситуацию «по-деловому» (πραγματικῶς). Разумеется, подобный поступок был продиктован скорее деловыми соображениями, чем возвышенными побуждениями, и причину его следует искать в обстановке, сложившейся вокруг Мегалополя к 235 г. Обычно исследователи связывают этот шаг Лидиада с общим ходом войны, которая показала неспособность Македонии защитить своих друзей-тиранов¹². С другой стороны, Р. Урбан резонно замечает, что в 235 г. еще не было оснований для подобного вывода: Македония пока успешно воевала с этолийцами, Аргос и Афины с помощью македонян держались стойко в борьбе с ахейцами¹³. Общий исход войны тогда еще трудно было предугадать. Скорее всего, Лидиада заставили отказаться от власти какие-то события в самой Аркадии, поставившие его в трудное положение.

Простой взгляд на карту Пелопоннеса заставляет предположить, что полисы северной Аркадии, отделявшие Мегалополитиду от территории Ахейского союза, к 235 г. уже стали ахейскими. Подтверждение тому — свидетельство Полиэна (2,36)

о захвате Герей ахейским стратегом Диэтом не позднее весны 235 г.¹⁴ Ахейские войска вряд ли могли пройти к Герее, минуя области Тельфусы, Клейтора, Лусов, Кинефы¹⁵. Более чем вероятно, что к тому времени все эти города северной Аркадии уже принадлежали союзу. Во всяком случае, к 229 г. в Ахейский союз входили североаркадские полисы: Феней (Polyb. 2,52,2; Plut. Cleom. 17,6; Ag. 39,4), Стимфал (Polyb. 2,55,8), Клейтор (Polyb. 2,55,9), Герей (Plut. Cleom. 7,5), Алея (Plut. Cleom. 7,3) и, очевидно, Тельфуса (Polyb. 2,54,12)¹⁶. Упомянутые уже географические соображения говорят за то, что северная Аркадия вошла в Ахейский союз еще до Мегалополя, т. е. примерно в 239 — 236 гг. Данный вывод относится и к городам, расположенным между Клейтором и Ахайей — Кинефе и Лусам¹⁷. Присоединение всех этих полисов, как показывает пример Герей, было скорее всего насильственным, хотя Павсаний (8,6,3) и утверждает, что «аркадяне вступили в Ахейский союз охотнее, чем прочие греки»¹⁸. Ахейские войска вышли на границы Мегалополитиды, и Лидиад не мог не понимать, что наступила очередь Мегалополя, тем более что Арат после смерти аргосского тирана Аристиппа (237 или 235 г.) начал строить замыслы и против мегалопольского тирана (Plut. Ag. 30,1). Лидиад отказался от власти и присоединил свой город к союзу также и для того, чтобы продолжить свою политическую карьеру уже в ином качестве и на более широком поприще. На следующий, 234/3 г. он был избран ахейским стратегом и занимал эту должность еще дважды попеременно с Аратом (Plut. Ag. 30,4 sqq)¹⁹. Кроме того, Лидиад, как показало будущее, рассчитывал использовать силу всей федерации для борьбы с исконным врагом Мегалополя — Спартой (Plut. Ag. 30,5).

После вступления Мегалополя в Ахейский союз и смерти царя Леонида II в Спарте (оба события — 235 г.) ахейско-спартанские отношения заметно обострились. Арат употребил все свое влияние, чтобы удержать вновь избранного стратега Лидиада от похода в Лаконию (Plut. Ag. 30,5 sq), однако сам также «сразу же после смерти Леонида начал беспокоить

(*παρενοῦχλει*) аркадян и опустошал в основном области тех из них, которые были соседями ахейцев, чтобы посмотреть, чем ответят на это лакедемоняне» (Plut. Cleom. 3,8; перед этим было сказано, что вне Ахейского союза в Пелопоннесе остались «лишь Спарта, Элида и часть аркадян — спартанских союзников»)²⁰. Под союзниками Спарты в Аркадии, которых начал тревожить Арат, следует понимать полисы традиционной проспартанской ориентации — Кафии, Орхомен, Мантиней и Тегею²¹. Судя по всему, никакой помощи со стороны Лакедемона они не получили. Поэтому и для восточных аркадян сложилась такая ситуация, выходом из которой являлось только вступление в Ахейский союз²².

Каким образом эти города вошли в ахейскую федерацию? Одни считают, что добровольно²³, другие — что они были просто завоеваны ахейцами²⁴. Сторонники второй точки зрения правильно обращают внимание на исконную вражду восточных аркадян (особенно Мантинеи) и Мегалополя. Это обстоятельство вряд ли позволило бы ахейцам после 235 г. (вступление Мегалополя) присоединить восточно-аркадские полисы, не прибегая к элементу принуждения. Собственно говоря, об этом мы знаем и из слов Плутарха о нападениях Арата на союзников Спарты в Аркадии (Plut. Cleom. 3,8). Что было результатом такого вооруженного давления, видно на примере Орхомена. Надпись Syll.³ 490, касающаяся условий вступления Орхомена в Ахейский союз, содержит в себе, помимо прочего, запрет под угрозой штрафа в тысячу драхм возбуждать судебное дело против некоего Неарха и его сыновей по обвинению в действиях, совершенных до вхождения города в ахейскую федерацию (v. 13 sqq.). Ясно, что Неарх был тираном Орхомена, сложившим с себя власть при условии личной неприкосновенности²⁵. Произошло ли присоединение к Ахейскому союзу Мантинеи, Тегей и Кафий²⁶ также в итоге подобного соглашения или в результате оккупации их ахейскими войсками, неясно, но это, безусловно, был шаг вынужденный, а не добровольный.

Возможен вопрос: отчего обстоятельства вступления восточных аркадян в Ахейский союз не описаны ни у Полибия, ни у Плутарха в биографии Арата? Интересным и заслуживающим внимания представляется объяснение, данное В. Тарном и Эррингтоном: вхождение восточной Аркадии в Ахейский союз могло быть связано с деятельностью Лидиادا в роли ахейского стратега²⁷. Лидиад постепенно стал главным политическим соперником Арата (Plut. Ar. 30,5 sqq.), его деятельность в мемуарах последнего, несомненно, была изображена в негативном плане, а его успехи должны были замалчиваться. Неудивительно поэтому и молчание Полибия и Плутарха, пользовавшихся «Воспоминаниями» Арата как основным источником.

Вскоре Орхомен, Мантинея и Тегей вышли из Ахейского союза и связали себя узами исополитии²⁸ с федерацией этолийцев (Polyb. 2,46,2; 2,57,1). В условиях военного союза ахейского и этолийского государств это могло скорее всего означать нечто вроде компенсации этолийцам, которые вынесли на себе основную тяжесть Деметриевой войны, от ахейцев, выигравших в результате этой войны гораздо больше, чем Этолия²⁹. С другой стороны, не могли не сыграть своей роли и настроения восточных аркадян, насильственно вовлеченных в Ахейский союз и тяготившихся этим³⁰. Но в любом случае этот период в то время мог иметь только мирный характер. Таким образом, полисы восточной Аркадии недолго входили в Ахейский союз: до 229 года, когда их оккупировала Спарта (Polyb. 2,46,2; 2,57,1), они уже успели перейти под покровительство Этолии.

Таким образом, к весне 229 г. ахейская экспансия увенчалась успехом лишь в Аркадии. Однако нашествие дарданов на Македонию, гибель в борьбе с ними царя Деметрия II, восстание в Фессалии, непрочность позиций пришедшего к власти регента Антигона Досона, опекуна малолетнего Филиппа V, т. е. прежде всего внутренние события в Македонии³¹ окончательно ослабили влияние Антигонидов в Греции. Промакедонские тираны, командиры гарнизонов Деметрия пребывали в состоянии неуверенности и опасались самого худшего. Используя ситуацию, Арат сразу же, еще в стратегию Лидиада, начал переговоры с тиранами Аргоса, Гермियोны, Флиунта, прибегая то к угрозам, то к посулам, чтобы заставить их отказаться от власти. В сложившейся весной 229 г. обстановке правителям этих полисов не оставалось делать ничего иного, как последовать примеру Лидиада. Так Ахейский союз приобрел значительную территорию на северо-востоке Пелопоннеса (Polyb. 2,44,3 sqq; 2,60,4; Plut. Ar. 34,7; 35,1 sqq).

Плутарх (Ar. 35,1 sqq), опираясь на записки Арата, описывает присоединение Аргоса следующим образом. Вначале переговоры с Аристомахом Младшим завел Арат, который убедил аргосского тирана передать полис ахейцам с условием избрания его на пост союзного стратега и уплаты его наемникам крупной суммы в 50 талантов. Однако в переговоры вмешался Лидиад, еще занимавший должность стратега, и попытался самостоятельно закончить все дела с Аристомахом. Лидиад и поставил в ахейском собрании вопрос о приеме Аргоса, но разгневанный Арат выступил против и одержал верх. Впоследствии сам Арат довел переговоры до конца и ахейцы проголосовали за вступление Аргоса в союз. У Плутарха, таким образом, конфликт объясняется лишь борьбой честолюбий, хотя очевидно, что оба ахейских лидера помимо славы добивались и более прозаических целей. В частности, было очень важно, кто будет занимать должность стратега в момент приёма Аргоса. Если бы решение было принято еще при Лидиаде, Аристомах успел бы, наверное, принять участие в выборах на следующий, 229/8 г. Тогда Арату пришлось бы уступить «свою очередь» Аристомаху, и уже два года подряд (230/29 и 229/8 гг.) союз возглавляли бы другие люди³². Арата, конечно, не радовала такая перспектива: во-первых, поколебалась бы его позиция ведущего политика союза, во-вторых, Лидиад с Аристомахом, объединив усилия, могли бы полностью изменить внешнеполитический курс государства. В Аргосе, как и в Мегалополе, были очень сильные антилаконские традиции. Лидиад еще в первую свою стратегию (334/3 г.) начал строить планы похода на Спарту, чему Арат сопротивлялся всеми средствами, включая борьбу против кандидатуры Лидиада на выборах стратега на 332/1 г. (Plut. Ar. 30,5 sq). Аристомах впоследствии также выступил за решительную борьбу против Спарты, и вновь Арат попытался воспре-

пятствовать этому (Plut. Ar. 35,6 sq). Отсюда видно, что личная неприязнь и соперничество в отношениях между Аратом и Лидиадом осложнялись различием их внешнеполитических установок³³. Этой борьбе суждено было завершиться уже в годы Клеоменовой войны, начавшейся чуть позже. А пока успех сопутствовал Арату, который добился того, чтобы Аргос был принят в его стратегию, и тем самым лишил Лидиада не только возможности объявить это своей заслугой, но и права занять пост стратега в 228/7 г.: на этот год высшая должность в союзе была обещана Аристомаху.

Что касается внешнеполитической линии Арата, то она оставалась прежней: продолжение борьбы против Македонии как врага номер один до полного изгнания македонян из Греции. Противоречия, появившиеся между ахейцами и Спартой после присоединения значительной части Аркадии к Ахейской федерации, Арат считал на данный момент второстепенным. Весной 229 г. он не только завязал переговоры с Аристоммахом и другими тиранами, но и принял участие в другом антимакедонском предприятии уже за пределами Пелопоннеса. Афиняне, увидевшие возможность после смерти Деетрия II освободиться от македонских гарнизонов, привлекли именно Арата (хотя стратегом был еще Лидиад)³⁴ к переговорам с командиром македонских войск в Аттике Диогеном. Совместными усилиями афинским лидерам Эвриклиду и Микиону, а также Арату и другим участникам переговоров удалось убедить Диогена оставить Аттику за плату в 150 талантов. 20 талантов при этом внес сам Арат (Plut. Ar. 34,5 sq; Paus. 2,8,6)³⁵. Афины вышли из сферы влияния Македонии, но не приняли участия в федеративном движении подобно Аргосу или Мегалополю. Если Арат и преследовал в конечном счете такую цель, то его надежды не сбылись³⁶. Если в ходе Деетриевои войны афиняне сопротивлялись набегам Арата на Аттику, то это еще можно было объяснить присутствием македонских войск в ключевых пунктах афинской хоры, а также тем, что вели себя ахейцы и этолийцы на земле Аттики как на враждебной территории. Теперь же стало совершенно ясно, что афинян не устраивала перспектива освобождения ценою утраты полного суверенитета и вступления в Ахейский союз. Подобное единодушное неприятие федерализма ахейцы впоследствии встретили только в Спарте. Живучесть традиций классической эпохи оказалась наиболее сильной в этих полисах, имевших великое прошлое и упорно сопротивлявшихся объединительной тенденции эллинистического времени.

Оценивая результаты Деетриевои войны с точки зрения интересов Ахейского союза, следует отметить, что именно эти годы оказались переломными в развитии федеративного движения в Пелопоннесе. До 229 г. ахейцы приобрели большую часть Аркадии с таким крупным центром, как Мегалополь. Весной и летом 229 г. в союз вошли Аргос и Флиунт, т. е. вся Арголида,

Гермиона, с приобретением которой ахейцы закончили овладение северо-востоком Пелопоннеса, и Эгина — первое островное государство в Ахейском союзе. Может быть, еще во время Деетриевой войны при неизвестных нам обстоятельствах ахейцы присоединили к союзу два приморских городка Мессении — Пилое и Кипариссию, которыми они владели позже, в период Союзнической войны (Polyb. 4,25,4; 5,92,5; 11,18,2; 18,42,7)³⁷. Теперь территория союза охватывала большую часть Пелопоннеса. Вне федерации оставались: Лаконика, Мессения, Элида с Трифилией, аркадские Фигалея и Псофида, восточно-аркадские полисы (Кафин, Орхомен, Мантинея, Тегея). Намного расширили свой союз и этолийцы, присоединившие к 229 г. ряд областей в средней Греции и значительную часть Фессалии непосредственно к федерации³⁸ и контролировавшие в Пелопоннесе Элиду, Мессению, восточную Аркадию и Фигалею³⁹. Ахейско-етолийский союз оставался в силе и в конце Деетриевой войны (Polyb. 2,9,9 sqq), и позже (Polyb. 4,7,4; 4,15,2; Plut. Ag. 34,7). Под властью Македонии в континентальной Элладе южнее Фермопил не оставалось ни одной области, ни одного города. Справедливо исследователи называют исход Деетриевой войны триумфом федерализма, кульминацией федеративного движения в Греции⁴⁰.

Что касается Ахейского союза, то и впоследствии это государство расширяло свои границы, играло важную роль в международной политике, но дальнейшими успехами ахейцы будут обязаны главным образом своим македонским, а затем римским покровителям. Подлинно самостоятельное федеративное движение в Пелопоннесе происходило именно в 281 — 229 гг. Тогда это был действительно естественный, а не навязанный извне процесс. Имея со стороны Египта исключительно финансовую поддержку, ахейцы боролись с Македонией, присоединяли к своему союзу один полис за другим прежде всего собственными силами. Разумеется, рост Ахейского союза в этот период нельзя представлять вслед за Полибием как триумфальную серию успехов и побед. Каждый шаг ахейцев на пути расширения союза встречал серьезное, иногда ожесточенное сопротивление в Пелопоннесе. История борьбы за Аркадию наглядно демонстрирует, что элемент насилия в процессе создания большой федерации играл едва ли не важнейшую роль. Однако военные силы ахейцев были не настолько велики, чтобы удерживать такую большую территорию посредством одного лишь принуждения. Если расширение союза происходило путем вооруженной экспансии или с помощью дипломатических сделок, то устойчивость объединения обеспечивалась уже иными факторами, важнейшими из которых можно считать заинтересованность определенного социального слоя в сохранении союза, о чем уже упоминалось, а также само устройство федерации, которому будут посвящены две последующие главы.

Глава 5

СОЮЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕ АХЕЙЦЕВ

ИТЕЛИ Пелопоннеса к середине III в., когда начался быстрый рост Ахейского союза, имели уже определенный опыт объединения полисов в различной форме. В свое время значительную часть полуострова охватывал Пелопоннесский союз — военный блок полисов, возглавляемый Спартой. Эта гегемонистская симмахия показала пелопоннесцам пользу координации военных и дипломатических усилий полисов, но непосредственным прообразом такого объединения, как Ахейский союз, служить не могла: гегемония одного полиса над остальными, отсутствие регулярных общесоюзных собраний, общего гражданства, выборных органов союза¹ не позволяют считать Пелопоннесскую симмахию федерацией. При создании Ахейского союза скорее использовался опыт меньших по масштабу, но построенных на принципе федерализма союзов, объединявших в IV в. полисы Ахайи и Аркадии. Во всяком случае, основные черты союзного устройства в Ахейской федерации III в. не являлись принципиальным новшеством, они известны нам уже в федерациях классической Греции. Однако объясняется это не столько прямым заимствованием, сколько тем, что при организации любого греческого союзного государства образцом служило устройство обычного полиса².

Верховным законодательным органом Ахейского союза было общесоюзное собрание, выполнявшее примерно те же функции, что и народное собрание в полисе. В источниках многократно, иногда весьма подробно описаны собрания ахейцев, однако вопрос об их составе и компетенции продолжает оставаться «одной из наиболее сложных проблем в греческой истории»³. Терминология Полибия там, где он говорит о союзных собраниях ахейцев, разнообразна и поддается различным истолковани-

ям, другие нарративные источники и надписи мало чем могут помочь. В принципе ясно, что в Ахейском союзе было два типа собраний — синод (συνόδος) и синклит (συγκλητος), причем синод был регулярным заседанием⁴, а синклит — чрезвычайным. Споры ведутся о том, были ли идентичны состав участников и компетенция обоих собраний. На это, казалось бы, дается ответ в рассказе Полибия (29,23,1 sqq) о событиях 168 г. Когда на очередном синоде в Коринфе египетские послы запросили помощи у ахейцев, разгорелась борьба между группами Калликрата, выступившего против участия ахейского войска в войне против Антиоха IV, и Ликорта с его сыном Полибием, призывавших ахейцев помочь Египту. Увидев, что собрание настроено не в его пользу, Калликрат потребовал прекратить обсуждение, т.к. законы запрещают «ἐν ἀγορᾷ βουλευεσθαι περί βοηθείας», т. е. обсуждать и решать вопрос о военной помощи на данном собрании⁵ (Polyb. 29,24,5). Через некоторое время в Сикионе был создан синклит, «на который явилось не только буле, но и все в возрасте не моложе 30 лет» (συνεβαίνει μὴ μόνον συμπορευεσθαι τὴν βουλήν, ἀλλὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τριακοντα ἐτών: ibid. 24,6). Там споры повторились, но вмешательство римлян положило им конец. Нечто подобное произошло и в конце 150-х гг., когда у ахейцев просили помощи граждане разграбленного афинянами Оропа. Они явились на синод в Коринфе, где было решено созвать по этому поводу синклит в Аргосе. Синклит подробно обсудил вопрос и принял окончательное решение (Syll.³ 675).

Опираясь на фразу Полибия (29,24,6) об участниках синклита в Сикионе, проще всего сделать вывод такого характера: на регулярные заседания (синоды) собирались только члены союзного совета (βουλή), народное собрание созывалось у ахейцев только на чрезвычайное заседание (синклит), для решения вопросов жизненной важности: объявление войны, заключение мира, ратификация союзного договора⁶. Именно такая точка зрения возобладаала среди исследователей в начале века, особенно после работ Белоха и Свободы⁷. Затем появилось подробнейшее и обстоятельное исследование А. Эймара, который убедительно показал, что это укоренившееся в литературе мнение о тождестве понятий «синод» и «буле» противоречит целому ряду фактов⁸. Синод именуется ἐκκλησία, т. е. народным собранием у Полибия (4,7,1), принимает решения о начале войны (Polyb. 4,7,1 sqq; 4,15,1 sqq; 4,26,7). В 217 г. этолийцы специально ждут ахейского синода, чтобы безнаказанно напасть на Ахайю, противодействие им оказывают только наемники: все военно-

обязанные граждане явно находятся на собрании (Polyb. 5,94,1 sqq). С точки зрения Эймара, не имеет принципиального значения тот факт, что участники синодов у Полибия не раз, в том числе и в рассказе о собрании 168 г., обозначаются словом βουλῆ (Polyb. 4,26,7 sq; 22,7,3; 28,3,7 sqq; 29,24,6). В словаре ахейского историка, считает Эймар, этот термин не имеет технического значения и может переводиться как «совокупность совещающихся людей»⁹.

Выводы французского антиковеда вкратце сводятся к следующему. И синклит, и синод представляли собой заседания союзного народного собрания¹⁰. Союзный совет вряд ли вообще существовал¹¹. С течением времени количество граждан, ходивших на синоды, уменьшалось, поэтому примерно после 220 г. был издан закон, передававший рассмотрение важнейших вопросов (война, мир, союз) только синклиту, более многочисленному и поэтому более авторитетному чрезвычайному собранию. Впрочем, иногда и после реформы синод решал вопросы, входящие в компетенцию синклита¹². Это могло произойти и на синоде 168 г., если бы не вмешался Калликрат и не потребовал переноса обсуждения на синклит, куда должна была явиться действительно большая масса граждан, отсутствовавшая обычно на синодах¹³.

Столь скрупулезное исследование, однако, не так долго оставалось «последним словом науки» по вопросу об ахейских собраниях. В 1954 г. была обнаружена надпись IV в. с упоминанием ахейского совета (βουλ[α] τῶν Ἀχαιῶν] — SEG. XIV. 375), а в 1955 г. вышла работа Дж. Ларсена «Представительное правление в греческой и римской истории». Доказывая, что в античности уже существовала система представительной демократии, Ларсен отверг один из важнейших выводов Эймара. Признавая, что синод Ахейского союза до 217 г. действительно был народным собранием, Ларсен обратил внимание на слабость аргументов Эймара относительно существования такого порядка и после 217 г. Во-первых, не очень убедительно выглядит у Эймара ссылка на выступление Кассандра с Эгины на синоде 185 г. (Polyb. 22,8,9 sqq). Эгина к тому времени принадлежала уже не ахейцам, а Пергаму, поэтому Кассандр, как утверждал Эймар, участвовал в синоде только как ахейский гражданин и не мог быть представителем какого-либо полиса, стало быть, синод не был советом представителей. Ларсен истолковал этот факт таким образом: община эгинетов, переселившаяся в Пелопоннес из-за неприятия власти Пергама над родным островом, сохранила свое представительство в ахейском синоде¹⁴. Во-вторых, Эймар ссылаясь на присутствие большой массы рядовых граждан, в основном ремесленников и мелких торговцев (Polyb. 38,12,6), на собрании 146 г., которое он считал типич-

ным синодом. Ларсен усомнился и в этом. С его точки зрения, это собрание представляло собой одновременно и синод, и синклит, поскольку, с одной стороны, оно объявило войну Спарте (Polyb. 38,13,6), что подобало лишь синклиту, а с другой стороны, еще осенью 147 г. ахейский стратег обещал римлянам поставить этот вопрос на очередном синоде (Polyb. 38,11,5), которым явно и было данное совещание¹⁵.

В-третьих, Ларсен не согласился с трактовкой у Эймара термина βουλῆ. Поскольку вновь найденная надпись доказала существование союзного совета у ахейцев, то все упоминания о βουλῆ у Полибия должны, по мнению Ларсена, относиться именно к нему. За исключением случаев, относящихся к периоду до 217 года¹⁶, все свидетельства Полибия о βουλῆ (Polyb. 22,7,3; 29,24,6) отождествляют его с составом участников синода. Стало быть, именно совет и заседал на ахейских синодах после 217 г., что предполагает какую-то законодательную реформу, ограничившую участие народа в собраниях только присутствием на синклитах и определившую компетенцию чрезвычайных собраний (война, мир, союз)¹⁷. В-четвертых, Ларсен посчитал не очень правдоподобным объяснение событий 168 г., данное Эймаром. Он справедливо отметил, что слова «не только совет, но и все в возрасте не моложе 30 лет» (Polyb. 29,24,6) означают безусловно конституционный принцип, а не фактический состав участников синклита: не могли же, в самом деле, явиться в театр Сикиона все без исключения граждане в этом возрасте со всего Пелопоннеса! Согласно Ларсену, Полибий здесь разъяснил отличие синода (только члены совета) от синклита (все граждане, кто имел на это право).

Гипотезу Ларсена часть антиковедов посчитала окончательным решением вопроса¹⁸, однако в последнее время некоторые исследователи поставили под сомнение и ее¹⁹. Дело в том, что объяснение Ларсена хорошо улаживает одни противоречия, но приводит к возникновению других. Так, если во II в. на синоды собирались только члены совета, то почему Полибий употребляет в отношении участников регулярных заседаний такие термины, как οχλός, πλῆθος, οἱ πολλοί, указывающие скорее на массовый митинг?²⁰ Опять-таки не согласуется с предположением о превращении синодов во II в. в заседания лишь совета то обстоятельство, что у Полибия (28,7,3; 29,24,5) синоном синода является ἀγορά, термин, означающий у этого автора (как и других) сходку большой массы людей²¹. Очень спорными и искусственными выглядят истолкования у Ларсена тех случаев, когда Полибий под словом βουλῆ явно подразумевает народное собрание²². Неестественным кажется и странное оп-

ределение собрания 146 г. — одновременно и синод, и синклит (т. е. регулярное заседание чрезвычайного собрания!)²³.

А. Джованнини предложил свое решение проблемы ахейских собраний, но не слишком удачное. По его мнению, синод был регулярным народным собранием, а синклит вообще не являлся конституционным органом, представляя собой созываемые время от времени совещания различного состава. В 168 г. ахейские власти решили пригласить на синклит членов совета и часть граждан: тех, кому исполнилось 30 лет (молодежь оставалась дома, чтобы быть наготове в любое время выступить в поход и помочь римлянам, ведущим III Македонскую войну). До этого синод в Коринфе не смог решить этот же вопрос потому, что он обсуждался без предварительного решения совета

(*προβουλευσις*) отчего Калликрат и прервал дискуссию²⁴. Это предположение не встретило поддержки у исследователей²⁵, поскольку Джованнини допустил несколько серьезных ошибок, не говоря уже о том, что сама идея подобных совещаний с непостоянным составом, решающих важнейшие вопросы, не находит подтверждений в государственной практике греков и выглядит довольно фантастично. Истолкование событий 168 г. у Джованнини не выдерживает проверки фактами. По его мнению, синод не решил вопроса о военной помощи Египту потому, что не заслушал предварительного решения совета. Но ведь такого ре-

шения (*προβουλευσις*) не было оглашено ни на синклите 168 г., ни на чрезвычайном собрании 198 г. В 198 г., на второй день заседания, когда по закону полагалось вносить предложения, вперед вышел глашатай и стал вызывать желающих это сделать (Liv. 32,20,1; ср.: Polyb. 29,24,10). В 168 г. в Сикионе на второй день предложения поступили от групп Калликрата и Ликорта, а не от совета, причем ожидался предложения «ото всех желающих» (Polyb. 29,24,10). Никакая *προβουλευσις* не требовалась и не принималась во внимание. Одно это опровергает всю версию Джованнини. Еще одна, существенная его

ошибка состоит в том, что выражение *συνεβαινεν συνπλορευεσθαι* у Полибия (29,24,6) Джованнини переводит: «на этот раз собрались...», имея в виду, что Полибий подчеркивал необычность состава синклита в Сикионе в 168 г.²⁶. В определенном смысле такой перевод служит отправной точкой для всей гипотезы о непостоянном составе синклитов, однако он неверен: подобные выражения у Полибия являются всего лишь парафразами,

συνεβαινεν συνπλορευεσθαι означает просто «собрались»²⁷.

Предложив столь неудачное решение проблемы в целом, А. Джованнини, тем не менее, сделал ряд совершенно справедливых замечаний. В частности, он не согласился с тезисом, который ранее считался общепринятым: активными граждански-

ми правами у ахейцев обладали только мужчины старше 29 лет. Присутствие на синклите 168 г. «всех не моложе 30 лет» (Polyb. 29,24,6) может и не являться доказательством столь высокого возрастного ценза для участия в собраниях вообще. Ряд фактов говорит об обратном. В ахейском полисе Диме гражданские права давались с 17 лет (Syll.³ 531, v. 9 sqq). Арат стал стратегом, как мы уже видели, в возрасте 27—28 лет. В 217 г. этолийцы поджидают синода, чтобы совершить набег в Ахайю, причем им оказывают сопротивление только наемники (Polyb. 5,94,3 sqq) — это означает, что военнообязанные граждане, в том числе и моложе 30 лет, отправились в Эгий на собрание.

Юные всадники (οἱ νεοί) играют в конце III в. важную роль на выборах стратега (Polyb. 10,22,9 sq; Plut. Philop. 7,3). Все это подтверждает вывод Джованнини, к которому присоединились О'Нэйл и Уолбэнк²⁸: в собраниях участвовали и граждане моложе 30 лет. Сделаем одно уточнение — участвовали в III веке, ибо все свидетельства, приведенные выше, относятся к этому времени. Другая картина предстает перед нами во II в. Полибия, как минимум достигшего уже 20 лет, в 181 г. назначает послом, «хотя ему еще не исполнился положенный по закону возраст» (Polyb. 24,6,5). В 168 г. на синклите нет людей моложе 30 лет (Polyb. 29,24,6). Очевидно, возрастной ценз в 30 лет был установлен на рубеже III и II вв. Поэтому гипотезу Джованнини о специфическом возрастном составе синклита 168 г. упомянутые свидетельства подтвердить не могут, но тем не менее они имеют серьезное значение для понимания эволюции ахейского политического строя.

Подведем теперь некоторые итоги. Во-первых, можно считать доказанным, что по крайней мере до 217 г., т. е. в интересующий нас период, ахейский синод представлял собой регулярное народное собрание. Что касается последовавшего времени, то, с нашей точки зрения, на вопрос о составе синодов пока нельзя дать однозначного ответа, хотя версия Эймара кажется предпочтительнее при условии определенной ее модификации²⁹. Во-вторых, чрезвычайное собрание — синклит — также не было ограниченным по составу³⁰. В III в. и синод, и синклит могли посещать граждане и моложе 30 лет, такой возрастной лимит был установлен позже в связи с общей аристократизацией строя Ахейского союза. В-третьих, по крайней мере до 220 г. включительно, синод мог решать любые вопросы, включая и те, которые позднее были зарезервированы за синклитом после издания специального закона о компетенции собраний (мера, вызванная массовым абсентеизмом на синодах)³¹.

В описываемый здесь период (281 — 221 гг.) на синодах рассматривались следующие вопросы: о приеме новых членов в союз (Plut. Ar. 35,4), о перспективах и условиях военного альянса ахейцев с Македонией (Polyb. 2,51,7; Plut. Ar. 42,1), об

официальном заключении альянса (Polyb. 2,54,3), о планах ведения войны (Polyb. 2,54,13 sq), о финансировании военных действий (Plut. Ag. 37,5), о разрешении полису — члену союза просить и получить помощь от иностранной державы (Polyb. 2,48,7; 2,50,10 sqq), о даровании почестей заложникам из Фокиды и Беотии (Syll.³ 519). Не исключено, что именно синодом было собрание, постановившее объявить войну Спарте (Polyb. 2,46,6); во всяком случае, такое решение синода было возможным, судя по событиям 220 г. Снова обращаясь к данным о более поздних периодах истории союза, можно с большой долей вероятности утверждать, что синоды в 281 — 221 гг. также принимали и отправляли посольства, заслушивали отчеты ахейских послов (Syll.³ 675, v. 7; Polyb. 4,15,1 sq; 22,7,2 sqq; 28,12,3 sqq), принимали или отвергали дары иностранных правителей (Polyb. 22,7,3 sqq; 22,8,13), возобновляли ранее существовавшие союзы (Polyb. 22,7,8 sqq; 29,23,4), определяли численность ахейской армии в очередной кампании (Polyb. 4,15,3), решали судьбу пленных (Polyb. 5,102,5), руководили улаживанием территориальных споров между ахейскими полисами (IvO. 46), обсуждали, какие меры принять к отложившимся от союза городам (Polyb. 23,16,12), избирали должностных лиц³² — короче говоря, решали важнейшие проблемы, касающиеся союза в целом. На одном и том же синоде мог рассматриваться целый ряд вопросов (Polyb. 22,7,2 sqq). Чрезвычайные собрания созывались для того, чтобы вынести решение по одному-единственному неотложному делу (Liv. 31,25,9) — для объявления войны, заключения мира или союза. Именно так обстояло дело в 226 и 220 гг.³³ Правда, до принятия закона о компетенции синклита внеочередное собрание могло назначаться также в связи с иными срочными делами: для избрания стратега-автократора (Plut. Ag. 41,1), определения расходов на содержание войск союзной державы (Polyb. 5,1,6 sqq), приема нового члена в союз (Polyb. 4,72,5 sqq).

Синоды, как уже говорилось, до 188 г. созывались в Эгии, наиболее значительном и удобно расположенном полисе Ахайи. До 255 г. они проходили в святилище Зевса Гамария за городом (Strabo. 8,385), затем, возможно, были перенесены в какое-либо место внутри городских стен³⁴. Судя по связному рассказу Полибия о событиях 220—217 гг., ежегодно проводились четыре регулярных собрания: весной (дважды), летом и осенью³⁵. Весеннее собрание — определяли повестку дня³⁶, председательствовали на заседании, закрывали его — союзные магистраты: стратег и дамиурги³⁷. Взять слово или сделать предложение мог любой желающий (Polyb. 29,24,10; Liv. 32,20,1), что и подразумевает Полибий (2,38,6; 2,42,3) под словом *ισχυορια*. Голосование на синклитах проходило на третий день заседания (Liv. 32,22,4), на синодах — по завершении обсуждения каж-

дого вопроса (Polyb. 22,7,2 sqq). На чрезвычайных собраниях подсчитывались не просто голоса всех присутствующих, а мнения целых полисов³⁸. Что касается заседаний регулярных, то там вопросы, по-видимому, решались простым поднятием рук (χεῖροτονία: Plut. Ar. 35,7) и учет представительства полисов не велся. Во всяком случае, в 185 г. масса присутствующих на синодах «с криком» отвергла предложение пергамского царя (Polyb. 22,8,13), и никакой долгой процедуры подсчета мнений отдельных городов не проводилось. Вообще трудно себе представить, чтобы на этом синоде, где решалось как минимум 5 вопросов, каждый раз начиналась такая процедура, требовавшая на синклитах целого дня³⁹. Впрочем, эти данные относятся лишь ко II в., когда уже действовал закон о перенесении всех главных вопросов на синклит. Быть может, пока синод имел более широкую компетенцию, учет мнений отдельных полисов производился и там⁴⁰.

Все известные нам описания ахейских синодов и синклитов не оставляют никакой опоры для предположения о том, что вначале вопрос рассматривался в союзном совете, а затем — на собрании. Ни на одном собрании ахейцев не оглашается проβουλευμα совета, предложения поступают только непосредственно от участников синода или синклита⁴¹. Более того, вообще роль совета в политической жизни союза неясна настолько, что можно вслед за Эймаром усомниться в самом существовании такого органа у ахейцев. Правда, находка надписи SEG. XIV. 375, хотя и относящейся еще к IV в., а более всего слова Полибия (29,24,6: «не только совет, но и все не моложе 30 лет») о составе синклита 168 г., по нашему мнению, все же позволяют утверждать, что особый орган βουλή в Ахейском союзе был. О функциях его нельзя сказать ничего определенного, учи-

тывая двусмысленный характер самого термина βουλή у Полибия. Единственное место у Полибия (29,24,6), где совет четко отделяется от собрания, свидетельствует лишь о том, что чле-

ны совета — булевты (βουλευται: Polyb. 2,37,10) — обязательно присутствовали на синклитах. Возможно, явка на синоды и синклиты была их основной обязанностью, особенно во II в., когда присутствие на собраниях большой массы граждан стало чрезвычайной редкостью (Polyb. 38,12,6) и представительность собраний грозила стать весьма сомнительной. Еще меньше возможностей имеется у нас для того, чтобы, хотя бы в форме гипотезы, судить о составе совета, его численности⁴² и сроке полномочий. Может показаться удивительным, что функционирование такого органа, как союзный совет, практически никак не отражено в «Истории» Полибия и других источниках при всем обилии сведений о политической жизни ахейцев. Однако в этом

есть своя закономерность: совет явно не играл важной роли в определении политики союза, в чем не приходится сомневаться потому, что основные полномочия, которыми были наделены булевты в государствах, подобных Афинам V—IV вв., в Ахейской федерации принадлежали не совету, а должностным лицам союза и особенно стратегу⁴³.

Полибий (2,43,2), сообщая о том, что после реформы 255 г. стратегу Ахейского союза была дана власть «надо всем» (ὕπερ τῶν ὅλων), не допустил особого преувеличения⁴⁴. Права стратега как главы исполнительной власти были огромны. Во-первых, стратег командовал вооруженными силами союза. Кроме официального объявления войны и заключения мира стратег мог в этой сфере по своему усмотрению предпринимать все, что не оговорило специально (или не успело оговорить) в своем решении собрание ахейцев. В подтверждение этих слов достаточно сослаться на действия Арата в Коринфе, Арголиде, Аттике до и во время Деметриевой войны. Стратег иногда самостоятельно созывал ополчение (Liv. 33,14,9 sqq), распускал его (Polyb. 4,10,1; 4,14,4; Liv. 36,31,8), заключал перемирие с противником (Liv. 32,39,10; 32,40,4), передавал командование другому военачальнику (Polyb. 5,94,1). В мирное время он инспектировал ополчение в городах и проводил общесоюзные учения (Polyb. 11,10,8 sq), а в случае необходимости разрешал своей властью набеги на территорию соседних государств для захва-

та спорного имущества без объявления войны (τα ρισία: Polyb. 22,4,13). Во-вторых, стратег от имени союза мог вести переговоры с иностранными державами, лично встречаясь с их представителями, отправляя послов или обмениваясь дипломатическими посланиями⁴⁵; мог также самостоятельно заключать

соглашения по частным вопросам (συνταξις: Polyb. 5,93,7; Liv. 35,27,11 so). В-третьих, стратег обладал большими полномочиями и во внутрисоюзных делах: именно он созывал на совещание других должностных лиц (Polyb. 22,10,2), следил за уплатой полисами взносов в федеральную казну (Polyb. 5,30,5; 5,91,4), давал указания местным властям (Polyb. 24,7,8; 38,11,10⁴⁶), созывал в случае необходимости народные собрания в полисах (Polyb. 38,11,7).

Стратег хранил государственную печать, которую передавал своему преемнику по окончании срока полномочий (Polyb. 4,7,10; Plut. Ar. 37,5). Его именем обозначался очередной год в ахейском календаре (Syll.³ 471,600,851; IG. IV² 1.60), начинавшийся со дня смены стратегов около 22 мая⁴⁷. На союзных собраниях мнение стратега имело огромное значение и, как правило, предопределяло исход голосования, причем ахейский стратег, в отличие от этолийского (Liv. 35,25,7), мог делать

предложения также по важнейшим вопросам, касавшимся объявления войны, заключения мира или союза⁴⁸. Нам известно лишь два случая, когда большинство собрания пошло против стратега (Polyb. 24,8,1 sqq; Plut. Ar. 37,5). Столь огромная власть и авторитет, присущие этой должности, нередко наводят исследователей на мысль о влиянии на политический строй греческих союзов III в. примера эллинистических государств и «монархических веяний эпохи»⁴⁹. Другие антиковеды видят в усилении власти союзного стратега простое следствие роста территории и, соответственно, уменьшения возможности созывать частые собрания⁵⁰. Однако, думается, дело здесь не столько в увеличении размеров государства (реформа 255 г. произошла еще до выхода федерации за пределы Ахайи) и не в прямом заимствовании монархических порядков греками, сколько в том, что кризис полиса неизбежно усиливает авторитарные тенденции в управлении как полисами, так целыми союзами, увеличивает влияние «сильной личности» в политике, доверие граждан к такой личности, пришедшее на смену былой подозрительности.

Оценивая значение стратега в Ахейском союзе, мы, однако, не должны забывать, что правящие круги полисов постарались обеспечить и гарантию собственных интересов, справедливо опасаясь, что стратег сможет использовать свое огромное влияние и власть во вред тем или иным полисам и даже имущей верхушке союза в целом. Как мы уже видели на примере Арата, высший пост в федерации нельзя было занимать два года подряд. Кроме того, стратег был поставлен под определенный контроль со стороны собрания ахейцев: он был обязан выполнять решения синодов и синклитов⁵¹, давать отчет собранию в своих действиях (Polyb. 4,14,1 sqq), вынужден был запрашивать мнение собрания по наиболее важным вопросам⁵². Наконец, права стратега несколько ограничивались тем обстоятельством, что ему следовало считаться и с мнением других должностных лиц союза, особенно дамиургов. Федеральные дамиурги, которых ежегодно избиралось десять⁵³, составляли как бы совещательную коллегию при стратеге; вместе с ним они считались «высшими магистратами» союза (Liv. 32,22,2; 38,30,4). Дамиурги сопровождали стратега при встречах с иностранными правителями (Plut. Ar. 43,1), наравне с ним участвовали в созыве собраний (Polyb. 23,5,16; Liv. 38,30,4), находились при нем иногда даже в ходе военной кампании (Polyb. 4,72,9). Неясно, насколько обязательными для стратега были решения дамиургов⁵⁴. Видимо, были предусмотрены случаи, когда стратег был обязан подчиниться им без возражений. На синклите 198 г. только от позиции дамиургов зависело, будет ли поставлено на голосование предложение стратега Аристена заключить союз с Римом, противоречащее ахейскому закону, который запрещал вступление союза в антимакедонские альянсы (Liv. 32,22,2 sqq).

Видимо, дамиурги имели полномочия пресекать противозаконные акции стратега (ср. Polyb. 38,13,1: протест «герусии») ⁵⁵. Им одним доверялась также публикация союзных постановлений (IvM. 39. v. 33 sqq).

Часть функций стратега разделяли с ним гиппарх — командир конницы и наварх — ахейский «адмирал». Главной обязанностью гиппарха было обучение конницы, инспектирование конных частей ополчения в полисах и командование кавалерией, а иногда и частью пехоты, в сражении (Polyb. 5,95,7; 10,22,6 sqq; 10,23,9; 10,24,1 sqq; Plut. Philop. 7,3 sqq). Однако гиппарх имел и определенный политический вес в союзе. Он мог выполнять дипломатические поручения (Polyb. 28,12,4 sqq), его мнение на собраниях имело большое значение (Polyb. 28,7,8 sqq), да и вообще гиппарх считался вторым человеком в руководстве федерации после стратега (Polyb. 28,6,9). Эта должность была как бы последней ступенью к достижению в будущем высшего поста в союзе (Polyb. 10,22,9). Наварх — фигура политически менее значимая, видимо, из-за того, что ахейский флот никогда не был серьезной боевой силой. Функции этого должностного лица заключались в командовании морскими операциями ахейской флотилии (Polyb. 5,94,7; 5,94,11). Иногда во главе флота становился сам стратег, тогда наварху поручалось управление флагманским кораблем (Liv. 35,25,12 sqq; 35,26,7; Plut. Philop. 14,2 sqq). Как гиппарх, так и наварх вместе со стратегом и, видимо, дамиургами произносили клятвы от имени Ахейского союза при заключении договоров и соглашений (Syll.³ 490, v. 6 sq). Очевидно, ниже рангом котирировалась должность «секретаря

ахейцев» (γραμματεὺς τοῖς Ἀχαιοῖς), судя по тому, что он не назван в числе приносящих клятву магистратов в надписи Syll.³ 490. До 255 г. секретарь союза был важной персоной, у Полибия (2,43,1) он даже упомянут перед двумя стратегами, однако позже его влияние уменьшается. В надписях секретарь иногда, наряду со стратегом, выступает в роли эпонима, но это можно объяснить как всего лишь дань традиции (Syll.³ 531; IG. IV.² 1.60; IG. VII. 223; SEG. XIII. 327). Во всяком случае, ни надписи, ни литературные тексты ничего не говорят о его функциях и политической роли в союзе после 255 г. В эллинистических полисах секретарь часто является весьма авторитетной фигурой ⁵⁶, но главным образом как представитель городского совета, а в Ахейском союзе совет, как уже говорилось, был не самым важным органом ⁵⁷.

Из остальных должностных лиц союза нам известны казначей (ταμίης: IvM. 39, v. 46 sqq) и номографы. В задачу последних входило, с одной стороны, редактирование и регистрация постановлений ахейского собрания, имевших силу закона (IvM. 39, v. 43 sqq), а с другой стороны — составление текстов

некоторых законов, например, сакральных⁵⁸. Коллегия номографов насчитывала 25 человек, которые в надписи IG. IV.21.73 представляют 19 городов. Крупные полисы — Аргос и Мегалополь — имеют там по три представителя, Эгий, Дима и Сикион — по два, остальные города — по одному. В списке номографов нет граждан трех полисов Ахайи, большинства аркадских полисов и Коринфа. Последнее обстоятельство не позволяет согласиться с мнением о существовании системы пропорционального представительства в этой коллегии и, тем более, распространить такую систему на способ подсчета голосов в собрании и формирования совета, как делают некоторые исследователи на примере номографов⁵⁹. По-видимому, состав коллегии избирался без учета представительства там всех членов союза, но вполне естественно, что туда попадало больше граждан из крупных полисов⁶⁰.

Все магистраты Ахейского союза, за исключением номографов и, вероятно, секретаря, составляли единую коллегию *συναρχίαι* (Polyb. 27,2,11; 38,13,4 sq), действовавшую во многих случаях как единое целое. Сам этот термин, означающий «совокупность государственных властей», появляется у греков сравнительно поздно и постепенно распространяется в эпиграфике, встречаясь главным образом в декретах, принятых по предложению властей полиса (*συναρχίαι προεβούλευσαντο*)⁶¹. Особенно часто магистраты стали давать народному собранию

свою *προβούλευμα* в римское время, однако пример Ахейского союза и его полисов демонстрирует, что это не было слепым копированием римских обычаев, а явилось еще одним порождением кризиса полиса. Уже отмечалось, что мнение стратега и других должностных лиц для собрания обычно оказывалось решающим, а позже мы увидим, что такая традиция оказывала влияние и на политическую жизнь городов — членов союза.

Не случайно поэтому употребление термина *συναρχίαι* в отношении ахейских магистратов, составлявших своеобразную замкнутую корпорацию и определявших политический курс федеративного государства.

В отличие от военно-политического блока (*συνμαχία*), даже столь масштабного, как Афинская архэ, Пелопоннесский союз или Коринфская лига, федеративное объединение полисов обладало такими характерными для единого государства чертами, как наличие общих законов, союзного суда, казны, монет (Polyb. 2,37,10)⁶², общефедерального святилища, постоянного союзного военного корпуса, общего гражданства. Все это было свойственно и Ахейскому союзу. Федеральные законы (*νόμοι, leges*) постоянно упоминаются в повествовании Полибия и в

других источниках. Известны законы такого содержания:

- о созыве синодов и синклитов (Polyb. 4,7,1; 5,1,7);
- о порядке проведения синклитов (Polyb. 22,12,6; 29,24,10; Liv. 31,25,9; 32,22,4);
- о беспрекословном подчинении полисов приказу федерального стратега насчет сбора ополчения (Paus. 7,12,6);
- о почестях, которые вправе воздавать иностранным правителям союзные собрания (Polyb. 28,7,8; 28,1,14);
- о даровании ахейского гражданства иностранцам (Polyb. 32,7,5);
- о замене стратега, умершего в год исполнения должности, его предшественником до следующих выборов (Polyb. 38,15,1);
- о порядке разрешения территориальных споров между членами союза (Syll.³ 665, v. 14 sqq);
- о возрастном цензе для граждан, исполняющих важные обязанности в союзе (Polyb. 24,6,5);
- о возмещении полисам расходов, которые те понесут в случае самостоятельного содержания наемников (Polyb. 4,60,10);
- о порядке празднества в честь Гигии (IG. IV.²1.73);
- о признании панэллинских фестивалей (IvM. 39, v. 43 sq)⁶³.

Законы, как уже говорилось, принимались союзным собранием, иногда их составляли номографы. Повиноваться им были обязаны как отдельные граждане, так и целые полисы — члены федерации. Само собрание после издания закона не имело права принимать противоречащие ему постановления⁶⁴, такое *φησις παρ' αὐτοῖς* подлежало отмене (Polyb. 28,7,8; 28,7,14; 38,13,7; Liv. 32,22,3). Отметим два важных обстоятельства: во-первых, законодательный порядок Ахейского союза был точно таким же, как в отдельных полисах; во-вторых, союзные законы касались, судя по имеющимся сведениям, только общегосударственных дел и не предписывали полисам, как решать их внутренние вопросы.

Последний вывод в принципе относится и к делам, которые разбирались союзным судом. Практически все известные нам процессы были посвящены делам об измене ахейскому государству, под которой подразумевались: участие в мятеже против союза и сепаратистских выступлениях, сношения с враждебным государством, подозрительная пассивность стратега в ходе военной кампании⁶⁵. Единственным исключением может выглядеть случай со спартанцем Хероном, которого стратег Ахейского союза, прибывший в Спарту, по обвинению в убийстве «предал суду ... и осудив, заключил в тюрьму» (Polyb. 24,7,7). Думается все же, что уголовный суд не входил в компетенцию федеральных органов, а в данном случае стратег обвинил Херона

в спартанском суде и добился его осуждения. Выражения $\pi\alpha\rho\eta\gamma\alpha\upsilon\epsilon\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \chi\rho\iota\sigma\iota\nu\ldots\kappa\alpha\tau\alpha\chi\rho\iota\nu\alpha\varsigma$... допускают такое истолкование. Кстати, приговор, выносимый единолично стратегом, считался «противозаконным» (Plut. Ag. 44,6)⁶⁶. Высшей судебной инстанцией союза являлось собрание ахейцев — синод или синклит⁶⁷. Вопрос о наличии в федерации особой коллегии судей, по нашему мнению, является спорным. Несмотря на утверждение Полибия (2,37,10), что все ахейцы имеют одних и тех же судей ($\chi\rho\eta\sigma\theta\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma\ldots\delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\alpha\iota\varsigma$), конкретных свидетельств о деятельности выборного федерального суда мы не имеем. Исследователи, как правило, ссылаются на два пассажа Полибия, где упоминаются федеральные $\delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\alpha\iota$ ⁶⁸, однако в одном из них речь идет о приглашенных с Родоса иностранных арбитрах (Polyb. 28,7,9 sq), а в другом — об окружении стратега-автократора Диея, которое «назначило судей» ($\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma\ \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\alpha\varsigma$) для заранее обговоренного осуждения гипостратега Сосикрата по ложным обвинениям (Polyb. 38,13,3). Поскольку до этого «военный кабинет»⁶⁹ Диея безо всякого суда заключил в тюрьму еще нескольких человек, то и в данном случае Полибий подразумевает то, что творился произвол и судьями оказались подставные лица. Впрочем, провозглашение Диея стратегом-автократором давало ему «почти царскую власть» (Polyb. 38,13,7), в том числе и в судебной сфере. Таким образом, вопрос о существовании законной федеральной коллегии судей пока следует оставить открытым⁷⁰.

Компетенция федерального суда касалась, как уже было сказано, наиболее серьезных дел, затрагивавших интересы союза в целом. Поэтому приговоры, которые нам известны, предусматривали самые тяжелые виды наказаний: смертная казнь⁷¹, изгнание за пределы союза⁷², огромный штраф в 30 и даже 50 талантов, на практике обычно заменявшийся изгнанием⁷³. Отметим принципиально важное обстоятельство: союзное собрание считает себя вправе судить и карать обвиненных в измене людей, не спрашивая на то разрешения полисов, чьими гражданами обвиняемые являлись; приговор опять-таки не подлежал никакому утверждению на местах. Этот порядок показывает, что граждане ахейских полисов рассматривались как люди, подчиненные федеральным органам непосредственно, а не только как члены своих полисных коллективов, объединенных в союз. Также и процедура обвинения не нуждалась в каких-либо особых церемониях, отличавших союзный суд от суда в едином государстве. Обвинителем мог выступать любой гражданин (Paus. 7,12,2), не обязательно должностное лицо; иногда в один и тот же день на собрании и выдвигалось обвинение, и произносился приговор (Liv. 39,35,6 sqq).

Как и другие федерации III в., Ахейский союз имел свое главное общесоюзное святилище. Оно находилось в центре Ахайи, в окрестностях города Эгия⁷⁴, и было местом почитания Зевса Гамария («Союзного», «Объединяющего»). Само имя ахейского бога⁷⁵ и глубокая древность его культа (Strabo. 8,385) свидетельствуют о том, что некогда Гамарион являлся религиозным центром племенного союза. После формирования полисов и объединения их в федерацию Гамарион стал местом проведения синодов (Polyb. 3,29,6; Strabo. 8,385) и хранилищем стел с важнейшими договорными актами Ахейского союза (IvM. 39, v. 36 sq; Polyb. 5,93,10). Таким образом, святилище Зевса Гамария приобрело также большое политическое значение, часть которого была затем отнесена и на счет города Эгия. Было бы неправильным называть Эгий «столицей» Ахейского союза⁷⁶: смысл устройства политического центра федерации в таком месте, как Гамарион (или город-святилище Ферм в Этолии), как раз и состоял в том, чтобы подчеркнуть равноправие полисов, не давая привилегий ни одному из них. Однако близость Гамариона придавала Эгии все же особый вес в федерации, и если после 255 г. синоды действительно проводились уже внутри городских стен, то именно этот полис иностранные правители или послы могли считать главным в Ахейском государстве. Во всяком случае, Клеомен III послал глашатая с объявлением войны именно в Эгий, несмотря на то, что стратег союза в это время находился в Аргосе (Plut. Ar. 18,4).

Гамарион, несомненно, сохранял свою роль религиозного центра федерации и после того, как союз перерос рамки собственно Ахайи. Зевс Гамарий, «объединяющий» бог, символизировал собой прочность союзных связей, почитание его доказывало лояльность союзу. Власти полисов, вступающих в федерацию, клялись его именем (Syll.³ 490, v. 8), на союзных монетах чеканилось его изображение. Наличие такого общегосударственного культа также уподобляло Ахейский союз любому греческому полису, имевшему одного или нескольких богов-покровителей. Кстати, помимо Зевса Гамария общесоюзными божествами являлись Афина Гамария (Syll.³ 490, v. 8), а также, видимо, Деметра Панахейская и Афина Панахейская (Paus. 7,20,2; 7,24,3).

Точно таким же символом государственного единства Ахейской федерации служили монеты единообразного типа с одинаковыми изображениями. Нумизматы выделяют «старшую» и «младшую» серии ахейских монет. Серебряные триоболы «старшей» серии на лицевой стороне имеют изображение головы Зевса Гамария, на обратной — монограмму АХ в лавровом венке. Триоболы «младшей» серии украшены той же монограммой, но к ней добавлены местные символы: в Сикионе — голубь, в Диме — рыба, в Коринфе — Пегас и т. д. Лицевая сторона изображает голову Зевса Гамария, окруженную опять-таки

местными монограммами, сокращенными, а иногда и полными названиями городов. Наиболее интересны медные монеты «младшей серии»: вновь Зевс Гамарий, но уже стоящий со скипетром, а на обороте — богиня, видимо, Деметра Панахейская, сидящая на троне, и слова — «ахейцев аргивян», «ахейцев сикионян», «ахейцев мегалополитов» и т. д.⁷⁷. «Старшая» серия, как видно из этого описания, более подчеркивала единство союза, «младшая» — автономию его членов, чеканивших федеральную монету. Начало «младшей» серии ранее относили к таким переломным моментам ахейской истории, как возрождение союза в III в.⁷⁸, присоединение Сикиона⁷⁹, победа в Клеоменовой войне⁸⁰, но теперь, изучив состояние монет вкладах II в., исследователи склоняются к датировке, близкой к 195 — 190 гг.⁸¹.

Полибий (2,37,10) с гордостью заявляет, что ахейцы пользуются «одной и той же монетой», однако монетное дело союза было далеко от полной централизации. Федеральные монеты чеканились полисами, хотя и по единому стандарту. Примерно половина городов, когда-либо входивших в Ахейский союз, чеканила только медную союзную монету, 18 или 19 полисов вообще не выпускали федеральных монет⁸². По крайней мере, часть из них, а также полисы, чеканившие монету с союзными символами, продолжали выпускать и свою собственную без знаков принадлежности города к Ахейской федерации⁸³. Надо полагать, что даже если «старшая» серия чеканилась на каком-то едином федеральном монетном дворе (что еще надо доказать), то и в это время монополии союза на серебряный и тем более медный чекан не существовало; вообще монеты «старшей» серии довольно редко встречаются вкладах. В этом отношении Ахейский союз отличался от федераций, полностью монополизировавших выпуск серебряной монеты (Этолия, Фессалия II в. и т. д.). Однако само наличие ахейских монет показательно: ни в одной симмахии, в отличие от федеративных государств, общесоюзная монета не чеканилась. Таким образом, политический смысл ахейских символов на монетах вполне ясен.

Сложнее дать оценку этому явлению с экономической точки зрения. Если введение на территории союза единых мер и весов (Polyb. 2,37,10), безусловно, должно было способствовать облегчению торговых связей внутри Пелопоннеса, где чисто аграрные полисы соседствовали с ремесленно-торговыми центрами, и само образование Ахейского союза принесло пользу внутренней торговле, то чеканка монет с ахейскими символами преследовала, очевидно, иные цели. Монеты государств Пелопоннеса и ранее были легко взаимозаменяемы на основе эгинского стандарта, и ахейские триболы продолжали ту же традицию. М. Томпсон предположила, что федеральные монеты предназначались исключительно для оплаты войск Ахейского союза⁸⁴. Возможны и другие мнения. Во всяком случае, есть больше ос-

нований говорить о политических, чем об экономических задачах чеканки монет, имеющих союзную символику.

Поскольку Ахейский союз брал на себя обязанность обеспечивать безопасность полисов военными и дипломатическими средствами, он должен был иметь особую союзную казну. Федеральные средства шли главным образом на оплату наемников и содержание собственно ахейских войск во время военных кампаний (Polyb. 5,30,5 sq; 5,91,4; 28,13,13). Иногда появлялись другие статьи расходов, требовавшие крупных сумм. Например, содержание македонской армии в Пелопоннесе в 218 г. стоило ахейцам не менее 130—150 талантов (Polyb. 5,1,11 sq), выкуп рабов италийского происхождения у ахейских рабовладельцев обошелся союзу примерно в 100 талантов (194 г., Liv. 34,50,6). Определенных средств требовала союзная дипломатия. Все эти расходы возмещались полисами, платившими ежегодные взносы — $\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\alpha\iota$ (Syll.³ 531, v. 4; Polyb. 4,60,4; 4,60,9; 5,30,5; 5,91,4; 5,94,9). Эти платежи в союзную казну были регулярными, судя по тому, что на определенный срок (несколько лет) мог предоставляться иммунитет тому или иному полису (Polyb. 24,2,3). Размер взносов, очевидно, не был постоянным и зависел от нужд федерации в данный момент. В 217 г. города, получив известие о захвате крупной военной добычи, надеялись на дальнейшее облегчение налогового бремени (Polyb. 5,94,9). Меха-

низм сбора средств для уплаты $\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\alpha\iota$ нам неизвестен. Надо полагать, что каждый город решал эту проблему по-своему, а федеральные власти только следили за своевременным поступлением средств от полисов⁸⁵. Наличие единого федерального подушного налога⁸⁶ крайне маловероятно, ибо это потребовало бы огромного штата сборщиков и соответственных расходов на их содержание, да и вообще не имело бы прецедентов в Греции. Тем не менее, по крайней мере в ряде полисов, отдельные граждане были обязаны «участвовать ... в уплате союзных взносов» ($[\kappa\omicron\iota\nu\omega]\gamma\epsilon\omicron\nu\tau\omega\ldots\tau\omicron\nu\tau\epsilon\epsilon\iota\varsigma\tau\omicron\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu\tau\omicron\varsigma\epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\alpha\varsigma$: Syll.³ 531, v. 32 sqq)⁸⁷. По-видимому, полисы Ахейского союза, как и других федераций, облагали специальным налогом на федеральные нужды своих граждан, т. к. обычных городских доходов было недостаточно⁸⁸. Другими средствами пополнения федеральной казны была продажа военной добычи и пленных (Polyb. 5,94,9; 5,95,12; Liv. 28,8,10; Plut. Ag. 24,1), а также получение денег в дар от союзных монархов (Polyb. 22,9,3; 24,6,3). Распоряжалось расходами федерации союзное собрание, непосредственный контроль за состоянием финансов осуществляли стратег, дамиурги и казначей.

Для прочности Ахейского союза как единого государства огромное значение имела боеспособность его вооруженных сил.

Они состояли из собственно федеральной постоянной армии, созываемого время от времени ополчения всех союзных полисов и небольшого ахейского флота. В относительно мирное время и в ходе тех кампаний, которые велись в основном силами других держав, Ахейский союз ограничивался содержанием постоянного федерального войска из наемников и «эпилектов». Корпус *ἐπιλεκτοί* («отборные») состоял из молодых граждан различных полисов союза⁸⁹ — там служили мегалополиты, аргивяне (Polyb. 5,91,7), воины из Димы, Эгия (Polyb. 5,17,4) и других городов. Отличие эпилектов от всенародного союзного ополчения заключалось и в том, что этот корпус был ограничен по составу и действовал постоянно, а не только в критических ситуациях, и в том, что это было действительно единое ахейское войско, а не механическая сумма ополчений различных полисов. Численность эпилектов в конце Клеоменовой войны и в течение всей Союзнической войны, т. е. в 222—217 гг., была постоянной: 3 тысячи пехотинцев и 300 всадников (Polyb. 2,65,3; 4,10,2; 5,91,6). Помимо участия в больших походах и сражениях, эпилекты выполняли и свои специфические задачи. Они и до созыва, и после роспуска всеахейского ополчения находились в боевой готовности, охраняли границы от внезапных нападений врага, несли гарнизонную службу, осуществляли быстрые и неожиданные для противника операции⁹⁰. Командовал эпилектами либо стратег, либо по его поручению какой-то военачальник, не обязательно ахеец (Polyb. 4,10,2; 5,92,10; 5,94,1; 16,37,3). Ливий (32,25,6) сообщает, что отборное войско ахейцев включало в себя представителей всех полисов, но, естественно, это не означает, что каждый город делегировал туда одно и то же число воинов. В 217 г. синклит постановил, что третья часть корпуса эпилектов должна состоять из аргивян и мегалополитов, т. е. граждан двух крупнейших полисов союза (Polyb. 5,91,6 sq).

Другая постоянно действующая часть ахейской армии состояла из наемников, службу которых оплачивала федеральная казна⁹¹. Как и прочие государства эллинистического мира, Ахейский союз не мог обойтись без наемного войска, которое участвовало практически во всех военных кампаниях ахейцев⁹². В 217 г. в ахейской армии было 8,5 тысяч наемников (Polyb. 5,91,6) — больше, чем эпилектов. Наемники также несли постоянную службу: составляли гарнизоны некоторых крепостей, охраняли территорию союза от неожиданных набегов извне (Polyb. 2,58,3; 5,92,10; Plut. Cleom. 17,7).

Ахейцы вели военные действия почти исключительно на территории Пелопоннеса, поэтому всенародное ополчение⁹³ объявлялось довольно редко, обычно лишь в тех случаях, когда предстояло нанести решающий удар противнику (например, совершить поход в Лаконию), или, наоборот, над самим Ахейским союзом нависала серьезная угроза. В ополчение были обязаны

явиться, получив приказ, все граждане в боеспособном возрасте (οἱ ἐν ταῖς ἡλικίαις: Polyb. 16,36,3; Plut. Ag. 25,4). Решение о созыве всеобщего гражданского ополчения принималось обычно союзным собранием (Polyb. 4,7,5; 28,12,2; Liv. 32,23,3), но это мог сделать и гегемон союза, каковым с 224 г. стал царь Македонии (Polyb. 4,67,8; 5,17,9), и ахейский стратег (Polyb. 16,36,1 sqq; 38,15,7; Paus. 7,12,6). Ополчением каждого полиса

командовали местные начальники — ἀποτελείοι, один для пехоты и один для конницы⁹⁴. Именно они получали приказ стратега о выступлении в поход и вели вооруженных граждан в указанное стратегом место (Polyb. 16,36,3; 38,15,7). Иногда, если того требовали обстоятельства, в ополчении участвовали граждане лишь одного или нескольких полисов, ближайших к театру военных действий (Polyb. 4,13,1; 5,95,7).

Основу ахейской армии в сражении составляла фаланга из гоплитов⁹⁵, или т. н. «панцирных воинов» (θωρακίται)⁹⁶. Кроме фаланги, в сражениях участвовала легкая пехота⁹⁷, в которой важную роль играли прославленные пращники из Ахайи (Polyb. 4,61,2; Liv. 38,29,3 sqq). Из зажиточных граждан формировалась конница (Polyb. 10,22,9; 11,11,4; Plut. Philop. 7,4), часть которой также составляли наемники (Polyb. 4,37,6). Охранял берега Ахайи и участвовал в редких наступательных морских операциях немногочисленный ахейский флот из нескольких десятков военных кораблей⁹⁸. Наибольшее значение имели сухопутные войска. После присоединения к союзу Аргоса и Мегалополя ахейцы могли выставить на поле боя солидные силы — до 20 тысяч воинов. Однако, по крайней мере до времен Филопемена, ахейская армия не снискала себе лавров в борьбе с серьезными противниками. Обычно это объясняют тем печальным для ахейцев обстоятельством, что выдающийся политик Арат, занимавший столько лет должность стратега, был совершенно непригоден к роли командующего войсками на поле сражения. Это факт общеизвестный, но не следует забывать, что само военное дело в государстве ахейцев вплоть до реформ Филопемена было запущено до крайней степени. В то время как все лучшие армии эллинистического мира уже давно вооружались и организовывались по македонскому образцу, ахейское оружие было устаревшим, фаланга — недостаточно сомкнутой и маневренной (Plut. Philop. 9,2 sqq). Только мегалополиты и только в 224 г. получили македонское оружие и македонскую выучку (Polyb. 2,65,3; 4,69,4 sq; 5,91,7). Кроме того, усиливалось типичное для эпохи кризиса полиса пренебрежение к дисциплине и вообще к военной службе, особенно среди богатых граждан, служивших в коннице (Polyb. 10,22,6 sqq; Plut. Philop. 7,4). Таким образом, если сами принципы военной организации в Ахейском союзе были вполне удачными и отвечали специфиче-

ке этого объединения столь разнородных полисов⁹⁹, то фактическое состояние армии почти до самого конца III в. было неудовлетворительным, что и сказалось в годы тяжелой войны со Спартой и ее царем Клеоменом III. Только к концу III в. такой крупный и талантливый военный организатор и полководец, как Филопмен, сумел сделать ахейское войско действительно грозной боевой силой, по крайней мере, по греческим масштабам.

В заключение этого обзора ахейского союзного устройства имеет смысл еще раз вернуться к высказываниям Полибия о том, что политический строй союза представляет собой «истинную демократию»¹⁰⁰, а степень единства, достигнутая в этой федерации, позволяет уподобить ее огромному монолитному полису (Polyb. 2,37,11). Как видно из противопоставления «демократического» ахейского и «аристократического» — римского государства у Полибия (ср. 23,12,8 и 23,14,1), он имел в виду не равенство полисов в союзе (так истолковали его слова некоторые исследователи)¹⁰¹, а равенство всех граждан. Мы уже видели, что определенные формальные основания для того, чтобы говорить о демократичности ахейского строя, имеются: право всех граждан присутствовать на синодах и синклитах, право любого желающего выступить и внести свое предложение на собрании¹⁰², выборность всех властей и некоторые другие черты ахейского строя являлись, несомненно, демократическими. Предположение о существовании имущественного ценза для полного права гражданства в Ахейском союзе¹⁰³, видимо, безосновательно. Слова Павсания (7,16,9) о том, что римляне после завоевания Пелопоннеса в 146 г. «упразднили демократии и ввели правление, основанное на цензе», доказывают скорее обратное. «Демократией» ахейский политический строй именовался и в официальных документах (Syll.³ 665, v. 17).

Тем не менее, полностью правы антиковеды, которые почти единодушно считают, что на практике власть в союзе находилась в руках узкого круга зажиточных и влиятельных граждан, элиты полисов Пелопоннеса. В этом смысле «демократия» в Ахейском союзе была точно такой же, как и в обычном эллинистическом полисе. Исход выборов должностных лиц федерации зависел главным образом от позиции имущих кругов (Polyb. 10,22,9; Plut. Philop. 7,4), присутствие на синоде большой массы ремесленников и мелких торговцев считалось редкостным явлением (Polyb. 38,12,6), о чем свидетельствует также принятие в конце III в. закона о компетенции синклитов. Политическая пассивность основной части граждан, типичная для эллинистических полисов, усугублялась в Ахейском союзе и рядом конституционных особенностей крупного федеративного государства, которые по сути препятствовали подлинному волеизъявлению народа. Регулярные народные собрания проводились намного реже, чем, например, в Афинах, да и посещение их бы-

ло проблемой для рядовых граждан. Мегалопольскому ремесленнику или крестьянину нужно было потратить не менее шести дней только на дорогу в оба конца, чтобы посетить синод в Эгии (Polyb. 2,55,1). Насколько можно судить, присутствие на синодах и выполнение государственных должностных обязанностей в союзе не оплачивалось¹⁰⁴ и поэтому было доступно только людям с достатком. Крайняя редкость народных собраний, огромные полномочия властей в ущерб правам выборного совета считались бы в V в. признаками типично аристократического строя, однако в Ахейском союзе вполне серьезно это именовалось «демократией». Этот пример еще раз доказывает, что понятие «демократия» в эпоху эллинизма стало очень широким и расплывчатым¹⁰⁵.

Что касается подобию Ахейского союза единому полису, то приведенный здесь обзор данных об устройстве этого объединения свидетельствует о том, что это не просто метафора. Наличие не только общих законодательных и исполнительных органов, но и общего гражданства, союзного суда, союзных законов, постоянного войска, а также тот факт, что центральные органы имели дело не только с целыми полисами, но и отдельными их гражданами, — все это характеризует Ахейский союз как единое государство. Однако это было государство не унитарное, как отдельный полис, а федеративное, поскольку входившие в него города обладали собственным государственным суверенитетом. Так считают почти все современные исследователи от Фримэна и Мищенко до Ларсена и Уолбэнка. О том, насколько обоснованным является это определение, можно будет судить, рассмотрев взаимоотношения центральных органов и отдельных полисов в Ахейском союзе.

Глава 6

ФЕДЕРАЦИЯ И ПОЛИС

ИСТОРИЯ роста Ахейского союза после вступления Сикиона показывает, что присоединение почти каждого полиса не обходилось без элемента насилия и принуждения¹. Однако в каждом случае вхождение полиса в Ахейский союз оформлялось как равноправный договор двух сторон, который именуется *foedus* у Ливия (38,31,2; 38,32,8; 38,33,9). Полибий пишет, что по поводу присоединения каждого нового полиса воздвигалась, очевидно в Гамарионе, особая стела, где были зафиксированы условия членства полиса в союзе (Polyb. 23,4,14; 23,17,2; 24,2,3; 24,9,14)². В частности, при вступлении в федерацию Спарты специально оговаривался запрет возвращать в Лакедемон изгнанников (Polyb. 23,4,14; 24,9,14); стела по поводу приема Мессении в союз предусматривала определенные льготы этому полису (τα φίλανθρωπα), в том числе налоговый иммунитет на три года (Polyb. 24,2,3). Литературные источники показывают, что после заключения договора с обеих сторон давались клятвы соблюдать его, соглашение ратифицировалось постановлением союзного собрания и затем устанавливалась стела (Polyb. 23,17,5 sqq; 23,18,1; 24,8,5; 24,9,14; Liv. 39,37,16; Plut. Ag. 35,5).

Такой порядок приема полиса в Ахейский союз подтверждается отрывочными текстами двух надписей: из Орхомена (Syll.³ 490) и Эпидавра (SEG. XI. 401). Первая из них упоминает клятву, которую давали власти союза и полиса (v. 5 sqq), с обязательством следовать в будущем всем положениям, имеющим «на стеле, в соглашении (ἐν ταῖς ἐνομοῦναι) и в псефисме, принятой Ахейским союзом» (v. 9 sq). Вторая надпись также говорит о «стелах» (v. 12) и каком-то постановлении, касающемся ахейцев и Орхомена (v. 2). Какая именно стадия процесса присоединения к союзу отражена в самих этих документах, неясно. Либо эти надписи представляли собой копии ахей-

ской псефисмы, либо, скорее, самой стелы. Начальные строки, частично уцелевшие на камне из Эпидавра, дают некоторое представление о гарантиях, которые давались полису при вступлении в федерацию. Ахейцы брали на себя обязательство не занимать Эпидавр гарнизоном и, очевидно, не менять государственный строй этого полиса³; далее в каком-то контексте речь идет о городских или федеральных судах и законах (v. 8 sqq). Со строки 15 и до конца сохранившейся надписи излагались условия урегулирования территориального спора Эпидавра с Коринфом, к тому времени уже вступившим в Ахейский союз.

Надпись из Орхомена, наоборот, содержит в себе только заключительную часть такого же документа. Здесь сохранились: упоминание о штрафе в 30 талантов или даже смертной казни по судебному приговору ахейцев, очевидно, для того, кто предположит нарушить договор (v. 1 sqq); перечень тех представителей союза и полиса, которые обменялись клятвами, и текст самой клятвы (v. 5 sqq); запрет в течение 20 лет отчуждать клеры ахейских поселенцев в Орхомене (v. 11 sqq); запрет преследовать судом за прошлые дела Неарха (скорее всего, бывшего тирана) и его сыновей (v. 14 sqq); угроза суда для похитителей золотой статуи Ники из Мегалополя, укрывшихся в Орхомене (v. 17 sqq).

Таким образом, обязательства союза и полисов при вступлении их в федерацию известны нам лишь в общих чертах, причем большая часть имеющихся сведений о содержании стел относится к второстепенным деталям, специфическим для каждого полиса — Спарты, Мессении, Эпидавра, Орхомена. Тем не менее, отрывки надписи из Эпидавра показывают, что на стеле фиксировались и фундаментальные, долговременные гарантии прав полиса, вступившего в союз⁴. Однако судить об этих правах и соблюдении их союзными органами мы можем, только изучив фактическое положение дел.

Ахейские полисы и в рамках союза сохраняли многие признаки государственного суверенитета. Во-первых, они продолжали жить по собственным законам и издавали новые, регулировавшие внутреннюю жизнь гражданской общины и некоторые связи ее с внешним миром, разумеется, не подрывающие единства внешней политики союза⁵. Во-вторых, как уже говорилось, федеральный суд разбирал исключительно дела, касавшиеся интересов союза в целом, в то время как тяжбы местного значения, например дела фальшивомонетчиков, нарушителей местных законов и постановлений и т. п., рассматривались в судах полисов. При этом выносились приговоры: смертная казнь (Syll.³ 530; Paus. 7,12,8), изгнание (Plut. Philop. 13,7), конфискация имущества (Plut. Ar. 44,5), уплата штрафа (IG. V. 2. 433, v. 13 sqq; GDI. 1615, v. 9), тюремное заключение (Polyb. 24,7,7), атимия, действие которой распространялось на весь Ахейский союз (GDI. 1615, v. 11). В-третьих, известную обособ-

ленность сохраняли контингенты ахейских полисов в союзном ополчении, командовали ими, как мы уже видели, местные командиры. Более того, отдельные полисы имели право содержать свои наемные отряды и использовать их для самообороны (Polyb. 4,60,9 sq, ср.: Syll.³ 600, v. 17). В-четвертых, внутри полисов существовала местная налоговая система, отдельным лицам по решению полиса мог даваться иммунитет (SEG. XI. 1107, v. 6 sq).

Важнейшим признаком суверенитета являлось понятие полисного гражданства наряду с общесоюзным. Такое «двойное гражданство» исследователи справедливо считают главной отличительной чертой греческих федераций, подобных Ахейскому союзу⁶, поскольку оно невозможно ни в независимом полисе, ни в симмахии. Вступая в федерацию, сикионяне, коринфяне, мегалополиты «становились ахейцами»⁷, т. е. приобретали новый этникон⁸ и вместе с ним права гражданства в Ахейской федерации⁹. О том, что союзное гражданство — реальное понятие, которое влекло за собой определенные права и обязанности, свидетельствуют отдельные факты предоставления ахейской «политии» иностранцам. В 167 г. делосцы, бежавшие с родного острова «в Ахайю», были внесены в списки ахейских граждан

(πολιτογραφέντες) и на этом основании собирались судиться с афинянами согласно нормам ахейско-афинского правового соглашения (Polyb. 32,7,3). В 185 г. уже упоминавшийся Кассандр с Эгины участвовал в заседании ахейского синода явно в качестве федерального гражданина, ибо его остров с 210 г. уже не входил в Ахейский союз (Polyb. 22,8,9 sqq). Ахейское гражданство было предоставлено в 165 г. Кассандру из Трояды (Syll.³ 665, v. A, 10), на этот раз, правда, скорее символическое¹⁰. Другой вопрос: можно ли было реализовать ахейские гражданские права, не записавшись предварительно в гражданский коллектив какого-либо полиса в Ахейском союзе?¹¹ Ответить на него трудно, поскольку в источниках по Ахейскому союзу ни о существовании «чисто федеральных» граждан, ни о порядке обязательной натурализации их в каком-либо полисе¹² сведений нет. Но само понятие союзного гражданства у ахейцев имело под собой вполне реальные основания¹³.

В то же время полисы, вступая в союз, сохраняли и собственные обособленные гражданские коллективы: иначе они перестали бы существовать как полисы. Они самостоятельно контролировали состав своей гражданской общины, пополняли ее новыми членами, лишали отдельных людей гражданских прав, причем эти решения являлись окончательными и автоматически приводили к дарованию или лишению федерального гражданства¹⁴. Граждане союза по-прежнему называли своей родиной (πατρίς) не всю федерацию, а только свой полис¹⁵. Внутри сою-

за они именовались «сикнионянами», «коринфянами», «мегалополитами»; а за рубежом — «ахеец из Сикниона», «ахеец из Эгиры», «ахеец из Аргоса» (IGII². 2314, v. 17; 2316; v. 6; XII. 9. 1187, v. 34). На монетах с ахейской символикой, как уже говорилось, чеканились надписи: «ахейцев сикнионян», «ахейцев аргивян» и т. д. Это реально отражало существование «двойного» — в полисе и в союзе — гражданства.

До какой степени гражданские общины Ахейского союза оставались обособленными друг от друга, можно судить на примере списка жителей Эпидавра, погибших в битве на Истме в 146 г. (IG. IV.² 1.28). В списке сначала перечисляются граждане Эпидавра с указанием филы, а затем, без такого указания —

Ἀχαιοὶ καὶ σύνιοι (v. 59), т. е. граждане других ахейских полисов, жившие в Эпидавре, наравне с метеками. Несомненно, они не имели в этом городе полных политических прав, поскольку не были приписаны к филам. То же можно сказать и о любом другом полисе Ахейского союза¹⁶. Сложнее ответить на вопрос о том, имели ли ахейцы, проживавшие за пределами своего полиса, какие-то привилегии по сравнению с обычными метеками в том городе союза, где они обосновались. В Халкидском союзе IV в. граждане федерации имели в любом полисе Халкидики права приобретения земельной собственности —

εὐκτησίς — и заключения законного брака — ἐλευσμία (Хеп. Hell. 5,2,19). Относительно других федераций IV и III вв. таких данных нет. Мнения исследователей по этому поводу разделились — одни считают пример Халкидики типичным¹⁷, другие это оспаривают¹⁸. Ряд надписей, в которых граждане одного горо-

да федерации получают в другом индивидуальное право εὐκτησίς¹⁹, казалось бы, свидетельствует, что федеральное гражданство само по себе такого права не давало. Однако в греческих декретах люди нередко символически награждаются теми правами, которые уже и так им принадлежат. Что касается Ахейского союза, то отрывочные сведения, имеющиеся у нас, не позволяют с уверенностью утверждать, что ахейцы имели

права εὐκτησίς и ἐλευσμία на всей территории союза²⁰. Вопрос этот слишком важен, чтобы считать его окончательно решенным и делать категорические выводы на основе спорных доказательств. В любом случае следует отметить, что и в этом отношении создание федераций отвечало интересам собственни-

ков, которые гораздо легче могли получить право εὐκτησίς в полисе своего союза, чем в другом государстве.

Вернемся, однако, к вопросу о соотношении прав федерации и полисов. До сих пор речь шла главным образом о признаках суверенитета полисов в Ахейском союзе. В научной литературе преобладает мнение, что ахейские полисы пользова-

лись значительной свободой и самостоятельностью, вмешательство центральных органов в их внутренние дела допускалось только в крайних случаях²¹. Впрочем, некоторые исследователи, особенно А. Джованнини, дают иную оценку отношениям федерации и полисов в Ахейском и подобных ему государствах: союз контролировал почти все сферы жизни каждой гражданской общины²², «власть центральных органов над членами союза не знала ограничений»²³. Ф. Г. Мищенко предположил, что разные полисы обладали различной степенью самостоятельности в зависимости от содержания того или иного договора города с федерацией²⁴. Такое несовпадение точек зрения во многом объясняется неоднозначным характером фактов, на основе которых можно делать выводы по этому вопросу.

С одной стороны, имеется ряд свидетельств о том, что полисы Ахейского союза, подобно полисам в эллинистических монархиях, подчеркивали свою самостоятельность, обращаясь к центральным органам не иначе, как с помощью посольств, отправляемых «к ахейцам», словно в иностранное государство²⁵. Когда ахейцы поставили гарнизон и поселили колонистов в Мантине, это было сделано, с формальной точки зрения, в ответ на просьбу правящей в этом полисе группировки (Polyb. 2,58,1). Точно так же по предложению местных властей ахейский отряд был выведен из Кинефы (Polyb. 4,17,7 sqq). Пока коринфяне не перешли на сторону враждебной Спарты, Арат и другие руководители союза «не осмеливались» вернуть Акрокоринф Македонии «против воли коринфян» (Polyb. 2,51,6).

С другой стороны, гарнизон Акрокоринфа с самого начала состоял из «ахейцев», на подмогу ему в разгар Клеоменовой войны были направлены всадники и наемники для подавления возможного мятежа (Polyb. 2,52,4; Plut. Ar. 24,1; 40,5; Cleom. 17,7). И в том, и в другом случае сами коринфяне были просто поставлены перед фактом. Когда Филипп V в 218 г. передал ахейцам захваченную им Псофиду, в городе немедленно был поставлен ахейский гарнизон во главе с сиконянином Прослаем (Polyb. 4,72,9). С некоторыми полисами союзные власти обходились не как с равноправными членами федерации, а как с зависимыми общинами. Подобно египетским, пергамским и другим эллинистическим царям, они ставили во главе таких полисов, как Кинефа и Псофида, полномочных представителей союза с титулами «στρατηγός της πόλεως» или «ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως» (Polyb. 4,17,5; 4,72,9)²⁶. Поселение ахейских клерухов в Мантине (Polyb. 2,58,1) и Орхомене (Syll.³ 490, v. 11 sqq), хотя и с формального согласия этих полисов, также ставило их в несколько приниженное положение по сравнению с другими. В годы II Македонской войны Аргос, недовольный заключением ахейско-римского союза, был вынужден принять федеральный гарнизон (Liv. 32,25,6 sqq). В Мантине Арат даровал местное

гражданство какой-то части метеков (Plut. Ag. 36,2)²⁷. Вопрос о возвращении изгнанников, крайне болезненный для любого полиса, решался только союзными органами²⁸. Представители федеральных властей иногда активно вмешивались во внутри-полисные конфликты. Арат в 217 г. по решению союзного собрания был отправлен в Мегалополь в качестве посредника для урегулирования возникшего там спора двух группировок по ряду политических вопросов, касавшихся только этого полиса (Polyb. 5,93,1 sqq). Уже упоминавшийся спартанец Херон в 180 г. был осужден за уголовное преступление после вмешательства ахейского стратега (Polyb. 24,7,7). Другой стратег союза помещал мегалополитам привести в исполнение их приговор об изгнании Филопомена (Plut. Philop. 13,7).

Не менее показательны и факты, относящиеся к сфере социальной и экономической жизни ахейских полисов. В годы Сирийской войны Ахейский союз запретил входящим в него полисам вывозить хлеб за пределы федерации (SEG. XI. 1107, v. 15). В преддверии Ахейской войны, в 147 и 146 гг., союзные стратеги-автократоры Критолай и Дизей приказывали полисам приостановить долговые тяжбы и взыскание долгов, освободить определенное количество рабов и включить их в ополчение (Polyb. 38,11,10; 38,15,3). Правда, последний пример не может считаться типичным, поскольку никогда раньше за всю историю Ахейского союза подобных мер не принималось, да и сама ситуация была исключительной.

Все перечисленные случаи вмешательства центральных союзных органов во внутреннюю жизнь ахейских гражданских общин могут создать впечатление, что полисы в Ахейской федерации не имели никаких гарантий автономии и тем более суверенитета. Однако упоминание о таких гарантиях в надписи из Эпидавра (SEG. XI. 401), о которой уже шла речь в этой главе, доказывает обратное. Очевидно, прав Ф. Г. Мищенко, утверждавший, что степень свободы полисов союза была неодинаковой. Если Эпидавру была дана гарантия не занимать город ахейским гарнизоном, то, например, Коринфу такого обещания ахейцы дать не могли: слишком большое стратегическое значение имел Акрокоринф, чтобы доверить его охрану самим коринфянам. Однако не следует заходить слишком далеко и предполагать какую-то разницу в таких правах, как собственная юрисдикция полиса, право регулировать состав гражданского коллектива и т. п. Здесь должно было существовать единообразие²⁹. Трудно сказать, что конкретно фиксировалось на стелах, а что просто считалось само собой разрушающимся, обычным порядком вещей. Во всяком случае, все приведенные здесь примеры показывают, что вмешательство союзных органов во внутренние дела полисов являлось скорее исключением, чем правилом. Видимо, при этом нередко нарушались права членов федерации: в сложной обстановке, в кризисных ситуа-

циях обычные нормы взаимоотношений союза и полиса соблюдать было очень трудно. Например, как мы уже видели, гражданские общины самостоятельно выносят самые суровые приговоры по судебным делам, не ожидая никакой реакции союзных органов. Но, когда местный приговор грозил союзу потерей такого политика и полководца, как Филопемен, власти федерации прибегли к самым крайним средствам, чтобы спасти его от изгнания. Полисы сами определяли, кому предоставлять гражданские права, однако, когда возникла необходимость срочно усилить «ахейскую» партию в Мантинее, Арат каким-то образом заставил мантинейских граждан принять в свои ряды целую группу метеков. В полисах размещались гарнизоны и поселялись клерухи, когда возникала опасность мятежа или измены одного из городов союзу. Словом, более жесткий контроль федерации над полисами представлял собой явление вынужденное и, как правило, временное. Здесь также действовал тот же принцип разделения сфер компетенции союза и полиса: все, что затрагивало интересы федерации в целом, подлежало решению центральных органов, остальное считалось внутренним делом полисов.

Руководствуясь этим же принципом, ахейские власти иногда вмешивались и в отношения между общинами. Сохранились сведения о порядке разрешения территориальных споров между ахейскими полисами. Поскольку эти проблемы носили весьма щепетильный характер и могли вызвать серьезные конфликты, угрожавшие целостности и единству союза, федеральные органы считали себя вправе в подобных случаях выступать в роли арбитра. Ахейцы назначали третейских судей (Syll.³ 471, v. 4 sq; Syll.³ 665, v. 2,14 sqq; IV.² 1.72, v. 7), ахейский синод принимал окончательное решение (I. v. 0. 46, v. 56 sq; ср.: Liv. 38,33,8; Paus. 7,12,4). Неповиновение каралось штрафом (Syll.³ 665, v. 5,55)³⁰. Посредничество союза оказалось эффективным средством для поддержания мира в отношениях между полисами, постоянно предъявлявшими друг другу территориальные претензии. Возможно, определенную роль в урегулировании тяжб и между отдельными гражданами разных ахейских полисов играли федеральные органы или принятые в союзе нормы³¹.

Относительно внешнеполитической активности полисов Ахейского союза мы также можем сказать, что она допускалась федеральными органами ровно настолько, насколько не противоречила общеахейской внешней политике. Известны и, безусловно, не допускались случаи самостоятельного начала военных действий против иностранного государства одним из ахейских полисов. Дипломатические акции, которые могли бы иметь серьезные последствия для всего союза, в принципе были дозволены полисам, но только с санкции союзного собрания³². Федерация не препятствовала своим членам поддерживать двусторонние отношения с союзными государствами. В годы сою-

за ахейцев с Македонией царь Антигон Досон принял участие в урегулировании внутренних проблем Мегалополя, поручив философу-перипатетику Пританиду составить законы для этого города (Polyb. 5,93,8). Другой союзник ахейцев — Аттал I помог Сикиону материально, за что удостоился от этого полиса всевозможных почестей (Polyb. 18,16,1 sqq; Liv. 32,40,8 sq). Вообще, почетные постановления ахейских городов в честь иностранных монархов или послов издавались вполне самостоятельно, но всегда соответствовали официальной позиции всего союза в отношении того или иного государства (IG. IV.² 1,60,589,590; SEG. XI. 1089). То же самое можно сказать и о столь важном в глазах греков акте, как признание нового панэллинского праздника или асиии храма. Не только союз в целом, но и отдельные полисы принимали феоров из других государств, однако при этом их решения совпадали с мнением всей федерации (Syll.³ 559; IvM. 39,40,41,42; SEG. XII. 371, v. 41 sqq). Другие посольства, не имевшие политического характера, также могли посещать отдельные полисы Ахейского союза (Polyb. 2,12,7)³³. Ахейские полисы участвовали в улаживании споров между греческими государствами (Paus. 7,11,4) и сами приглашали иностранных арбитров³⁴. В случае пограничного спора или конфликта между ахейским и неахейским полисами Ахейский союз мог предоставить своему городу возможность самостоятельно договориться с противной стороной (IG. IV.² 76/77) либо мог оказать ему помощь, участвовать в переговорах о приглашении третейских судей и присылать делегацию для поддержки требований своего полиса во время арбитража³⁵. Известен даже такой любопытный факт: Мегары, входившие в Ахейский союз, проявили инициативу и выступили своеобразным посредником в конфликте между ахейцами и беотийцами (Polyb. 22,4,17), видимо, по просьбе последних, т. к. Мегары не так давно были частью Беотии³⁶. Все эти примеры показывают, что и в международных отношениях ахейские полисы иногда могли выступать в качестве почти самостоятельных государств, но лишь до тех пор, пока эта самостоятельность не угрожала единству союза.

Таким образом, подчинение полисов союзным органам не означало их полного бесправия. Там, где это было возможно, делались уступки традициям полисного партикуляризма, но зато пресекались любые попытки сепаратных действий. В целом такая система гибкого сочетания единства и автономии функционировала вполне успешно. Для Ахейского союза, как и для других эллинистических федераций, характерна относительная прочность внутренних связей, преобладание центростремительных тенденций над центробежными. Выполнение союзных решений было нормой, своеволие полисов — довольно редким исключением. Больше всего хлопот ахейцам доставляли крупные полисы с богатой историей независимого существования. Попытка вовлечь в союз Афины оказалась неудачной, присоеди-

ние Спарты во II в. принесло федерации гораздо больше вреда, чем пользы. Малые полисы вели себя намного лояльнее. Вероятно, поэтому ахейцы использовали любую возможность для того, чтобы расчленить крупный полис на ряд мелких или хотя бы признать самостоятельность отдельных поселков (*χωραι*) и возвести их в ранг автономных гражданских общин. Нельзя сказать, чтобы это было обязательным правилом при вступлении каждого нового полиса в Ахейский союз³⁷: обычно целостность присоединяемого государства сохранялась, а небольшие самоуправляющиеся общины по-прежнему входили в его состав в качестве *χωραι* (IG. IV. 497, 498, 757; IV.² 1. 621; SEG. 1. 312). Разумеется, если ранее такой поселок был занят ахейцами и затем стал полисом Ахейского союза, то возратить ему независимый статус было уже невозможно³⁸. Прочие *χωραι* также могли отделяться от крупных полисов, но процесс этот происходил постепенно. Например, при вступлении Мессении в Ахейский союз в 191 г. выделились в качестве самостоятельных общин Мофона, Колониды и Корона³⁹, а в 182 г., когда после неудачной попытки вернуть себе независимость Мессения была принята вновь, от нее отделились Абия, Фурия и Фары (Polyb. 23, 17, 2). Мегалополь вошел в союз в 235 г., между 222 и 205 гг. от него отделился Мефидрий (Syll.³ 559, v. 61; ср.: Polyb. 4, 10, 10), а уже во II в. по инициативе Филопемена — целый ряд небольших общин (Plut. Philop. 13, 8). При неизвестных нам обстоятельствах Паги стали независимы от Мегар, а Теня — от Коринфа⁴⁰, Асхей и Фриунт в Ахайе из поселков превратились в города (IG. IV.² 1. 73, v. 28; SEG. XV. 254, v. 2, 4). Ахейцы всегда охотно поддерживали претензии мелких общин на автономию, поскольку, во-первых, их голоса в союзном собрании должны были служить дополнительной опорой федеральному руководству, а во-вторых, ослаблялись крупные полисы с их подчас опасным влиянием на внешнеполитический курс союза⁴¹. Насколько такая политика была сопряжена с нарушением полисного суверенитета, неясно, т. к. в отдельных случаях могло быть получено согласие полиса на отделение от него небольшой общины. Однако пример Мегалополя свидетельствует о возможности и откровенно насильственного раздела крупного полиса по требованию части его граждан (Plut. Philop. 13,8) решением федерального собрания. Впрочем, в период 281 — 221 гг. такие факты неизвестны.

Принципиально важным показателем самостоятельности и самобытности каждого из ахейских полисов является степень своеобразия его политических институтов. Многие исследователи уже высказывали свое мнение по поводу того, насколько должна была измениться конституция полиса, вошедшего в Ахейский союз, и каковы могли быть причины такого измене-

ния. Почти все обращают внимание на черты определенного сходства городских учреждений в Ахейской федерации, но по-разному оценивают это обстоятельство. Одни предполагают, что унификация полисных конституций была следствием соответствующих требований со стороны союза⁴². Другие считают, что тенденция к единообразию возникла спонтанно, а союз воздействовал на своих членов лишь силой примера⁴³. Х. Свобода, наиболее детально изучавший политический строй ахейских полисов, занял компромиссную позицию и объяснил одни черты сходства городских учреждений постепенным, ненасильственным процессом ассимиляции, другие — обязательными условиями, которые предъявлялись новым членам союза во время их вступления в федерацию. Именно по настоянию союза, считает Свобода, в полисах распространились должности дамиургов и обычай предварительного рассмотрения решений собрания в коллегии *συνᾱρχιαι*⁴⁴. Наконец, А. Эймар вообще не верит в какую-либо, насильственную или нет, унификацию полисных конституций в Ахейском союзе и полагает, что скорее союзные учреждения были заимствованы у большинства полисов, чем наоборот⁴⁵.

Обращаясь к этому сюжету, следует прежде всего отметить, что абсолютного единообразия конституций в полисах Ахейского союза, в отличие, например, от Беотийской федерации III в.⁴⁶, не существовало. Разумеется, в любом полисе функционировало народное собрание⁴⁷, действовал выборный совет (*βουλή*, *βουλα*)⁴⁸, но эти органы типичны для греческого полиса вообще. Целый ряд старинных традиций в политическом устройстве сохранялся полисами и в ахейский период. Например, городским эпонимом в Мегариде, как и в прежние времена, оставался «басилей»; в Диме — феокол, то ли магистрат, то ли жрец; в Эпидавре — жрец Асклепия (Syll.³ 471, 529, 530; SEG. XIII. 327). В Диме существовали своеобразные должности «проста-та», ведущего народное собрание, и «общественных стражей» (*δαμοσιόφυλακες*) — хранителей либо местного архива⁴⁹, либо казны полиса (Syll.³ 529, 520). В Аргосе по-прежнему важную роль играла коллегия стратегов⁵⁰, которые отсутствовали, например, в Диме и вообще не упоминаются в надписях из других полисов времен их участия в Ахейском союзе. Этот список можно было бы продолжить, если бы многие надписи, относящиеся, вероятно, к ахейскому периоду истории различных полисов, поддавались бы абсолютно точной датировке. В любом случае совершенно ясно, что полной унификации муниципальных учреждений в Ахейском союзе не было, вступление полиса в федерацию не влекло за собой ломки его старинных государственных форм.

Впрочем, столь же несомненны и черты сходства в политическом устройстве членов Ахейского союза. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что как в федерации, так и во многих полисах существовали коллегии дамиургов⁵¹. В предыдущей главе уже шла речь о большом значении этих магистратов в ахейской политической системе. К такому же выводу приводит изучение тех надписей, которые позволяют судить о функциях полисных дамиургов⁵². Они вели народное собрание (Syll.³ 549, v. 4 sq; 736, v. 117 sqq; IG. IV. 479, v. 4 sq; SEG. III. 312, v. 5), получали официальные письма, адресованные полису (IG. v. 2. 367, v. 1 sqq, 24 sqq), выполняли определенные судебные функции (IG. IV.² 1. 76/77, v. 33 sqq; V. 2. 357, v. 178 sqq), контролировали использование общественных имуществ⁵³, взимали штрафы⁵⁴, отвечали за установление каменных плит с текстом декретов⁵⁵, часто являлись эпонимами⁵⁶, руководили церемониями на местных праздниках (IG. IV.² 1. 66, v. 61 sq). Нередко именно распространение этих коллегий с их широкими полномочиями приводится как пример копирования федеральной конституции на местах⁵⁷. Впрочем, никто не может отрицать и того обстоятельства, что дамиурги, занимающие высокое положение в полисах, известны в Пелопоннесе и по свидетельствам архаической и классической эпох. Дамиургами традиционно именовались магистраты в Ахайе⁵⁸, Аркадии⁵⁹, Арголиде (IG. IV. 506; SEG. XI. 314, 336), Трезене (IG. IV. 764), Элиде (SEG. XV. 241; IvO. 2, 3, 4, 11, 17; Thuc. 5, 47, 9). Следовательно, в большинстве ахейских полисов эта магистратура была не заимствованной, а исконной. В частности, нас не должно удивлять то, что в период существования Ахейского союза дамиурги упоминаются в городах Ахайи Диме, Эгии и Тритее⁶⁰, в аркадском Мегалополе (IG. V. 2. 443, v. 28; IvO. 46, v. 32), которому, кстати, ранее принадлежала Алифера с ее дамиургами, никакого отношения к ахейским влияниям не имевшими (SEG. XXV. 447), в аркадском, а затем ахейском Клейторе в надписи уже римского времени (IG. V. 2. 367, v. 1.sqq). В ахейский период продолжали существовать дамиурги в Лусах (IG. V. 2. 395, v. 1 sqq) и Трезене (IG. IV.² 1. 76/77, v. 33).

Исходя из многочисленных доказательств доахейского происхождения дамиургов в Пелопоннесе, мы можем теперь подвергнуть серьезному сомнению предположения Х. Свободы и других исследователей о том, что ахейцы насильственно внедряли эту магистратуру в полисах своего союза. Свобода ссылается на пример следующих членов Ахейской федерации: Паги и Эгосфены в Мегариде, Трезен, Гермiona, Аргос, Спарта и Мессения⁶¹. Из этого списка следует сразу же исключить Аргос и Трезен, где дамиурги, как мы видели, входили в число городских магистратов задолго до вступления этих полисов в Ахейский союз. То же самое можно сказать о Мессении. Декрет о

мистериях из Андании, составленный уже после римского завоевания Пелопоннеса, отводит дамиургам определенную роль в организации этого религиозного действия (Syll.³ 736, v. 116 sqq), однако нельзя утверждать, что эта коллегия возникла здесь лишь во II в., когда Мессения вошла в Ахейский союз. Дамиурги упоминаются в мессенской надписи (IG. V.I. 1425, v. 16 sq), палеографические особенности которой указывают на более раннюю датировку: IV в. или самое позднее, начало III в.⁶² Что касается Гермियोны, то декрет IG. IV. 679 с упоминанием дамиургов, единственным в эпиграфике этого города, не поддается точной датировке и может относиться и к до-ахейскому времени (он был издан в III или II вв.), Кроме того, помимо ахейского влияния на институты этого полиса, нужно принимать во внимание и местные традиции Арголиды и Актэ: в соседних Аргосе и Трезене, как уже говорилось, дамиурги были городскими магистратами еще до расцвета Ахейского союза.

Несколько сложнее обстоит дело с дамиургами Мегариды. Здесь дамиурги известны по надписи ахейского периода из Эгосфен IG. VII. 223 (v. 19) и по вотиву из Мегар «Дамиурги Афродите» (IG. VII. 41), который палеографически датируется III или II в. Отметим, кстати, что неизвестны дамиурги Паг, а предположение Свободы об ахейском воздействии на конституцию этого города основано на маловероятной конъектуре

Диттенбергера [δαμιουργῶντων] в его издании уже упоминавшегося декрета об арбитраже (IG. VII. 188, v. 2 sq), отвергнутой в чтении Л. Робера (SEG. XIII. 327). Тем не менее, сравнительно позднее появление в Мегариде упоминаний о дамиургах нуждается в объяснении. Некоторые исследователи считают, что ахейцы учредили эту магистратуру во всей Мегариде⁶³, другие в этом сомневаются⁶⁴. В пользу последнего мнения говорит наличие дамиургов в Херсонесе Таврическом (Syll.³ 360, v. 14 sqq, 23 sqq, 44 sqq), основатели которого — гераклеоты — вели свое происхождение из Мегар, а также неопределенная датировка мегарского посвящения «Дамиурги Афродите». Однако, на наш взгляд, непоследовательно было бы отрицать ахейское влияние в случае с Мегарами и принимать его в случае с Эгосфенами⁶⁵: этот полис Мегариды отпочковался от Мегар уже в эллинистическую эпоху, сохранив городские учреждения мегарского типа, например, эпонимную должность «басилея» (IG. VII. 223). Если мегарские дамиурги представляли собой древнюю местную магистратуру (что вполне вероятно), то и дамиурги в Эгосфенах вряд ли могли быть ахейским нововведением.

Очень спорным представляется также мнение об ахейском происхождении дамиургов Орхомена⁶⁶, которые также появляются в местных надписях сравнительно поздно⁶⁷. Сведения об исконном характере этой магистратуры в Аркадии, в том чис-

ле в Аркадском союзе IV в. и в соседней Мантинее, заставляя-
ют усомниться: не является ли чистой случайностью отсутствие
упоминаний об орхоменских дамиургах до III в.? Тем не менее,
замена феаров в роли эпонимов дамиургами в годы, последовав-
шие за временным вступлением Орхомена в Ахейский союз⁶⁸,
весьма показательна в том смысле, что значение этой коллегии
могло заметно возрасти в ахейский период. Проследить это яв-
ление на эпиграфическом материале возможно только в Орхо-
мене, но в принципе оно вполне могло быть результатом ахей-
ского влияния и на конституции некоторых других полисов. На-
пример, в Мессении III в. высшими магистратами являлись
эфоры (Polyb. 4, 4, 2; 4, 31, 2), а во II в., после вступления
этой области в Ахейский союз, они перестают упоминаться;
позднее здесь руководят народным собранием дамиурги (Syll.³
736, v. 116 sq), возможно, сменившие в этой роли эфоров. В
Эгосфенах, когда они входили в Беотийский союз, за установ-
ление стелы с декретом отвечали полемархи (IG. VII. 207, 208),
а в ахейский период ту же важную задачу стали выполнять
дамиурги этого города. Однако нельзя утверждать, что дами-
урги повсеместно, даже там, где они считались второстепенны-
ми магистратами, становились главными должностными лицами
полисов: скажем, в Аргосе высшими магистратами по-прежнему
оставались стратеги⁶⁹, а дамиурги в источниках эллинисти-
ческого времени вообще не упоминаются. Что же касается на-
сильственного внедрения этой коллегии магистратов ахейцами,
то похоже, что такой факт имел место лишь однажды — в Спар-
те⁷⁰, но о мерах, предпринятых ахейцами в отношении этого
полиса, предстоит особый разговор.

Следующий государственный орган, существовавший в раз-
ных городах Ахейского союза, — коллегия полемархов. Вряд
ли можно утверждать, что и полемархи появились в союзных
полисах благодаря ахейцам. Во-первых, в самой Ахейской фе-
дерации магистратура с таким названием неизвестна. Во-вто-
рых, полемархи — древнее название общинных военачальников,
важная магистратура в аркадских полисах Мантинее (Thuc. 5,
47, 9), Фигалее (Polyb. 4, 79, 5), Кинефе (Polyb. 4, 18, 2 sqq),
а также во Флиунте (Athen. 5, 210 B), т. е. повсеместно в до-
ахейском Пелопоннесе. В области коренных ахейцев полемар-
хи известны только в III в.⁷¹, но эта магистратура, несомненно,
существовала здесь и ранее, ибо трудно предположить, что фе-
дерация навязала городам Ахайи аркадские учреждения.
Х. Свобода и Г. Шефер предполагают, что в годы существова-
ния Ахейского союза коллегия полемархов была учреждена, по
примеру ахейских и аркадских полисов, в Трезене и Мессении⁷².
Полемархи фигурируют в надписи Трезена ахейского времени
(IG. IV.² 1. 76/77, v. 33 sqq) и в декретах послеахейского, т. е.
римского периода, обнаруженных в Мессении (Syll.³ 736,
v. 160 sqq; IG. V. 1. 1379, v. 10). Существует определенная ве-

роятность возникновения здесь этой коллегии по образцу полисов Ахайи, однако полной уверенности в том, что имело место заимствование именно у ахейцев, нет. Можно привести некоторые другие объяснения, например, предположить, что полемархи в Мессении появились еще в IV в. благодаря беотийскому влиянию на только что получившее независимость государство. Что касается Трезена, то нельзя не учитывать, что полемархи существовали в полисах Аргολиды: Флиунте (Athen. 5, 210 В), Аргосе или Клеонах (SEG. XXIII. 178, v. 3) еще до присоединения к Ахейской федерации, и можно предположить то же самое и для соседнего Трезена. Относительно функций этих магистратов отметим, что в эллинистическо-римскую эпоху они перестали быть предводителями войск, занимаясь в основном делами, связанными с городской юстицией, — это явствует из упомянутых выше надписей.

Следы унификации городских учреждений союза X. Свобода усматривает и в том, что еще до римского завоевания в полисах ахейцев, как он считает, началась замена, обычного греческого выборного совета (βουλή) другим типом городского совета, характерным для тимократических конституций римской эпохи (συμβριον), причем не исключает воздействия федерации на полисные институты и в этом отношении⁷³. Однако надписи, привлекаемые этим исследователем в поддержку такого утверждения, практически все относятся уже к римскому времени, что заставляет отнести подобную замену названия и сопутствующие ей перемены в формировании советов ко времени «устроения» Пелопоннеса римлянами в 146 г. или позже⁷⁴. Единственный документ, который может относиться и к ахейскому периоду — уже упоминавшаяся надпись II в. об арбитраже Патр в конфликте между Фурией и Мегалополем (SEG. XI. 972)⁷⁵. Но именно постоянные упоминания о «синедрах» сближают ее с похожими декретами римского времени и делают «ахейскую» датировку маловероятной. То же самое относится к документам, которые вообще трудно датировать каким-либо определенным периодом (IG. V. 2. 263, 434 А).

X. Свобода обращает также внимание на распространенность в ахейских полисах советов или коллегий под названием «герусия», однако оставляет вопрос об ахейском влиянии в данном случае открытым⁷⁶. Дж. Никколини, напротив, считает такое влияние очевидным⁷⁷, в то время как В. Шван полагает, что герусия была исконным учреждением во всех полисах, где она встречается в ахейское время⁷⁸. Вопрос этот сложен потому, что федеральная «герусия», как было сказано в предыдущей главе, упоминается в источниках всего один раз (Polyb. 38, 13, 1), причем этот термин мог обозначать совокупность должностных лиц союза, а не какой-то особый орган. Что касается «ге-

русии» в городах Пелопоннеса, то она походит скорее на коллегию магистратов с титулами «геронтов». В Диме геронты взимают штраф (GDI. 1615, v. 9 sqq), в надписях римского времени из Мегалополя, Мессении и Орхомена геронты могут быть эпонимами (IG. V. 2. 443, v. 2), утверждать ценз претендентов на выборах (Syll.³ 736, v. 47), выступать в роли свидетелей акта манумиссии (IG. V. 2. 345, v. 10). Везде их, как кажется, сравнительно небольшое число. За отсутствием более точных сведений воздержимся от решительных суждений, однако заметим, что «герусия» обычно характерна для конституций римского времени, когда она выполняет функции исполнительного комитета городских «синедрионов»⁷⁹. То же самое касается го-

родского секретаря (γραμματεὺς), который приобретает большое значение именно в римский период, опираясь на представляемый им совет, роль которого значительно возросла после 146 г.⁸⁰. Считать секретаря влиятельной фигурой уже в ахейских полисах вслед за Х. Свободой⁸¹ не следует, и тем более нельзя усматривать здесь влияние федеральных порядков⁸². С одной стороны, мы уже видели, что роль союзного секретаря после 255 г. трудно назвать значительной, с другой стороны, городские секретари являлись эпонимами и вообще важными лицами только в декретах римского времени (Syll.³ 735, 684; IG. V. 1. 1392, 1402; V. 2. 439).

Означает ли все изложенное выше, что участие в Ахейском союзе вообще никак не отразилось на конституциях полисов? С нашей точки зрения, такое утверждение было бы крайностью: по меньшей мере два схожих явления в городских учреждениях ахейцев объясняются именно воздействием примера союзной конституции. Во-первых, только к ахейскому и более позднему времени относятся упоминания о коллегиях номографов в полисах Пелопоннеса: Мегалополе (Sull.³ 559, v. 47 sqq; IG. V. 2. 433, v. 9), Гермione (IG. IV. 679, v. 23 sqq), Спарте (IG. V. 1. 7, v. 1 sq), Терее (IG. V. 2. 24, v. 4 sq), Фурии (SEG. XI. 972, v. 29 sqq). Примечательно не только сходство этих городских коллегий с общесоюзной, но и распространение именно в ахейский период стереотипных формулировок, кочующих из постановлений в постановление: «пусть номографы занесут это решение в законы»⁸³. Можно согласиться с теми, кто усматривает в этом прямое заимствование федеральных порядков на местах⁸⁴. Надо полагать, что внедрение коллегий номографов в ахейских полисах происходило не без определенной цели, такой, например, как усложнение процесса принятия местных законов, что отвечало бы интересам консервативно настроенных собственников.

Во-вторых, целый ряд полисных декретов ахейского времени показывает, что города переняли и характерный для союзных собраний обычай внесения проектов решений (προβουλευμα)

на рассмотрение народа не советом, как обычно было в Греции, а непосредственно магистратами, объединенными понятием *συναρχiai*. Может быть, это не было обязательным правилом, как посчитал Э. Джонс⁸⁵, но ко II в. стало весьма устойчивой традицией. *Συναρχiai* свое предварительное мнение высказывают народному собранию в Мегарах (IG. VII. 15), Эгосфенах (IG. VII. 223), Трезене (IG. IV 753, 756); по другому поводу упоминаются в надписях Димы (Syll.³ 531, v. 29 sq) и Спарты времен ее участия в Ахейском союзе (IG. V. 1. 4, v. 4). Подчеркнем, что почти у всех этих документов датировка совершенно надежная, поэтому сомнений быть не может: не только в федеральном, но и в городских собраниях законодательная инициатива постепенно становилась привилегией объединенных в единое целое магистратов. Одна и та же терминология, схожесть формулировок свидетельствует о том, что федерация сыграла немаловажную роль, хотя бы в качестве примера, в распространении этого явления⁸⁶. Социальный смысл его вполне очевиден, так что и в этом отношении Ахейский союз способствовал стабилизации режима эллинистической «демократии» в полисах Пелопоннеса. Отметим, что усиление роли *συναρχiai* отодвигало городской совет на второй план, что, как мы видели, было характерно и для федерального законодательного процесса⁸⁷.

Таким образом, мы не имеем почти никаких свидетельств о насильственной реорганизации древних политических учреждений в полисах, вошедших в Ахейский союз. Наоборот, вся масса фактов заставляет предполагать, что в целом полисные конституции не подвергались изменениям, а некоторые, хотя и довольно важные, новшества внедрялись скорее всего не директивным путем, а спонтанно и постепенно. Исключение представляли собой только действия ахейцев в отношении Спарты после подавления мятежа в 188 г.⁸⁸. Спартамцам было приказано, «чтобы они отменили законы и обычаи Ликурга и привыкли к ахейским законам и учреждениям» (*legibus institutisque*: Liv. 38, 34, 3; ср.: 38, 34, 9; 39, 33, 6; 39, 36, 4; 39, 37, 1; 39, 37, 6). Речь шла не только об отмене ликурговой системы воспитания (*αἰωυή*), как полагала К. Краймз⁸⁹, но и о существенных переменах в государственном строе⁹⁰, т. к. традиционную конституцию Филопемени в Спарте «уничтожил» (*διεφθέρει τὴν πολιτείαν*: Plut. Tit. 22, 6). В частности, именно тогда появилась должность «эпидамниурга» и традиция объединения магистратов в коллегию *συναρχiai*. Перемены, произведенные ахейцами в конституции Спарты, просуществовали недолго, видимо, до

183 г. (Polyb. 23, 4, 5; Liv. 45, 28, 4). Причиной этого исключительного акта можно считать наличие постоянной угрозы благополучию и единству союза со стороны воинственной Спарты и стремление Филопемена раз и навсегда покончить с таким положением⁹¹. Помимо срытия стен, изгнания наемников, получивших гражданство при Набисе, отмены военизированной $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\tau\eta$ ахейцы постарались подорвать мощь Спарты и путем перемены государственного строя. Вероятно, это было сделано для закрепления власти за «благомыслящими» элементами гражданского коллектива и устранения каких-то органов самоуправления, которые были связаны с военной организацией Спарты.

Пример расправы со Спартой в 188 г. показателен в том смысле, что наиболее решительное вторжение союза в сферу прерогатив полиса происходило именно в случае измены той или иной общины. Изменой считался просто выход из федерации без санкции союзных органов⁹², а тем более начало военных действий против ахейцев либо добровольный переход на сторону их врага. Юридической основой для обвинений в измене и последующих карательных мер являлись договорные обязательства полисов, зафиксированные на стелах: вступление в Ахейский союз было связано с клятвами в вечной верности (*in aeternam metotiam*: Liv. 39, 37, 16). Если полис нарушал свое обязательство, союзные органы считали себя уже ничем не связанными и обращались с вновь приобретенным полисом как с побежденным врагом, диктуя ему безоговорочно свои условия. Иногда государство, силой возвращенное в Ахейский союз, наказывалось крайне жестоко, чему свидетельством служит судьба Спарты в 188 г. и особенно трагическая участь Мантинеи в конце Клеоменовой войны.

Весь изложенный в этой главе материал подводит нас к ответу на два исключительно важных вопроса: о том, насколько прочным и жизнеспособным государственным объединением оказался в итоге Ахейский союз, и о том, насколько правомерно современные исследователи называют его федеративным государством. Нам кажется, вопреки не раз высказанному в отечественной исторической литературе мнению, что возникновение Ахейского союза и столь долгое его существование в III и II вв., насильственно прерванное римлянами, явилось наиболее удачным ответом пелопоннесских греков на изменение исторической обстановки в эллинистическую эпоху. Именно такой способ интеграции полисов в единое целое помог им приспособить свое существование к новым внешним и внутренним условиям и обеспечить возможность сравнительно мирного развития при стабилизации внутренней обстановки для большей части Пелопоннеса, по крайней мере к концу III в. С одной стороны, Ахейский союз не подрывал традиционные полисные устои, которые

в III — II вв., да и позже, отнюдь не были отжившим свое время наследием прошлого. Наоборот, в составе федерации, где провозглашалось полное равенство ее членов, где полисы сохраняли значительную часть своих суверенных прав и древних местных традиций, где гарантировалась самостоятельность малых и сравнительно слабых гражданских общин, полисный строй охранялся наилучшим образом. С другой стороны, Ахейский союз имел достаточно сильную централизованную организацию для того, чтобы противостоять партикуляризму, сепаратизму и взаимной вражде, столь характерным для межполисных отношений в Элладе. Самостоятельность отдельных общин — членов федерации никогда не простиралась до того, чтобы помешать союзу вести согласованную единую внешнюю политику или наносить серьезный ущерб интересам союза в целом. Как мы уже видели, попытки такого рода пресекались, иногда даже вопреки традиционным нормам взаимоотношений между федерацией и полисом, или, если дело доходило до откровенного мятежа, жестоко карались. Вообще трудно выявить такие особенности политической структуры, которые позволяли бы какому-либо полису не считаться с общесоюзными решениями и вести свою политическую линию. Многообразие примеров, демонстрирующих различную степень контроля союза над полисами в то или иное время, в том или ином месте, говорит об определенной гибкости внутренней политики федеральных органов, также способствовавшей устойчивости союза.

Разумеется, можно найти достаточно свидетельств о борьбе отдельных полисов против тех или иных аспектов федеральной политики. Ранее уже говорилось о том, что и присоединение новых членов к союзу было обычно сопряжено с применением силы. Однако исторически перспективные явления и тенденции не так часто пробивают себе дорогу абсолютно ненасильственным способом. На примере Клеоменовой войны, речь о которой пойдет в следующей главе, мы постараемся показать, что кризисные ситуации в Ахейском союзе возникали не из-за слабости и непрочности самого этого объединения, а из-за вполне конкретных исторических обстоятельств. В конечном итоге интеграция пелопоннесских полисов (за исключением Спарты с ее неистребимым стремлением к независимости) оказалась настолько прочной, что граждане почти всех полисов союза выразили готовность начать самоубийственную войну с Римом ради сохранения целостности союза. Показателен и другой факт: когда Ахейский союз, распущенный римлянами, был вновь возрожден, но уже под верховной властью Рима, в него вошли не только полисы коренной Ахайи, но и снова ряд областей за ее пределами: стремление к единству пережило даже гибель федерации в 146 г.⁹³. Федеральный календарь с ахейскими названиями месяцев был повсеместно принят полисами и до, и после 146 г., а кое-где сохранился даже в императорскую эпоху⁹⁴. Ко-

нечно, в III в. такая степень интеграции полисов союза в единое целое еще не была достигнута, для этого требовалось определенное время. Но и история рассматриваемого здесь периода (281 — 221 гг.) показывает достаточную силу центростремительных тенденций в Ахейской федерации, объясняемую не в последнюю очередь теми социальными причинами, о которых шла речь в начале этой работы.

Теперь остановимся на вопросе о типологическом определении Ахейского союза как федеративного государства. Этот термин, заимствованный из современного политического лексикона, используется исследователями в отношении Ахейского и подобных ему союзов отчасти из-за отсутствия точного названия для таких объединений у греческих авторов и в эпиграфике. Чаше всего употребляемые для обозначения Ахейского союза расплывчатые термины $\epsilon\theta\nu\omicron\varsigma$ (народ), $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$ (общность), $\tau\omicron\ \kappa\omicron\iota\nu\omicron\nu$ $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\mu\alpha$ (общее государство), $\sigma\upsilon\sigma\tau\eta\mu\alpha$, $\sigma\upsilon\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$, $\sigma\upsilon\nu\epsilon\delta\rho\iota\omicron\nu$ (объединение) не позволяют отличить такой тип союза от симахий, племенных объединений и других политических

явлений античности. Более точен термин $\sigma\upsilon\mu\pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha$, появляющийся только в эллинистическое время и означающий «союз с общим гражданством»⁹⁵. Однако и он не всегда применяется только к союзам наподобие Ахейского, иногда этим же словом обозначается исополития двух полисов, т. е. двусторонний обмен гражданскими правами (IG. XII. 2. 59, v. 12; Polyb. 18, 2, 4; 18, 14, 3). Поэтому некоторые немецкие антиковеды, используя этот термин, уточняют его следующим образом: «федеративная симполития» (*bundesstaatliche Sympolitie*)⁹⁶. Это, конечно, более правильное определение, нежели просто «симполития»⁹⁷, но, с нашей точки зрения, вообще нет необходимости переносить это древнегреческое слово в современный научный язык⁹⁸. Уже с конца XVIII в. подавляющее большинство историков именует Ахейский союз «федерацией», «конфедерацией», «федеративным государством», не усматривая принципиальной разницы между федеративными государствами древности и нового времени. Современная федерация представляет собой «форму государственного устройства, при которой несколько государственных образований, юридически обладающих определенной политической самостоятельностью, образуют одно союзное государство»⁹⁹. Разве не то же самое мы видим и в случае с Ахейским союзом? То, что он являлся единым государством, убедительно подтверждается фактами, приведенными в предыдущей главе: общее гражданство, союзные законодательные, исполнительные органы, суд, законы, постоянное союзное войско, ахейские эмблемы на монетах, обязательность союзных решений для полисов, возможность взаимодействия централь-

ных органов не только с целыми полисами, но и с отдельными их гражданами, существование граждан Ахейского союза, не являвшихся гражданами какого-либо из ахейских полисов, компактность территории и т. д. Теперь требуется доказать, что это было именно федеративное, а не унитарное государство.

Последнее предположение не так давно было высказано в монографии А. Джованнини¹⁰⁰, который считает этносы, как он именует такие союзы, унитарными, полностью централизованными государствами наподобие Аттики или Македонии¹⁰¹. Сравнение Ахейского союза с этими унитарными государствами, проводимое в работе Джованнини, не выдерживает проверки фактами. Что касается Аттики, то самостоятельность афинских демов никогда не доходила до издания ими высшей судебной инстанции, возможности принимать по своему усмотрению иностранцев в ряды граждан, чеканить свою монету и т. д. Полисы эллинистической Македонии имели такие права и другие признаки автономии, однако были отстранены от какого-либо участия в управлении всем государством и входили в его состав на началах подчинения, а не равноправного союза. Утверждения Джованнини о том, что полисы Ахейского и других союзов были фактически бесправны и подвержены неограниченному произволу центральной власти¹⁰², также не соответствуют действительности. В частности, он игнорирует сведения о чеканке собственных монет безо всякой общесоюзной символики полисами Ахейского союза, о возможности самостоятельных дипломатических действий полисов, причем не обязательно (как он утверждает) с санкции центральных органов, о новых законах, принимаемых без соответствующих указаний из центра самими общинами (например, Мегалополием с помощью Антигона), о гарантиях самостоятельности, которые давались полисам при их вступлении в союз¹⁰³. Говоря о нивелирующей политике общесоюзных органов, Джованнини указывает на однотипность городских учреждений в Беотии и Этолийском союзе, но умалчивает об их разнообразии в ахейских полисах¹⁰⁴. Не подтверждаются источниками применительно к государству ахейцев и носят спорный характер в отношении других союзов приводимые в качестве аргументов предположения о том, что союзы взимали со своих граждан индивидуальные налоги в обход органов полисного самоуправления, и о том, что центральные органы насильно заставляли гражданские коллективы общин принимать в свои ряды лиц, получивших общесоюзное гражданство¹⁰⁵. Таким образом, тезис, гласящий, что «власть центральных органов над членами союзов не знала ограничений»¹⁰⁶, основан на тенденциозно и односторонне подобранных и к тому же весьма спорных доказательствах.

Напротив, полисы в составе Ахейского и подобных ему союзов обладали всеми признаками значительной политической са-

мостоятельности, превосходящей самостоятельность субъектов современных федераций. Например, право чеканки своей монеты, особое местное гражданство, не даваемое автоматически при переселении из одной части федерации в другую, общение с центральными органами через посольства — эти привилегии членов эллинистических союзных государств, объясняемые спецификой античного полиса, не характерны для субъектов федераций нового времени. И, наконец, нет никаких оснований для того, чтобы вслед за А. Джованнини¹⁰⁷ отрицать наличие у союзных полисов каких-либо черт, свойственных суверенным государствам. С формально-юридической точки зрения, таких черт достаточно много, о чем говорилось в этой главе. С точки зрения социально-экономической, полис и после вступления в союз оставался «машинной, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»¹⁰⁸, а кроме того, частично сохранял и другую важнейшую функцию государства: защищал население от внешней угрозы самостоятельно или посылая свой контингент в общесоюзное ополчение. Ни централизованного бюрократического аппарата, ни специальных «полицейских» сил для поддержания социальных порядков внутри союза не было создано, так что задачи рабовладельческого государства выполняли в значительной степени сами полисы.

Итак, все высказанные соображения приводят к следующему заключению: Ахейский союз представлял собой настоящее федеративное государство. Впрочем, подобные государственные образования существовали еще в классической Греции, но нам очень немного известно об их устройстве. Во всяком случае, Ахейскому союзу, как и другим эллинистическим федерациям, свойственны некоторые новые черты, объясняемые усовершенствованием самой греческой федеративной системы и приспособлением ее к реалиям новой эпохи. В частности, новшествами являлись: разнородный характер и огромные, по греческим масштабам, размеры федеративных государств, их первоначальная роль в политическом развитии балканской Греции, усиление и централизация исполнительной власти, более ярко выраженное равноправие членов федерации¹⁰⁹, система некоторой автономии территориальных или этнических округов (у ахейцев — *συντελεῖα*) и, наконец, особая прочность и устойчивость самих союзных государств. Последнее утверждение легко доказать на примере Этолийской, Беотийской, Акарнанской федерации. Что касается Ахейского союза, то его история также дает немного поводов для того, чтобы усомниться в жизнеспособности этого федеративного объединения. Тем не менее на одном из этапов своего развития ахейское государство оказалось в очень тяжелом положении и едва не распалось. Речь идет о годах т. н. Клеоменовой войны. Этому периоду ахейской истории будет посвящена заключительная глава.

Глава 7

КРИЗИС АХЕЙСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ КЛЕОМЕНОВОЙ ВОЙНЫ

НАЧАЛЕ 20-х гг. III в. до н. э. Ахейский и Этолийский союзы совместными усилиями почти полностью освободили Грецию от македонского господства. Открывались блестящие перспективы независимого развития эллинских полисов, объединенных в федеративные государства. Наверное, в этот момент трудно было даже предположить, что через несколько лет Ахейский союз, втянутый в изнурительную войну со Спартой, начнет разваливаться на части и для спасения его как целостного государства потребует помощь той же Македонии. Эта так называемая Клеоменова война¹ положила конец надеждам на мирное объединение и независимость Эллады: отныне ее судьбами вновь стали распоряжаться Антигониды, а затем — римляне.

Уже современники этих событий прекрасно понимали все значение произошедшего, и, очевидно, еще долгое время актуальным считался вопрос о том, кто был виновен в развязывании Клеоменовой войны, имевшей столь печальный для греков исход, а также о том, насколько неизбежным было вмешательство Македонии и восстановление ее гегемонии над Элладой. Вскоре после окончания войны этот вопрос был поднят в «Истории» Филарха и в «Воспоминаниях» Арата. Об оценках событий, которые содержались в этих ныне утраченных книгах, лучше всего можно судить по биографиям Клеомена и Арата у Плутарха. Там, где речь идет о причинах Клеоменовой войны, позицию Филарха понять нетрудно. Этот историк, неизменно противопоставлявший светлый образ Клеомена злойшей в его представлении фигуре Арата, считал, что ахейский стратег, рассчитывая завершить объединение Пелопоннеса в одном государстве, откровенно провоцировал молодого царя Спарты на военное столкновение (Plut. Cleom. 3,7 sq). Однако и сам Клео-

мен был заинтересован в развязывании войны, стремясь обрести свободу рук с целью свержения власти эфоров, и поэтому охотно «столкнул» (συνέκρουσε) свой город с Ахейским союзом (Plut. Cleom. 3,6). Сам Арат о причинах войны писал иначе, рассказывая о своей борьбе с агрессивной антиспартанской политикой стратегов Лидиада из Мегалополя и Аристомаха из Аргоса, бывших ранее тиранами в своих полисах (Plut. Ag. 30,5; 35,6). Даже после начала военных действий Арат настаивал на том, чтобы ахейцы ограничились обороной (Polyb. 2,46,4). Надо полагать, в своих мемуарах он возлагал вину за разжигание этой войны не только на Клеомена, но и на своих политических соперников внутри Ахейского союза, себя же изображал сторонником мира со Спартой.

Вопрос о вкладе каждого из перечисленных деятелей в дело развязывания Клеоменовой войны нуждается в особом рассмотрении. Пока важно отметить тот факт, что версии современников этих событий сходятся в одном: инициаторами войны выступают сами воюющие государства — Ахейский союз и Спарта, ссылки на решающую роль каких-либо внешних сил отсутствуют. Это, по крайней мере, явствует из текстов Плутарха. Тем неожиданнее выглядит объяснение причин войны у Полибия, который подлинными виновниками ее считал не ахейцев, не лакедемонян, а этолийцев. «Чем более рос и преуспевал Ахейский союз, — пишет Полибий, — тем более этолийцы, из-за своей врожденной беспечности и алчности завидовавшие ахейцам, а главным образом, надеявшиеся, что им при дележе достанется часть ахейских городов, ... дерзнули вступить в сношения

(κοινωνεῖν) с Антигоном Досоном, опекуном малолетнего Филиппа, правившим тогда в Македонии, и с царем Клеоменом и заключить одновременно союз и с тем, и с другим (συντλέμεῖν ἀμφότεροις ἀπὸ τὰς χεῖρας). Ведь они видели, что Антигон, надежно укрепивший свою власть в Македонии, был врагом ахейцев из-за утраты Акрокоринфа, и рассчитывали, что если вовлекут в это предприятие еще и спартанцев, заранее построив их против Ахейского союза, то легко одолеют ахейцев, организовав нападение на них одновременно со всех сторон» (Polyb. 2,45,1 sqq). Этолийцы в конце концов не сумели воплотить в жизнь свои коварные замыслы, ибо не предвидели, что им придется иметь дело с таким человеком, как Арат, но столкнуться между собой Ахейский союз и Спарту им все же удалось: этолийцы уступили Клеомену контролируемые ими города восточной Аркадии, из-за которой и началась война (Polyb. 2,46,1 sqq). Таким образом, у Полибия получается, что Клеоменова война имела своей причиной заключение тройственного этоло-спартано-македонского союза по инициативе этолийцев, и если Ахейскому союзу удалось избежать войны со всеми участ-

никами этого альянса одновременно, то лишь благодаря Арату, который привлек Антигона на свою сторону, прибегнув к искусной дипломатической игре.

Вопрос об исторической достоверности этого пассажа Полибия давно уже занимает антиковедов. Одни считают этот рассказ вымыслом от начала до конца². Другие склонны отрицать сам факт заключения тройственного антиахейского альянса, но при этом допускают, что возможность такого союза существовала и даже велись какие-то переговоры³. Ряд исследователей считает достоверным сообщение об этоло-спартанском сближении и альянсе, но исключает из числа участников союза Македонию⁴. Наконец, есть и историки, принимающие версию Полибия полностью⁵. Столь большая разница во мнениях объясняется тем, что повествование Полибия о тройственном альянсе не только не находит себе подтверждения у Плутарха, но и само по себе вызывает целый ряд возражений. Во-первых, процитированный только что пассаж Полибия представляет этот альянс как свершившийся факт, но в то же время из дальнейшего повествования явствует, что замыслы этолийцев остались бесплодными. Арату удалось «заранее расстроить их планы» (Polyb. 2,47,4). После ахейского Мегалополя уже через два года после начала войны говорят Антигону об этолийской угрозе Македонии (Polyb. 2,49,1 sqq), этоло-спартанская симмахия, по их словам, возможна, но только в будущем (Polyb. 2,49,7 sq). Конечно, можно объяснить это тем, что этолийцы, заключив союз со Спартой, все же воздержались от вступления в войну, а послы из дипломатических соображений не стали напоминать Антигону и о его собственном участии в антиахейском альянсе⁶. Однако в таком случае бездействие союзников Спарты вовсе не являлось бы результатом действий Арата, а ведь именно это подчеркивает Полибий. Таково первое противоречие, отмечаемое критиками Полибия.

Во-вторых, имеется ряд фактов, которые трудно совместить с представлением об этолийском заговоре против Ахейского союза. Сами этолийцы в течение всей войны хранили нейтралитет (ἡρόν ἡσυχίαν: Polyb. 4,3,2), несмотря на то, что имели прекрасную возможность для вмешательства, когда Ахейский союз был серьезно ослаблен поражениями в борьбе с Клеоменом.

Предположим, что этоло-македонский союз распался вскоре после начала войны⁷, однако это несколько не помешало бы сотрудничеству Этолийского союза со Спартой. О том, что этоло-спартанского сближения так и не произошло, свидетельствует также просьба Арата к этолийцам о помощи в войне против Спарты в конце 225 или начале 224 г. (Plut. Ar. 41,3). Конечно, Арат был мастером неожиданных кардинальных поворотов в политике⁸, но в данном случае речь шла о приглаше-

нии этолийских войск в Пелопоннес, что было бы крайне рискованным шагом, если бы Арат знал об этоло-спартанском альянсе или хотя бы тайном сговоре в начале войны. И наоборот, такое обращение выглядит вполне естественным, если учесть, что еще в 220 г., по окончании Клеоменовой войны, продолжал действовать союзный договор между Ахейским и Этолийским союзами (Polyb. 4,7,4; 4,15,2; 4,15,10), заключенный в 239 г. (Polyb. 2,44,1; Plut. Ag. 33,1). Кстати, весной 229 г., за несколько месяцев до начала Клеоменовой войны, этот союз не просто сохранялся (Plut. Ag. 34,7), но и обусловил совместную этоло-ахейскую морскую операцию в Адриатике (Polyb. 2,9,8 sqq). Таким образом, либо этолийцы начали строить козни против своих союзников в глубокой тайне (иначе трудно объяснить сохранение союзного этоло-ахейского договора до 220 г.), и тогда до заключения формального антиахейского договора дело не дошло, либо никакого сближения Этолии со Спартой, и тем более с Македонией, не произошло. На последнюю мысль наводит отрывок из речи Клеомена перед спартиатами в его биографии у Плутарха, где Этолийский союз (примерно зимой 227/6 г.) представлен как враждебная Спарте держава (Plut. Cleom. 10,6). Это означает, что первоисточник биографа — Филарх — предоставлял Плутарху какие-то сведения о неприязненных этоло-спартанских отношениях того времени и о сохранении опасности этолийского вторжения в Лакедемон⁹. Не случайно в речи этолийца Хленея перед спартанцами весной 209 г. с перечислением услуг, оказанных Этолией Спарте (Polyb. 9,30,3 sqq), отсутствует упоминание о годах Клеоменовой войны: ничего хорошего об этоло-спартанских отношениях в 220-е гг. сказать было нельзя¹⁰. Наконец, версии об этоло-спартанском заговоре против Ахейского союза противоречит еще одно немаловажное обстоятельство: этолийцы у Полибия заключают соглашение с царем Клеоменом, который именно поэтому и начинает войну. Однако нам известно, что до переворота 227 г. Клеомен послушно выполнял приказы эфоров, которые вели всю внешнюю политику Спарты, а те в начале войны стремились избежать слишком активных действий против Ахейского союза (Plut. Cleom. 4,6; 5,2 sq; 6,1)¹¹.

Еще менее правдоподобно сообщение Полибия о подключении Македонии к антиахейскому альянсу. Если представить себе хронологическую таблицу событий 229 — 227 гг., то для заключения тройственного союза с участием Македонии там просто не найдется места. Согласно Полибию, этолийцы привлекли Антигона Досона к этому соглашению, посчитав его «надежно укрепившим свою власть в Македонии» (ὑποβεβηκῶτα μὲν τὸν κατὰ Μακεδονίαν ἀσφαλὸς Polyb. 2,45,3). Могло ли так обстоять дело летом 229 г., перед началом Клеоменовой

войны? Наверняка нет, ибо в ближайшие месяцы, последовавшие за смертью Деметрия II (весна того же года), Антигон должен был выступить на защиту страны от племен дарданов (Just. 28,3,14; ср.: P¹ut. Ag. 34,7), а впереди его еще ждали немалые трудности — восстание в Фессалии, поддержанное этолийцами¹², мятеж в армии (Just. 28,3,10 sqq). Когда Антигон Досон победил дарданов, разгромил этолийцев и вернул себе почти всю Фессалию, а также справился с волнениями в самой Македонии (Just. 28,3,10 sqq; Frontin. 2,6,5) — только тогда

он, приняв титул царя, стал править действительно $\alpha\sigma\phi\alpha\lambda\omega\varsigma$. Но это могло произойти не раньше осени 228 г., а возможно, и позднее¹³. Клеоменова же война началась в 229 г. Если предположить, что, потеряв Фессалию, Антигон был вынужден на некоторое время заключить мир с этолийцами, и именно этим кратким промежутком времени можно датировать тройственный альянс¹⁴, то этот вывод будет противоречить не только словам Полибия о «надежном укреплении» власти Антигона в момент заключения антиахейского пакта, но и самой логике событий. Начиная с 239 г., этолийцы вели почти непрерывную борьбу против Македонии, продолжавшуюся и во II в. до н. э. Добившись такого успеха, как присоединение большей части Фессалии, и, естественно, ожидая ответного удара от македонян, они вдруг заключают союзный договор с Македонией против Ахейского союза, только что помогавшего им в так называемой Деметриевой войне. Поверить в это трудно, как и в то, что Антигон в очень сложной ситуации, в которой он оказался в 229 г., стал бы вынашивать агрессивные планы, направленные на раздел далекого Пелопоннеса. Наконец, трудно представить себе столь молниеносное развитие событий — смерть Деметрия II, мятеж в Фессалии, борьба с дарданами, договор Антигона со Спартой и Этолией, ратификация этого договора в союзном этолийском собрании, начало Клеоменовой войны — в течение всего нескольких месяцев 229 г. Вот почему даже многие из тех антиковедов, которые пытались поверить Полибию, отвергают предположение о возможности в это время этоло-македонского сближения и участия Македонии в антиахейском альянсе.

Остается рассмотреть несколько фактов, которые обычно приводятся в подтверждение рассказа Полибия о тройственном альянсе. Сам ахейский историк приводит в сущности всего лишь одно доказательство своих слов: когда Клеомен занял Тегею, Мантинею и Орхомен, восточно-аркадские полисы, находившиеся тогда под контролем Этолии, реакции на это со стороны этолийцев не последовало (Polyb. 2,46,2 sqq). Но достаточно ли этого, чтобы подозревать этолийцев в сговоре с Спартой? Отнюдь нет: стоит лишь вспомнить, какую ожесточенную борьбу вели Этолийский союз и Македония за Фессалию

в эти годы. Вряд ли имело смысл в такой ситуации начинать в Пелопоннесе еще одну войну ради трех отдаленных городов. Еще один довод сторонников историчности тройственного альянса также не выдерживает критики. Полибий (2,58,8) сообщает, что в 224 г., когда войска Антигона отправлялись в Пелопоннес на помощь ахейцам, этолийцы закрыли Фермопильский проход и воспрепятствовали сухопутному маршу македонян через Грецию. Такие их действия совершенно не обязательно считать доказательством взаимопомощи этолийцев и Спарты. Не пропустив Антигона в среднюю Грецию, этолийцы заботились прежде всего о безопасности своего собственного государства, не без оснований подозревая Антигона в том, что он попытается после возврата Фессалии восстановить македонскую гегемонию во всей Элладе. Точно так же не является доказательством историчности альянса известие о походе ахейцев в Элиду, союзную этолийцам (Plut. Cleom. 5,1; 14,5), в начале Клеоменовой войны (227 г.). С одной стороны, между ахейскими аркадянами и Элидой существовали старинные территориальные споры, которые могли обостриться, как это нередко бывало в Греции, в период большой войны, причем Элида могла встать на сторону Спарты и безотносительно к этолийской политике. С другой стороны, в это время действовал не только этоло-элейский, но и этоло-ахейский договор о союзе, так что в 227 г. произошел конфликт между двумя союзниками Этолии, которая, очевидно, и в этом случае осталась нейтральной. Все факты, таким образом, подтверждают, что тройственный антиахейский альянс не мог в 229 г. возникнуть ни официально, ни в виде тайного сговора.

Естественно, требуется какое-то объяснение столь странному и нетипичному для Полибия отступлению от исторической правды в изложении фактов. Многие исследователи видят первоисточник этой сомнительной версии в мемуарах Арата¹⁵, которым Полибий обычно следовал при описании Клеоменовой войны (Polyb. 2,56,2). Но есть и серьезные основания для того, чтобы усомниться в этом¹⁶. В плутарховых биографиях Арата и Клеомена, как мы уже видели, война объясняется исключительно внутripелопоннесскими причинами, что должно восходить к версиям Арата и Филарха. Арат, в отличие от Полибия, писал о своем сопротивлении попыткам ахейских лидеров обострить конфликт со Спартой, о том, как он позднее обращался за помощью к этолийцам (Plut. Ar. 30,5; 35,6; 41,3). Наконец, Полибий, как уже говорилось, приписывает провал вражеского сговора исключительно искусству и прозорливости Арата, который уже в 227 г. сумел привлечь на свою сторону Антигона. Сам Арат в мемуарах умалчивал о своем участии в переговорах с Антигоном в 227 г. (Polyb. 2,47,11; ср.: Plut. Ar. 38,11 sq). Свое обращение за помощью к царю Македонии в более позднее время, когда Ахейский союз оказался на грани

катастрофы, сам он объяснял тягостной, вынужденной необходимостью (^δανάγκη — Plut. Ar. 38,11). Плутарх, оценивавший ситуацию 227 г. по материалам «Воспоминаний», считал ее еще далеко не безвыходной (про της ^δανάγκης — Plut. Ar. 38,11). Однако, если бы Арат, подобно Полибию, писал об угрозе раздела Ахейского союза сразу тремя сильнейшими государствами Балкан еще в 229 г., и приписывал себе на этом основании ту заслугу, что он путем тайных контактов с Антигоном разрушил антиахейскую коалицию, то это не очень бы вязалось со всеми перечисленными особенностями версии, данной в его «Воспоминаниях». Известно, что Арат в мемуарах преимущественно оправдывал и объяснял свои действия в каждый конкретный момент, причем некоторые оправдания выглядели не очень убедительно. В главе, посвященной источникам, уже были приведены доводы в пользу той точки зрения, что в «Воспоминаниях» Арата отсутствовали многие элементы позднее сложившейся официальной, «парадной» ахейской историографии, нашедшей свое воплощение в «Истории» Полибия. Именно этим можно объяснить появление у Полибия рассказа о тройственном альянсе, где Арат выглядит непогрешимым проводником, а корень всех зол, как обычно, Полибий усматривает в кознях этолийцев. Нельзя, конечно, совсем отбрасывать возможность того, что Арат в мемуарах упоминал о своих подозрениях относительно поведения этолийцев, например, в момент оккупации Клеоменом городов восточной Аркадии, но изображать тройственный альянс как достоверный факт истории он вряд ли мог, ибо в этом случае ему не в чем было бы «оправдываться» (Plut. Ar. 38,11).

Любопытно еще одно различие. Полибий ни слова не говорит о разногласиях, существовавших в руководстве Ахейского союза накануне и в начале Клеоменовой войны. Лидиад, бывший тиран Мегалополя и, судя по всему, любимец мегалополитов, однако главный политический соперник и конкурент Арата, деятельность которого в «Воспоминаниях» Арата оценивалась в целом негативно (Plut. Ar. 30,5 sqq; 35,7; 37,3), у Полибия упоминается только в положительном плане (Polyb. 2,44,5; 2,51,3). Официальная версия ахейской истории во II в. делала, таким образом, акцент не на противоречиях, а на единодушии «лучших людей» Ахейского союза под руководством мудрого и дальновидного Арата.

Так ли это было на самом деле? Мы уже видели, какие серьезные политические конфликты начались между лидерами Ахейского союза еще в годы Деметриевой войны, причем вызваны они были не только столкновением амбиций, но и противоположностью внешнеполитических планов. Лидиад и Аристомах, следуя давним антиспартанским настроениям в Мегалопо-

ле и Аргосе, толкали Ахейский союз на путь открытой борьбы с Лакедемоном. Поведение Арата свидетельствует об иных целях его политики. Вопреки утверждениям Филарха, он в 229 г. стремился не к объединению Пелопоннеса, а к освобождению Аттики от македонского присутствия. Вряд ли он мог надеяться на скорое покорение Спарты: судя по его дальнейшим действиям, он ставил перед собой лишь одну цель — вернуть оккупированную Клеоменом восточную Аркадию. Поэтому считать Арата инициатором Клеоменовой войны, как те исследователи, которые перелагают версию Филарха¹⁷, мы не можем. По-видимому, столкновение Спарты и Ахейского союза имело главной причиной старую рознь между Лакедемоном, Аргосом и Мегалополем, к которой добавились противоречия в восточной Аркадии. Войны этой можно было избежать, если бы в ней не были откровенно заинтересованы Лидиад и Аристоммах с одной стороны и Клеомен — с другой¹⁸. Арат и спартанские эфоры не возражали против операций, ограниченных территорией Аркадии. Поэтому, несмотря на то, что ни Арат, ни эфоры не желали войны настоящей, имеющей целью захват собственной территории противника и разгром его государства, фактически и они способствовали обострению конфликта, в итоге закончившегося столь печально для обеих сторон.

В этом отношении очень характерна тактика руководителей обоих государств в первые два года войны. Клеомен занял восточно-аркадские города, находившиеся тогда под протекторатом Этолии, летом 229 г., когда ахейским стратегом вновь стал Арат. Именно он предложил ахейским властям не начинать открытую войну и ограничиться обороной (Polyb. 2,46,2 sqq). Вскоре Клеомен по приказу эфоров занял и окружил стеной храм Афины в Бельбинатиде, принадлежавшей тогда Мегалополю (Polyb. 2,46,5; Plut. Cleom. 4,1). Мера эта была сугубо оборонительной, ибо упомянутая местность представляла собой удобный проход из Мегалополитиды в Лаконию: наверняка, воинственные призывы Лидиада заставили эфоров позаботиться о безопасности своих границ со стороны Мегалополя. Чтобы не упускать инициативу, Арат попытался внезапно, ночью, используя свою обычную тактику, захватить Тегею и Орхомен, но потерпел неудачу (Plut. Cleom. 4,2 sqq). До конца стратегии Арата, т. е. до мая 228 г., обе стороны еще раз обменялись ударами: Клеомен разбил лагерь в Аркадии, но эфоры, опасаясь начала настоящей войны, отзывали его в Спарту. Арат тут же захватил Кафии, после чего Клеомен был отправлен эфорами в поход, занял Мефидрий в области Мегалополя и совершил ряд набегов на Аргolidу (Plut. Cleom. 4,6 sqq). Показательны цели противников: Арат стремился вернуть восточную Аркадию, эфоры направили Клеомена в области Аргоса и Мегалополя, на родину Лидиада и Аристотоммаха; и ахейский стратег, и эфоры опасались больших сражений.

Ситуация в корне изменилась, когда пост стратега занял Аристомах. Очевидно, именно летом 228 г. была официально объявлена война Спарте (Polyb. 2,46,6)¹⁹, после чего Аристомах затеял, несмотря на активные возражения Арата, большой поход в Лаконию, в котором участвовало все ахейское ополчение: 20 тысяч пехоты и тысяча всадников²⁰. Первоначально, видимо, планировалось выбить спартанцев из Аркадии, судя по тому, что ахейская армия двинулась не на юг, а на юго-запад, и встретила с пятидесятычным войском Клеомена при Паллантии, в стороне от главных дорог в Лаконику. Аристомах желал начать сражение, но Арат заставил стратега отступить (Plut. Ar. 35,6 sq; Cleom. 4,8 sq). Помимо своей обычной осторожности, Арат проявил в данном случае стремление не доводить конфликт со Спартой до решающей стадии, возможно, надеясь уладить его иными средствами. Сторонник бескомпромиссной войны Лидиад попытался обвинить Арата перед ахейцами и отнять у него очередную стратегию, однако на выборах потерпел поражение (Plut. Ar. 35,7). Политическая карьера Лидиада оказалась под угрозой, а линия «пассивной войны» временно восторжествовала.

Сменив Аристомаха в должности стратега, Арат вновь сделал попытку уклониться от ведения решительной борьбы со Спартой. Летнюю кампанию 227 г. он начал походом в Элиду, возможно, стремясь отвлечь внимание ахейцев от предложений насчет нового вторжения в Лаконию²¹. Захватив городок Ласион, он возвращался обратно, но у горы Ликей был неожиданно встречен Клеоменом и наголову разбит в ожесточенном сражении. Тем не менее спартанцы ничего не приобрели в результате этой победы, наоборот, даже потеряли Мантинею, которую внезапно захватил Арат, воспользовавшись тем, что никто не мог ожидать активных действий с его стороны после столь сокрушительного поражения ахейцев²². Возможно, ахейцы тут же осадили и Орхомен: позднее Клеомену пришлось доставлять туда продовольствие (Plut. Cleom. 7,6). Пока Арату сопутствовал успех. Несмотря на поражение при Ликее, он постепенно выполнял свой план, отвоевывая восточную Аркадию город за городом.

В Спарте уже ощущалось разочарование в этой войне, в которой победы одерживала одна сторона, а реальные приобретения доставались другой (Plut. Cleom. 5,2).

Тем не менее, Клеомен, нуждавшийся в новых победах, подкупил эфоров и получил от них разрешение на новый поход, причем вновь против Мегалополя. Спартанцы заняли Левктры в восточной части Мегалополитиды. Арат вынужден был выступить на защиту крупнейшего полиса Аркадии, в то время как Клеомен уже разбил лагерь у стен Мегалополя. Как всегда, ахейский стратег медлил с началом атаки, и в конце концов сражение завязалось само собой в результате вылазки легио-

вооруженного отряда ахейцев. Казалось бы, противник был захвачен врасплох, но Арат запретил гоплитам наступать дальше определенного рубежа. Возмущенный Лидиад созвал к себе кавалерию и без поддержки пехоты бросился на врага. Ему удалось потеснить правое крыло спартанцев, но затем Лидиад увлекся преследованием бегущих, оказался в каком-то винограднике среди рвов и изгородей, был там окружен легкой пехотой и лучниками Клеомена и погиб. Остатки ахейской конницы в паническом бегстве расстроили ряды собственной тяжелой пехоты, и когда Клеомен перешел в наступление, ахейцы вновь были разбиты (Polyb. 2,51,3; Plut. Ar. 36,4 sqq; Cleom. 6,1 sqq).

Это поражение при так называемых Ладокиях, у самых стен Мегалополя, едва не привело к окончанию «эры Арата» в Ахейском союзе. Отступавшие ахейцы привели своего стратега в Эгий и там, на союзном собрании, остановили не давать ему денег на продолжение войны, что означало своеобразный вотум недоверия. Арата обвиняли в том, что он бросил Лидиада на произвол судьбы, не поддержал начатую им атаку, и, стало быть, именно по вине стратега погиб Лидиад, а все войско было разбито (Plut. Ar. 37,5). Хотя такое решение, по-видимому, не имело законной формы и вскоре было отменено²³, Арат уже подумывал о том, чтобы немедленно сложить с себя полномочия, но затем свое решение изменил. Вернувшись к прежней тактике, он вновь выступил с войском в восточную Аркадию и около Орхомена даже одержал победу над отрядом спартанцев и взял в плен Мегистоноя, отчима Клеомена (Plut. Ar. 37,1). Сюда же, в восточную Аркадию, двинулся и спартанский царь, захватив по дороге ахейские города Гереу и Алею²⁴. Целью похода, поставленной царю эфорами, очевидно, было освобождение Орхомена от осады и возвращение Мантиней: Клеомен доставил в Орхомен продовольствие (ахейцы, наверное, отошли от города при его приближении) и стал лагерем под Мантинеей. Однако сам царь рассчитывал иначе использовать уход армии из Лаконии. Оставив гражданское ополчение в Аркадии, он с наемниками внезапно вошел в Спарту, перебил эфоров и установил в Лакедемон режим личной власти (Plut. Cleom. 7,1 sqq). Действуя намного решительнее, чем Агис IV и его сторонники, Клеомен провел коренные преобразования в Спарте: обобществил недвижимость, поделил землю граждан на равные клеры, дал гражданские права нескольким тысячам пернеков²⁵, вооружил армию, численность которой резко возросла, македонским оружием и восстановил военно-казарменный образ жизни спартиатов и «кликургову» систему воспитания молодежи (Plut. Cleom. 10,1 sqq; Ar. 38,4; Paus. 2,9,1).

Это событие не могло не встревожить ахейцев, и без того обескураженных двумя серьезными поражениями в кампании 227 г., а теперь убедившихся в намерении Клеомена довести войну до полной победы после устранения сдерживавших его

эфоров. Если учесть, что их собственный стратег был неспособен противостоять энергичному спартанскому полководцу, а Лидиад, который мог бы оказаться достойным противником Клеомена, был убит при Ладокях, то ситуация казалась достаточно тяжелой, хотя и не безвыходной. Особые трудности испытывали мегалополиты: до сих пор Клеомен наносил главные удары именно их полису, старому противнику Спарты. Мегалополитида была разорена, захвачены Левктры и Мефидрий, в сражениях при Ликее и Ладокях погибла большая часть граждан Мегалополя, способных носить оружие, наконец, пал в бою и Лидиад (Polyb. 2,48,1; 2,55,2; Plut. Ar. 38,11). Неудивительно, что вскоре после переворота в Спарте мегалополиты, не полагаясь больше на военную силу федерации, решили обратиться за помощью в Македонию, с которой их полис до вступления в Ахейский союз поддерживал традиционно добрые отношения. Это событие, хотя и не имевшее немедленных последствий, оказало значительное воздействие на дальнейший ход ахейской истории. Из главного врага ахейцев Македония теперь превращалась в потенциального союзника, поскольку мегалопольские послы получили соответственные заверения со стороны Антигона Досона. Именно поездка мегалополитов к Антигону оказалась первым звеном в цепи событий, которые привели позже к восстановлению македонской гегемонии над Пелопоннесом. Поэтому есть смысл остановиться особо на предыстории мегалопольского посольства, тем более, что при ее описании мы вновь видим расхождение между версиями античных писателей. Филарх и Полибий называли инициатором посольства ни кого иного, как Арата, в то время как сам ахейский стратег в «Мемуарах» ничего не писал о своей роли в подготовке этой акции (Polyb. 2,47,11; Plut. Ar. 38,11 sq), что, конечно же, не было случайностью.

Согласно Полибию, дело происходило так. Арат, узнавший каким-то образом об этоло-македоно-спартанском сговоре, решил с помощью тайной дипломатии разрушить планы врагов. Примерно поздней осенью 227 г.²⁶ он уговорил мегалополитов Никофана и Керкида, проксенов его отца, выступить в своем городе, уже серьезно пострадавшем от войны, с инициативой относительно обращения за помощью в Македонию. Мегалополиты охотно поддерживали такое предложение, Керкид и Никофан были избраны послами к Антигону. Заручившись согласием ахейского синода, послы Мегалополя прибыли в Македонию и попросили царя о помощи своему городу. Параллельно по поручению Арата они договорились с Антигоном о возможном военном союзе ахейцев с Македонией на случай вмешательства Этолии в ахейско-спартанский конфликт. Антигон отправил в Мегалополь письмо с предложением помощи при условии согласия на это Ахейского союза. Все это время о причастности Арата к мегалопольскому посольству никто не знал, а на собрании

ахейцев, которому мегалополиты доложили об итогах переговоров, он даже советовал отклонить предложение Антигона и вести войну собственными силами. Как обычно, мнение Арата оказалось решающим, немедленного призыва о помощи не последовало, но Арат отныне знал, что Антигон в союзе заинтересован. Таким образом, Арат, обманув бдительность Клеомена и этолийцев, не скомпрометировав себя перед ахейцами открытым обращением к их старому врагу, избавил свое государство от войны «на три фронта» и обеспечил определенными обещаниями доброжелательное отношение царя к Ахейскому союзу (Polyb. 2,47,1 sqq.).

Из рассказа Полибия следует, что переговоры проходили как бы по двум направлениям параллельно. Официально мегалополиты просили помощи для своего города, особо заинтересованного в защите от Спарты. Секретная часть переговоров велась от имени стратега Ахейского союза и имела целью заручиться обещанием Антигона выступить на стороне ахейцев в войне с Клеоменом. Арат в мемуарах освещал только официальную сторону переговоров, о тайной же их стороне рассказали Филарх и Полибий (Polyb. 2,47,11; Plut. Ag. 38,11 sq.). Плутарх и вслед за ним почти все современные исследователи²⁷ считают этот секретный шаг Арата доказанным фактом, руководствуясь простым соображением: если о том, что скрывал Арат, пишет апологет его политики ахеец Полибий, то его словам безусловно можно верить. Некоторые антиковеды все же усомнились в том, что мегалопольские послы были всего лишь слепым орудием Арата²⁸, а Э. Груэн и Р. Урбан сочли возможным отрицать и здесь достоверность слов Полибия²⁹. Аргументы их следующие. Во-первых, очевидно противоречие между официальной (немедленная помощь) и тайной (союз в будущем) стороной переговоров. Во-вторых, как пишет Р. Урбан³⁰, дискредитируют весь рассказ Полибия его слова (2,50,10) о безусловной готовности ахейцев принять помощь Антигона уже весной 226 г., по возвращении мегалопольских послов. Плутарх (Ag. 39,1 sqq; Cleom. 15,3 sqq) сообщает об обратном: на следующий год всеобщее настроение склонялось к прекращению войны на условиях, продиктованных Клеоменом, хотя помощь Антигона означала бы в итоге победу над ним. В-третьих, что важнее всего, Арат у Полибия идет на этот шаг под давлением безвыходных обстоятельств: после заключения тройственного антиахейского альянса ему ничего другого не оставалось делать. Но поскольку историческая основа рассказа об этом альянсе крайне сомнительна, то можно поставить под сомнение и ответные действия Арата. У него должны были быть очень веские основания для того, чтобы перечеркнуть всю свою прежнюю политику, начать собственными руками воссоздание разрушенной им же системы македонского господства в Элладе³¹, рисковать собственным положением в Ахейском союзе с его давними ан-

тимакедонскими традициями, оттолкнуть от себя Птолемея III, до сих пор щедро финансировавшего ахейцев. В 227 г. основной для столь радикального шага еще не было, хотя обстановка, конечно, внушала тревогу.

Нельзя не признать, что аргументы Э. Груэна и Р. Урбана весьма логичны и убедительны. Однако следует все же воздержаться от категорических заявлений. Во всяком случае, у нас имеется не меньше оснований для того, чтобы поверить Арату, чем для того, чтобы разоблачать его с помощью Филарха и Полибия. У Филарха, как мы уже видели, все враждебные Клеомену шаги ахейцев объяснялись происками Арата. Что касается Полибия, то он в данном вопросе выступает как лицо заинтересованное. Факт ранних контактов с Македонией, которые постепенно привели к реставрации македонской гегемонии в Греции, в очень невыгодном свете представлял Мегалополь, родной город Полибия. Если (как считает Р. Урбан)³² господствовавшая в Мегалополе промакедонская партия пошла на прямой конфликт с политикой Арата после гибели Лидиада, виновником которой считали Арата, и очередного поражения ахейцев при Ладокях, где Арат вновь показал себя плохим полководцем, то мегалопольское посольство явилось именно следствием этого конфликта осенью 227 г. В таком случае сепаратистский и не очень патриотичный в отношении Ахейского союза поступок мегалополитов, выступление Арата против их предложения вернуться под покровительство Македонии после возвращения посольства лучше было объявить результатом тайной дипломатической игры вождя ахейцев. Таким образом, в интересах Полибия было в данном случае последовать не за мемуарами Арата, а за «Историей» Филарха. Разумеется, не исключено, что рассказ о тайном поручении Арата Полибий мог услышать и в самом Мегалополе³³, но сомнения в правдивости всей версии от этого не уменьшаются. Такие сомнения будут вполне обоснованы, если вспомнить недостоверное повествование Полибия об этоло-спартано-македонском заговоре против Ахейского союза.

Как бы то ни было, предложение мегалополитов принять помощь Антигона было отвергнуто ахейским синодом. В 226 г. ахейцы все еще вели войну самостоятельно, причем теперь, в отличие от предыдущих лет, только оборонялись. Клеомен совершил очередной поход в Мегалополитиду, вновь разорил эту область и, в насмешку над беспомощностью ахейцев, устроил на неприятельской территории театральное представление (Plut. Cleom. 12,3 sq.). Затем он занял Мантинею, где только что произошел переворот и победившая «лаконская» партия призвала спартанцев на помощь. Клеомен вошел в город, ахейские колонисты, оставленные в Мантинее Аратом, были перебиты (Polyb. 2,58,4; Plut. Ar. 39,1; Cleom. 14,1). Это был первый ахейский полис, добровольно сдавшийся Клеомену. Произошло это, види-

мо, летом, уже после смены стратегов. Теперь Ахейский союз возглавлял Гипербат, служивший фактически лишь орудием в руках Арата (Plut. Cleom. 14,3). Таким образом, Арат вновь вернул себе решающую роль в политике союза, хотя его положение минувшей осенью казалось незавидным. Трудно сказать, какие цели он преследовал во время кампании 226 г. и какие предпринимал действия. Инициатива теперь была уже полностью в руках Клеомена. Восточная Аркадия принадлежала (кроме Кафий) спартанцам, Мегалополь был обескровлен. Первоначальные задачи войны были выполнены, но Клеомена уже не удовлетворял такой результат. Осенью 226 г. он впервые вторгся в пределы области коренных ахейцев. На защиту городов Ахайи выступило федеральное ополчение. Неподалеку от Димы Клеомен вынудил Гипербата вступить с ним в сражение и в очередной раз разгромил ахейскую армию (Polyb. 2,51,3; Plut. Ar. 39,1; Cleom. 14,4 sq.).

Битва при Диме, которую также называют сражением при Гекатомбее, положила конец надеждам на то, что войну удастся вести собственными силами. Сразу же после нее ахейцы приняли целый ряд дипломатических акций в поисках иного выхода из сложившейся ситуации. Поскольку в это время всей политикой союза фактически руководил стоявший за спиной стратега Арат, надо думать, что именно он был инициатором нового поворота событий. Во всяком случае, сын Арата осенью 226 г. или весной 225 г. отправился в Македонию, чтобы выяснить, на каких условиях Антигон мог бы предоставить ахейцам обещанную помощь³⁴. Македонский царь подтвердил свою готовность отправить войско в Пелопоннес, но дал понять, что условием помощи будет возвращение Акрокоринфа македонянам (Polyb. 2,51,4 sqq). Вряд ли прав Филарх, утверждавший, что к лету 225 г. Арат уже дал согласие на это, и вопрос о македонском вмешательстве был уже решен (Plut. Cleom. 17,2). Дальнейшие действия Арата показывают, что он еще колебался, не решаясь пойти на такую жертву, и пытался спасти положение иными средствами. В частности, он обратился за помощью в Афины и в Этолию, однако получил отказ (Plut. Ar. 41,3). Полибий (2,51,7) свидетельствует, что окончательное решение вопроса о приглашении Антигона было отложено как раз из-за отсутствия договоренности относительно судьбы Акрокоринфа. Таким образом, летом 225 г. союз с Македонией был еще одним из возможных вариантов дальнейшей политики Ахейского союза, но вариантом не окончательным и не единственным.

Одновременно ахейское посольство было отправлено и в Спарту: Арат хотел прозондировать почву насчет возможности компромиссного соглашения с Клеоменом, которое позволило бы избежать вмешательства Македонии³⁵. Поначалу Клеомен предъявил ахейцам какие-то совершенно неприемлемые требо-

вания, но затем, при повторном появлении ахейских послов в Спарте, поставил единственным условием примирения признание его гегемонии над Ахейским союзом, причем обещал вернуть все захваченные территории и пленных. Условия мира должен был рассматривать синклит в Лерне, куда Клеомен не смог прибыть из-за болезни (Plut. Ar. 39,1; Cleom 15,2 sq). Ближе к лету был создан другой синклит, в Аргосе⁵⁶, на который Клеомен вознамерился явиться со всем войском. Арат убедил собравшихся ахейцев отправить к спартанскому царю посольство с предложением либо взять с собой охрану из трехсот человек и принять ахейских заложников, либо остановиться за стенами города, где в таком случае будут проведены переговоры. В ответ Клеомен прислал ахейцам письмо, где выразил свою обиду: такое требование он считает унижительным и издевательским. Это письмо, очевидно, было зачитано на собрании. Поскольку значительная его часть была посвящена обвинениям в адрес Арата, тот не остался в долгу и постарался очернить Клеомена в глазах ахейцев. Переговоры были окончательно сорваны, Клеомен вернулся в Спарту и вновь объявил войну Ахейскому союзу (Plut. Ar. 39,1 sqq; Cleom. 15,2 sqq).

Плутарх, повествуя об ахейско-спартанских переговорах в биографиях Арата и Клеомена, на этот раз в обоих случаях принимает версию Филарха, утверждая, что ахейцы приглашали спартанского царя в Лерну и Аргос не столько для перегово-

ров, сколько *εἰς ἡγεμονίαν* — «чтобы вручить ему гегемонию» (Plut. Ar. 39,1; ср.: Cleom. 15,3). Подчинение союза Клеомену уже было делом решенным, но в первом случае его болезнь оказалась, по словам Филарха, той «трагической случайностью, которая погубила Грецию» (Plut. Cleom. 16,1), а во втором — Арат, заранее договорившись с Антигоном, приложил все силы, чтобы не допустить встречи Клеомена с ахейцами (Plut. Cleom. 17,2). В обеих биографиях Плутарх осуждает Арата за то, что он не позволил царю Спарты осуществить свое законное право на господство в Пелопоннесе, которое принадлежало ему как победителю и потомку Геракла (Plut. Ar. 38,3 sqq; Cleom. 16,1 sqq). За Филархом и Плутархом в оценке этого события следуют и многие современные историки³⁷, считающие, что Арат намеренно сорвал обещавшие успех переговоры, последовательно осуществляя свой план приглашения македонян в Пелопоннес. Но есть и другая точка зрения: встреча в Аргосе сорвалась оттого, что Арат хотел переговоров, а Клеомен — капитуляции Ахейского союза³⁸.

Последнее утверждение, как кажется, ближе к истине. К весне 225 г., когда происходили переговоры, Арат еще не принял окончательного решения относительно помощи Антигона при условии передачи ему Акрокоринфа. Как уже говорилось, тогда это был лишь один из возможных выходов. Вполне спра-

ведливое требование, чтобы Клеомен явился в Аргос только с личной охраной, имело целью не срыв переговоров со Спартой, а предотвращение оккупации важнейшего ахейского полиса спартанской армией. Надо полагать, что перспектива заключения мира со Спартой на приемлемых условиях выглядела в глазах Арата меньшим из двух зол по сравнению с возможностью восстановления македонского господства в Пелопоннесе. Также он не мог не учитывать и того, что общественное мнение в федерации явно склонялось в сторону мира со Спартой, люди с нетерпением ожидали конца войны (Plut. Cleom. 17,1). Все эти соображения приводят к выводу, что суждение Филарха о позиции Арата, как обычно, не является объективным. Будучи удивительно гибким политиком, Арат не должен был заранее исключать возможность примирения с Клеоменом и нового поворота во внешнеполитической ориентации союза. Вряд ли правы те исследователи, которые утверждают, что любая форма гегемонии Клеомена над Ахейским союзом означала бы конец федерации³⁹. Обещание вернуть захваченные города (Plut. Cleom. 15,2) должно было означать сохранение федеративного государства, а не расчленение его на отдельные, зависимые от Спарты полисы⁴⁰, и значит, оставалась возможность уберечь целостность союза, не принося в жертву Акрокоринф. Если бы Арату к тому же удалось добиться таких условий, которые не подрывали бы его авторитета и руководящего положения в союзе, он, безусловно, пошел бы на сотрудничество с Клеоменом. Однако претензии спартанского царя по поводу вступления его войск в Аргос показали, что Клеомен добивался только безоговорочного подчинения ахейцев его власти, т. е. фактически сдачи на милость победителя.

И еще одно замечание о позиции Арата весной и летом 225 г. После того, как в мае закончилась стратегия Гипербата, по традиции этот пост должен был вновь занять Арат, однако впервые за многие годы он «пропустил свою очередь» и предпочел вновь действовать в качестве негласного правителя союза, отказавшись участвовать в выборах. Избранный стратегом Тимоксен (Plut. Ag. 38,2; Cleom. 15,1) был креатурой Арата (Polyb. 4,82,8) и проводил нужную ему политику. Нередко предполагают, что Арату было выгоднее осуществлять свой план восстановления македонского протектората над Пелопоннесом в качестве частного лица⁴¹. Однако такая оценка представляется весьма сомнительной: поездка Арата Младшего в Македонию показала, что теперь все зависело не от тайных переговоров, а от решения самих ахейцев, поскольку «цена» македонской помощи была уже известна. Если бы Арат уже имел твердое намерение пригласить Антигона в Пелопоннес, он нуждался бы, напротив, в как можно большем объеме полномочий. Его отказ от стратегии свидетельствует скорее о колебаниях и нерешительности в этот критический момент, тем более, что в

союзе усиливался разлад. Мегалополиты, в частности, выступали за приглашение македонян, в других городах все более решительно заявляли о себе сторонники подчинения Клеомену. Не будучи готовым ни к тому, ни к другому решению, Арат решил снять с себя ответственность и возложить ее на Тимоксена⁴². Хотя впоследствии и Филарх, и Полибий усматривали во всех действиях Арата последовательность и твердость в достижении заранее намеченной цели, сам он, пожалуй, точнее характеризовал свое положение в 225 г., заявляя, что не он господствует над обстоятельствами, а они над ним (Plut. Ar. 41,7; Cleom. 19,5).

После срыва переговоров со Спартой во многих полисах Ахейского союза началась острая внутренняя борьба, причем очень активно вели себя сторонники выхода из федерации и передачи своих городов Клеомену (Polyb. 2,52,1; 2,55,8; Plut. Ar. 39,5; 40,1 sq; Cleom. 17,5). Воспользовавшись этим, спартанский царь нанес Ахейскому союзу ряд сокрушительных ударов. Захватив Нафии в восточной Аркадии и попытавшись с помощью измены проникнуть в Сикион, он неожиданно повернул в Ахайю и занял Пеллену. После этого Клеомен прошел через северную Аркадию, где захватил город Феней с крепостью Пентеллем и тем самым расчленил Ахейский союз на две изолированные части, а затем вторгся в Арголиду. Клеоны и Флиунт сдались ему добровольно, не оказали сопротивления и аргивяне, когда увидели спартанское войско у стен города (Polyb. 2,52,2; Plut. Ar. 39,4 sqq; Cleom. 17,6 sqq, 19,1).

В этой критической ситуации в федеральном руководстве, судя по всему, был, хотя и слишком поздно, найден оптимальный способ распределения полномочий. В то время как стратег Тимоксен до мая 224 г. командовал оставшимися у союза войсками (Polyb. 2,53,2; Plut. Cleom. 20,8), Арат получил право руководить внутренней и внешней политикой. Вначале ему были даны чрезвычайные полномочия по борьбе с изменой ($\epsilon\acute{\xi}\sigma\upsilon\sigma\iota\alpha\ \alpha\upsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\upsilon\sigma\upsilon\varsigma$; Plut. Ar. 40,2) и, видимо, звание второго стратега ($\pi\alpha\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\upsilon\sigma\iota$; Polyb. 2,52,3), а позднее чрезвычайное собрание ахейцев в Сикионе провозгласило его стратегом-автократом (Plut. Ar. 41,1)⁴³. Теперь он все силы направил на то, чтобы удержать от перехода на сторону Спарты такие важнейшие центры, как Сикион и Коринф. В своем родном городе он выявил и казнил сторонников Клеомена, недавно пытавшихся сдать Сикион спартанцам, затем с той же целью явился в Коринф. Но там уже явно назревал мятеж, так что приезд Арата лишь подлил масла в огонь. Чудом избежав ареста, а возможно, даже гибели, Арат с небольшим отрядом вырвался из города и вернулся в Сикион. Коринфяне немедленно

сдали город Клеомену, но в цитадели по-прежнему находился ахейский гарнизон (Polyb. 2,52,2; 2,52,4; Plut. Ar. 40,2 sqq).

Клеомен, занявший по дороге в Коринф также города Актэ-Эпидавр, Гермению и Трезен, граждане которых добровольно открыли ему ворота (Polyb. 2,52,2; Plut. Ar. 40,7; Cleom. 19,6), осадил Акрокоринф (Plut. Ar. 40,7; Cleom. 19,6), но, по-видимому, не надеялся взять его штурмом, поскольку дважды пытался договориться с Аратом, во второй раз даже предложив ему совместное владение крепостью и впридачу крупную сумму денег. Арат ответил отказом, и тогда Клеомен вторгся в область Сикиона, разорил ее и стал лагерем под стенами города (Polyb. 2,52,2; Plut. Ar. 41,4 sqq; Cleom. 19,5 sqq). Осада Сикиона длилась три месяца (Plut. Ar. 41,7), очевидно, в течение поздней осени и зимы 225/4 г. Даже тогда, оказавшись в совершенно безвыходном положении, Арат не переставал колебаться (Plut. Ar. 41,7)⁴⁴. Почти все было уже потеряно; от Ахейского союза оставались только Ахайя без Пеллены, Сикион, Эгина, Мегалополь и, возможно, еще два-три аркадских полиса. Мегары присоединились к Беотии (Polyb. 20,6,8), остальные ахейские территории находились под контролем Спарты. Как уже говорилось, Афины и Этолия отказали ахейцам в помощи, Птолемей III незадолго до того перестал их финансировать и стал поддерживать Клеомена, видя в Спарте более мощный противовес Македонии (Polyb. 2,51,2; Plut. Cleom. 22,4 sqq). Оставалось два пути: либо покориться Клеомену, либо призвать на помощь македонян. Арат в конце концов, сидя в осажденном Сикионе, принял второе решение. Видимо, правильно Полибий (2,52,2 sqq) подчеркивает то обстоятельство, что решающим фактором оказалась измена коринфян: упорствовать далее в нежелании передать Акрокоринф Антигону было теперь бессмысленно, ахейский гарнизон в огромном враждебном городе долго продержаться не мог.

В самый разгар осады Сикиона Арата вызвали на ахейское собрание (неясно, синод или синклит) в Эгий. Несмотря на опасность, он добрался до гавани и морским путем прибыл в Ахайю. То, что он выступил на собрании с призывом пригласить Антигона в Пелопоннес, не вызывает никаких сомнений. Однако следует отметить, что этот призыв не встретил серьезного противодействия на собрании: представители Мегалополя и городов Ахайи, очевидно, придерживались того же мнения. Это означает, что в западной части федерации верх взяла политическая группировка, выступавшая за сотрудничество со Македонией. Действия этой группировки еще в 227 г. (мегалопольское посольство), может быть, и не соответствовали планам Арата, но теперь он решительно выступил на ее стороне. К Антигону были отправлены заложники, в том числе сын Арата, вместе с просьбой о немедленной помощи и обещанием передать ему Акрокоринф (Plut. Ar. 32,1 sqq; Cleom. 19,9).

Как оценивать этот шаг Арата, имевший важнейшие последствия для истории Пелопоннеса и всей Греции? Было ли это «великое предательство»⁴⁵, или «дальновидный и смелый поступок»⁴⁶? По-видимому, ни то, ни другое. Первая оценка (восходящая к Филарху), как и вторая (восходящая к Полибию), в значительной степени основаны на представлении о македонском вмешательстве как об осуществлении продуманного заранее и последовательно реализованного плана, принадлежавшего Арату. Мы уже видели, что этот вариант Арат до последнего момента считал лишь одним из возможных и рискнул принять такое решение только тогда, когда ему уже не оставалось делать ничего другого. Сам он писал, что его заставила пойти на этот шаг тягостная необходимость (Plut. Ar. 38,11), а не дальновидный расчет. Нельзя не учитывать и того, что промакедонская партия восторжествовала к концу войны в сохранившихся областях Ахейского союза, и Антигон был бы приглашен в Пелопоннес даже против воли Арата, в частности, теми же мегалополитами⁴⁷. Что касается обвинения Арата в предательстве дела греческой свободы, которому он служил столько лет, то нельзя забывать, что в глазах Арата безоговорочное подчинение полисов Пелопоннеса тирану, каковым он считал Клеомена (Plut. Ar. 38,7), означало безусловный конец этой свободы. В то же время он, должно быть, надеялся ценой Акрокоринфа добиться каких-то более приемлемых взаимоотношений с Македонией, чего он, как показал провал переговоров, уже не мог ожидать от Спарты. Среди побудительных мотивов, заставивших Арата пойти на такой тяжелый для него шаг, определенное место занимали, вероятно, и опасения по поводу социальных целей Клеомена⁴⁸, хотя в тот момент, когда принималось окончательное решение, уже было ясно, что ни отмены долгов, ни передела земли вне Лаконики Клеомен производить не собирался (Plut. Cleom. 20,5), поэтому данный мотив не следует считать решающим. Вынужденный выбор, сделанный Аратом между гегемонией Спарты и гегемонией Македонии над Ахейским союзом, не нуждается ни в безоговорочном осуждении, ни в оправдании: вследствие этого шага Ахейский союз был сохранен как государство, но потерял подлинную независимость. Остается только гадать, какова была бы его судьба в случае подчинения Спарте, и чем бы закончилось в этом случае столкновение Клеомена с Антигоном, которое было неизбежным.

Дальнейший ход военных действий уже не представляет значительного интереса с точки зрения истории Ахейского союза, поскольку теперь ахейско-спартанская война превратилась в македоно-спартанскую. Весной 224 г.⁴⁹ армия Антигона, состоявшая из 20 тыс. пехотинцев и 1300 всадников (Plut. Ar. 43,1), высадилась на Истме, где произошла первая личная встреча македонского царя с Аратом и заключение союза было под-

креплено клятвами с обеих сторон. Тревоги и опасения Арата по поводу намерений Антигона не оправдались: царь Македонии проявил готовность к сотрудничеству с руководством Ахейской федерации и старался показать, что не намерен мстить ахейцам за то, что те долгие годы вели борьбу против его предшественников. Все важные решения Антигон принимал, посоветовавшись с Аратом, а впоследствии — с синодом Ахейского союза. Таким образом, новый македонский царь показал себя незаурядным политиком, способным пойти на определенный компромисс ради упрочения своих позиций в Греции. Мы убедимся в этом и позже, когда речь пойдет о созданной Антигоном т. н. Эллинской Лиге. Пока же главной его задачей была победа над Клеоменом. Спартанский царь хорошо укрепил подступы к Коринфу, однако задержать македонян на Истме ему удалось ненадолго. В тылу спартанцев, в Аргосе, вспыхнуло восстание, и Клеомен поспешил туда, чтобы любой ценой удержать этот город. Воспользовавшийся этим Антигон, преодолевая отчаянное сопротивление коринфян, захватил их город и немедленно сменил ахейский гарнизон Акрокоринфа македонским. Тем временем в Аргосе, куда подошли с разных сторон ахейские отряды Тимоксена и Арата, шла ожесточенная борьба. Появление армии Антигона на подходах к Аргосу решило исход борьбы. Клеомен оставил город и вернулся в Лакедемон (Polyb. 2,52,5 sqq; Plut. Ar. 43,1 sqq; Cleom. 20,1 sqq).

Вступление македонских войск в Пелопоннес коренным образом изменило обстановку. Коринф и Аргос оказались в руках Антигона, города Актэ перешли на его сторону добровольно (Plut. Ar. 44,5). Кампания 224 г. закончилась в Аркадии, где македоняне очистили от спартанских гарнизонов укрепления Мегалополитиды. В начале осени Антигон побывал на ахейском синоде в Эгии, после чего отправил войска на зимовку в район Сикиона и Коринфа. Кампания 223 г. проходила в Аркадии, где Антигону упорное сопротивление оказали Тегея, Мантинея и Орхомен. Два последних города были разграблены македонянами, мантинеяне все поголовно были проданы в рабство, что вызвало возмущение во всей Элладе. После жестокой расправы с полисами восточной Аркадии уже без боя сдались Герея и Тельфуса (Polyb. 2,54,2 sqq; Plut. Ar. 45,6; Cleom. 23,1).

Вновь посетив синод в Эгии, Антигон отправил армию на зимние квартиры, а сам провел зиму в Аргосе. Воспользовавшись этим моментом, Клеомен до начала лета 222 г. нанес несколько тяжелых ударов городам Ахейского союза. Еще в мае 223 г. он сделал попытку овладеть Мегалополем, но был отбит с большими потерями. Теперь же повторное нападение принесло ему успех. Город был занят спартанскими войсками, однако мегалополиты защищались до последней возможности, так что жителям в подавляющем большинстве удалось бежать в Мес-

сению под прикрытием отступавших воинов Мегалополя. Предложение Клеомена вернуться в город и признать гегемонию Спарты было отвергнуто по инициативе молодого Филопемена, будущего **вождя ахейцев**. Тогда город был полностью разрушен Клеоменом, а все ценности вывезены в Спарту (Polyb. 2,54,13 sqq; 9,18,1 sqq; Plut. Cleom. 23,3 sqq; Philop. 5,1 sqq). Весной 222 г. войска Клеомена прошли в Арголиду, опустошили окрестности Аргоса и даже на некоторое время появились под стенами города, где находился распустивший свою армию Антигон (Polyb. 2,64,1 sqq; Plut. Cleom. 25,4 sqq)⁵⁰.

Таким образом, тактика Клеомена сводилась к тому, чтобы наносить противнику неожиданные удары, отвлекая Антигона от похода в Лаконику, и затянуть военные действия до тех пор, пока неотложные дела не призвут царя в Македонию. Понимая это, Антигон в начале лета 222 г. со всей армией и крупными контингентами союзников двинулся прямо в Лаконию, чтобы закончить войну как можно скорее. Решающее сражение произошло при Селласии, на границе Лакедемона и Аркадии. Некоторый численный перевес и мощь «сдвоенной» фаланги принесли победу Антигону. Армия Клеомена была разгромлена, сам спартанский царь бежал в Египет, а македонские войска вошли в Спарту, не встретив сопротивления. Клеоменова война была закончена через семь лет после ее начала⁵¹ (Polyb. 2,65,1 sqq; Plut. Ar. 46,1; Cleom. 27,1 sqq; Paus. 2,9,2; 7,7,4; 8,49,5 sq).

Рассказ об этом этапе истории Ахейского союза будет, разумеется, неполным, если оставить без ответа два вопроса принципиального характера: во-первых, чем был обусловлен столь серьезный кризис внутри федерации, который привел к реставрации македонской гегемонии в южной Греции? И во-вторых, следует ли считать, что все успехи федеративного движения в Пелопоннесе в итоге этой войны были сведены на нет? Остановимся вначале на причинах кризиса Ахейского союза в годы Клеоменовой войны, а особенно в 226 и 225 гг., когда покинули федерацию и примкнули к ее противнику такие полисы, как Мантинейя, Тегея, Пеллена, Аргос, Коринф и другие. Почти во всех этих городах нашлись многочисленные сторон-

ники Спарты — «клеоменисты» (Κλεομενισταί), как их называет Полибий (2,53,2). Тот же ахейский историк (2,56,8) вынужден признать, что лишь в двух полисах союза не было такой «лаконской» партии. Как он полагает, одни города сдавались спартанцам, поддаваясь убеждению, другие — из страха (2,52,1). Более подробно о мотивах «клеоменистов», почти разрушивших Ахейский союз, говорит Плутарх, опираясь на оценки как Филарха, так и Арата. Судя по всему, Филарх, помимо обычных для него утверждений о всеобщем восхищении отвагой спартанского царя и признании законности его прав на

власть над Пелопоннесом (Plut. Cleom. 16,3), называл и конкретно те группы ахейцев, которые с нетерпением ждали Клеомена в своих полисах: «Началось движение (κίνημα) среди ахейцев, и города стали стремиться к выходу из союза, т. к. простой народ (δῆμοι) возымел надежды на передел земли и отмену долгов, а наиболее влиятельные люди (οἱ πρῶτοι) во многих местах были настроены против Арата, причем некоторые — из-за возмущения тем, что он приглашает в Пелопоннес македонян» (Plut. Cleom. 17,5). В мемуарах Арата состав «клеоменистов» характеризовался, конечно, иначе: «Везде было неспокойно, никто не был доволен сложившимся положением, даже в Сикионе и Коринфе появились многие, установившие связь с Клеоменом, и давно, стремясь к установлению собственной власти, втайне ненавидевшие Ахейский союз» (Plut. Ag. 40,1).

Таким образом, современники событий выделяли следующие три категории «клеоменистов»:

1 — малоимущие и неимущие массы граждан (οἱ δῆμοι), надеявшиеся, что Клеомен произведет и в их полисах отмену долгов и передел земли по спартанскому образцу;

2 — правящие группы зажиточных людей (οἱ πρῶτοι), недовольные руководством Арата и опасавшиеся вмешательства Македонии;

3 — бывшие тираны пелопоннесских полисов, стремившиеся вернуть себе единоличную власть (δυναστεία), возможные новые претенденты на роль тиранов, а также их сторонники, вербовавшиеся главным образом из рядов δῆμοι, но не обязательно только простолюдины.

Считать эти версии совершенно взаимоисключающими, подобно Р. Урбану⁵², мы не считаем нужным. Как мы увидим далее, имеется как минимум по одному примеру действий каждой из этих трех групп в городах Ахейского союза: сторонников Спарты в правящих кругах Мантиней, желавшего реформ демоса в Аргосе и бывшего тирана Аристомаха в том же Аргосе. Но Урбан прав в том смысле, что различные мотивы преобладали в разных полисах: где-то Клеомена поддерживала в основном одна из упомянутых групп, а где-то — другая. Поэтому нельзя ограничиваться только пересказом или цитированием интересующих нас пассажей Плутарха, как это обычно делают исследователи, некоторые из которых даже забывают назвать одну из трех перечисленных частей «лаконской» партии в ахейских полисах⁵³. Очень распространена в научной литературе такая упрощенная оценка, сводящаяся к тому, что повсемест-

но на стороне Клеомена выступили народные массы, а против него — ахейские богачи, которые призвали на помощь в борьбе против собственного народа иностранные (т. е. македонские) войска⁵⁴. Отметим, что в таком случае кризис Ахейского союза должен был представлять собой самое грандиозное социальное движение в истории древней Греции, однако такое логическое заключение сделано только в работах В. Тарна и А. Фука⁵⁵.

Некоторые исследователи сделали попытку не столь однозначно подойти к проблеме и представить себе конкретную ситуацию, сложившуюся в различных полисах, позицию различных слоев населения. А. Феррабино предположил, что Клеомена поддерживали прежде всего земельные собственники, как мелкие, так и крупные: все они были обременены долгами. Торговцы и ростовщики были против реформ, но потом и они поддерживали Клеомена⁵⁶. В. Портер, наоборот, связывал стремление к реформам прежде всего с интересами городского населения — ремесленников, торговцев⁵⁷. Г. Мараско попытался выделить те полисы, где во главе клеоменистов стояли претенденты на роль тиранов (Аргос, Сикион), и те, где сама народная масса выступила за реформы (Мантинейя, Кинефа). Сам Клеомен, по мнению Мараско, подстрекал к мятежу только сторонников тирании, а демос, желающий реформ, примкнул к нему по собственной инициативе⁵⁸. Наконец, Урбан, детально рассмотрев возможные мотивы перехода того или иного города на сторону Спарты, пришел к неожиданному выводу: социальный вопрос вообще не играл важной роли в этой войне, а поддержку Клеомену оказали прежде всего правящие круги ахейских полисов, перешедшие в его лагерь по политическим, а не социальным причинам⁵⁹.

Вслед за Мараско и Урбаном, подход которых к решению этого сложного вопроса кажется наиболее плодотворным, попытаемся оценить ситуацию в каждой отдельной области Ахейского союза и выяснить возможные различия среди мотивов, которыми руководствовались клеоменисты в тех или иных полисах. Начнем с областей чисто аграрных.

Восточная Аркадия. В Мантинее, Тегее, Кафиях, Орхомене традиционные связи со Спартой играли огромную роль при определении курса внешней политики. В эллинистическое время эти полисы следовали за Спартой и участвовали в восстании Агиса III (Aeshin. 3,165; Curt. 6,1,20)⁶⁰, в Хремонидовой войне (Syll.³ 434/5, v. 24 sq, 38 sq), причем еще с IV в. в ходе любых конфликтов имели в Аркадии постоянного противника в лице Мегалополя, столь же традиционно связанного с Македонией и претендовавшего на главенство в Аркадии. Видимо, поэтому они «охотно» перешли из Ахейского союза под покровительство этолийцев в конце Деметриевой войны (Polyb. 2,57,1), когда Мегалополь и его представитель Лидиад оказывали боль-

шое влияние на политику ахейцев и стали раздаваться призывы к войне со Спартой. В 229 г. Клеомен занял эти города, опять-таки не встретив сопротивления (Polyb. 2,46,2; 2,57,1 sq). Сторонники Ахейского союза были в этих полисах немногочисленны и не имели там особого влияния. Поэтому Арат, рассчитывавший на их помощь, не смог взять Орхомен и Тегею внезапным налетом (Plut. Cleom. 4,2 sq), Орхомен впоследствии безуспешно осаждал (Plut. Cleom. 7,6). Кафии и Мантинею он захватил после ожесточенной борьбы, причем в Мантинее вследствие почти единодушной враждебности граждан и явной слабости проахейской группировки он был вынужден дать гражданские права части метеков, поселить в этом полисе ахейских клерухов и поставить в городе наемный гарнизон (Polyb. 2,57,2 sqq; 4,8,4; Plut. Ar. 36,2; Plut. Cleom. 4,7; Paus 2,8,6). Обращает внимание на важное обстоятельство: все это происходило еще до осени 227 г., т. е. в то время, когда в Спарте еще царил консервативный режим и о планах Клеомена никто не догадывался. Поэтому несостоятельны попытки объявить тамошних клеоменистов «народной партией», «демократическими элементами», «безземельными крестьянами», а их немногочисленных противников — «богатыми землевладельцами», «высшим классом»⁶¹. Именно крупные земельные собственники всегда были сторонниками гегемонии консервативной Спарты в Пелопоннесе, именно их владения должны были пострадать в результате наделения земель ахейских клерухов в Мантинее⁶².

Таким образом, уже до реформ в Спарте правящие группы в восточно-аркадских полисах, как и подавляющее большинство граждан различного достатка, зарекомендовали себя последовательными сторонниками лакедемонян. Поэтому сдачу Мантиinei и Кафий Клеомену вскоре после переворота в Спарте⁶³ не следует связывать с восстанием низов, тем более, что как раз города восточной Аркадии, как уже говорилось, оказали наиболее упорное сопротивление Антигону, причем уже в то время, когда нежелание Клеомена распространить реформы за пределы Лакедемона стало понятно всем. Наконец, после взятия

Мантиinei Антигоном были казнены именно *οἱ ἐνδοξότατοι καὶ πρῶτοι* — «граждане первые и знатнейшие» (Plut. Ar. 45,6). В восточной Аркадии, как мы видим, старые связи со Спартой и враждебное отношение к Мегалополью объединили в одном лагере все прослойки гражданского коллектива каждого полиса, так что здесь превалировали политические причины про-спартанского движения.

Мегалополь. И в этом полисе главную роль сыграла традиционная политическая ориентация. Мегалополиты единодушно сопротивлялись Клеомену и несли огромные жертвы как до социального переворота в Спарте, так и после него. Подтверждает это, помимо упоминавшихся ранее фактов, еще одно любо-

пытное обстоятельство: тот самый Керкид, который столь решительно обличал в своих произведениях алчность собственников, призывая их поделиться своими богатствами с неимущими согражданами⁶⁴, был один из инициаторов мегалопольского посольства в Македонию и его участником (Polyb. 2,48,4 sqq), командиром мегалопольского отряда при Селласии (Polyb. 2,65,3), т. е. последовательно боролся против Клеомена (уже после его реформ) всеми средствами. Полибий (2,55,8) подчеркивает, что клеоменистов в его родном городе не было вообще. Правда, он забывает упомянуть о том, что «письмоносцами» (Polyb. 2,61,4), которых Клеомен прислал к бежавшим в Мессению мегалополитам с предложением вернуться в город и подчиниться ему, были «самые знатные и влиятельные из граждан Мегалополя» (Plut. Cleom. 24,2) Лисандрид и Феарид. Последний, вероятно, был дедом Полибия (ср.: Syll.³ 626). Однако эти люди взяли на себя подобную миссию лишь в самой отчаянной ситуации, когда городу, покинутому жителями, грозила гибель, так что «клеоменистами» их назвать трудно. Напомним, что на собрании мегалополитов в Мессении Клеомену был дан категорический отказ.

Северная и западная Аркадия. Здесь, по крайней мере в четырех полисах, не было массового движения бедноты за переход на сторону Спарты. Герею и Алею Клеомен взял еще до реформ в Лакедемон (Plut. Cleom. 7,5); в Стимфале клеоменистов вообще не оказалось (Polyb. 2,55,8), так что этот город, вероятно, остался верен Ахейскому союзу; Клейтор, кажется, был сдан Клеомену, но, как подчеркивает Полибий (2,55,9), не в результате всеобщего сочувствия Клеомену, а стараниями одного человека, некоего Феарка, который не имел в городе большого авторитета. После реформ в Спарте Клеомен занял Феней (Polyb. 2,52,2; Plut. Ag. 39,4; Cleom. 17,6), но неизвестно, при каких обстоятельствах. Тельфуса, которую Антигон в 223 г. отнял у спартанцев (Polyb. 2,54,12 sq), вполне могла быть захвачена Клеоменом до осени 227 г.⁶⁵ Ничего нельзя сказать о судьбе Лусов и Кинефы, поскольку они вообще не упоминаются в источниках, повествующих о событиях Клеоменовой войны. Возможно, с периодом 229 — 222 гг. связан один из этапов ожесточенной внутренней борьбы в Кинефе, сопровождавшейся в течение «долгих лет» переворотами, казнями политических противников, изгнаниями, конфискациями имущества и переделами земли (Polyb. 4,17,4 sqq). После Клеоменовой войны за пределами Кинефы находилось примерно 300 изгнанников (Polyb. 4,17,9) — вероятно, не менее трети граждан этого маленького полиса⁶⁶. Поскольку к тому времени городом правили уже сторонники Ахейского союза (Polyb. 4,17,5), то не исключено, что часть эмигрантов в свое время поддерживала Клеомена. Однако считать этих людей борцами за отмену долгов и уравнивание земельных владений по спартан-

скому образцу и предполагать, что Клеомен провел в Кинефе такие же реформы, как в Лакедемоне⁶⁷, вовсе не обязательно. Во-первых, как уже говорилось ранее, Кинефа скорее всего вошла в Ахейский союз еще в годы Деметриевой войны, а это вполне может означать, что господство «ахейской» партии в этом городе не прерывалось и во время войны с Клеоменом. Во-вторых, если клеоменистам удалось захватить власть в Кинефе (до или после реформ в Спарте), то очередной $\gamma\eta\varsigma\ \alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\mu\omicron\varsigma$ (Polyb. 4,17,3) в этом маленьком полисе, имеющем самую малоприспособленную для жизни область во всей Аркадии (Polyb. 4,19,5), представлял собой не копию земельной реформы Клеомена в обширном и плодородном Лакедемоне, а один из способов расправы с побежденной партией: конфискацию земельных владений в пользу победителей. Такая расправа, вовсе не имевшая целью борьбу за создание «общины равных», известна нам и по событиям конца 240-х гг., когда неудачное нападение Арата на Кинефу привело к уничтожению его сторонников в городе (Polyb. 9,17,8). О составе противоборствовавших в Кинефе группировок мы не имеем никаких сведений.

Арголида и Актэ. В отличие от полисов восточной Аркадии Аргос являлся исконным врагом и соперником Спарты. Аргивянин Аристомах внес немалый вклад в дело развязывания Клеоменовой войны. Тем значительнее выглядит факт добровольной — впервые за всю историю Аргоса — сдачи города Клеомену в 225 г. (Polyb. 2,52,2; Plut. Ag. 39,5; Cleom. 17,7 sq.). В этом городе незадолго до того стоял ахейский гарнизон из всадников и наемников (Plut. Cleom. 17,7), что свидетельствовало о ненадежности Аргоса и об отсутствии надежд на то, что аргивяне, подобно мегалополитам, будут сражаться за свой город до конца. В Аргосе, безусловно, были сторонники Клео-

мена, в числе которых были и рядовые граждане (то $\pi\lambda\eta\theta\omicron\varsigma$), ожидавшие от спартанского реформатора отмены долгов (Plut. Cleom. 20,5), и некие имущие и влиятельные «предатели», собственность которых была впоследствии подарена Антигону (Plut. 44,5), в том числе бывший тиран и ахейский стратег Аристомах (Polyb. 2,59,1 sqq; Plut. Ag. 44,6). Аристомах каким-то образом помог Клеомену договориться с аргивянами, надеясь на новый подъем в своей политической карьере, которая фактически закончилась для него как для одного из лидеров Ахейского союза (Polyb. 2,60,6). Не исключено, что именно он привлек на сторону Клеомена народную массу, обещая скорую отмену долгов. Что касается позиции аргосских собственников, то они либо также склонялись на сторону Клеомена, либо вели себя пассивно. Никаких реформ или репрессий не последовало, друзья Арата спокойно проживали в городе (Plut. Ag. 44,2). Но все же, вопреки утверждениям А. Феррабино и Р. Урбана⁶⁸,

главную поддержку Клеомену оказали здесь не имущие слои гражданства, а обремененный долгами простой народ, судя по тому, что аргивяне довольно скоро восстали против спартанской гегемонии, убедившись в отсутствии у Клеомена планов каких-либо социальных реформ вне Лаконии (Plut. Cleom. 20,5).

Добровольно Клеомену сдались также другие полисы в этой части Пелопоннеса — Флиунт, Клеоны, Эпидавр, Гермiona, Трезен (Polyb. 2,52,2; Plut. Ag. 39,5 40,7; Plut. Cleom. 19,6). Положение здесь в конце Клеоменовой войны нам неизвестно, как неизвестны и причины перехода этих городов на сторону Спарты. Впрочем, ранее Флиунт обычно ориентировался на Лакедемон (Xen. Hell. 6,5,29; 7,2,2 sqq; Paus. 1,25,4), что могло повлиять на решение его граждан и в 225 г. Значительную роль должна была сыграть военная слабость всех этих полисов, которые не получили никакой поддержки от федерации. Все они так же, без сопротивления, вернулись затем в антиспартанский лагерь (Plut. Ag. 44,5).

Ахайя. В области коренных ахейцев тоже появились сторонники Спарты, судя по замечанию Полибия (2,55,8) о существовании клеоменистов во всех полисах, кроме Стимфала и Мегалополя. Однако непохоже на то, что они составляли здесь значительную часть гражданского населения. После реформ в Спарте Клеомен подошел к Фарам, потом к Диме и даже отрезал ее от федеральной армии, стоявшей неподалеку (Plut. Cleom. 14,2 sqq), однако проникнуть в сам город даже не пытался. В 225 г. он внезапным ударом захватил Пеллену, изгнав ахейский гарнизон и заставив бежать ахейского стратега (Polyb. 2,52,2; Plut. Ag. 39,4; Cleom. 17,6)⁶⁹. Нет никаких оснований, чтобы говорить о восстании граждан Пеллены под социальными лозунгами⁷⁰ или ради мщения Арату за то разорение, которому подвергся город по его вине в 241 г.⁷¹ Определенное значение скорее имело то обстоятельство, что в V — IV вв. Пеллена была одним из самых верных союзников Спарты и оставалась на ее стороне даже тогда, когда остальная Ахайя находилась в другом лагере. Может быть, эти старые традиции не позволили пелленянам активно сопротивляться Клеомену, а может быть, здесь, как и в остальных городах Ахайи, нарастало недовольство беспомощностью федеральных лидеров или лично Арата. В любом случае, надо отметить, что в Ахайе с ее стабильными консервативными режимами признаки социальных волнений неизвестны вплоть до римской эпохи. Что касается негативного отношения к Македонии, то оно тоже могло вызывать недовольство в полисах Ахайи, в частности, поездкой Арата Младшего к Антигону. Но затем, как мы видели, в Эггине, на собрании представителей Ахайи и Мегалополя все же прошло решение о приглашении Антигона в Пелопоннес.

Сикион, Коринф, Мегары. В развитых торгово-ремесленных

центрах Сикионе и Коринфе движение клеоменистов было массовым, что должно не в последнюю очередь объясняться тяжелым положением ремесленников и мелких торговцев, характерным для эллинистической эпохи. И здесь реформы Клеомена могли породить надежду на возможность отмены долгов с его помощью. Но нельзя не замечать и существования серьезных политических причин, которыми можно объяснить решительность действий проспартанских групп в обоих этих городах.

В Сикионе клеоменисты собирались в 225 г. сдать город лакедемонянам (Plut. Ag. 39,4; Cleom. 17,7), и туда по этой причине был введен федеральный гарнизон (Plut. Cleom. 17,7). Плутарх (Ag. 40,1) отмечает многочисленность сторонников Спарты в Сикионе, характеризуя их вслед за Аратом как приверженцев неких претендентов на роль тирана, уже давно враждебно относившихся к Ахейскому союзу. Конечно, тираническое правление в Сикионе, продолжавшееся в общей сложности полвека, пустило здесь глубокие корни. В 225 г. еще живы были те чьи интересы были ущемлены в результате свержения тирании и возвращения изгнанников; они-то и могли проявить наибольшую активность, устанавливая сношения с Клеоменом и обещая демосу отмену долгов⁷². Впрочем, замечание источника может иметь в виду и более молодых соискателей единоличной власти, которые обычно проявлялись в обстановке смуты, растерянности, паники после серьезных военных, поражений, а ситуация 225 г. выглядела именно такой. В таком полисе, как Сикион, спекуляция на социальных проблемах могла принести им успех, однако карательные меры, предпринятые Аратом, свели на нет движение клеоменистов в этом городе, и впоследствии Сикион стойко выдерживал осаду, когда спартанское войско стояло у его стен (Polyb. 2,52,2; Plut. Ag. 40,2; 42,1).

Та же фраза Плутарха (Ag. 40,1), связывающая активность сторонников Клеомена с происками тех, кто давно стремился к тирании, относится и к Коринфу. И здесь большое значение имела позиция многочисленных *εργαστηριακῶν καὶ βαναυσῶν ἀνθρώπων* (Polyb. 38,12,5), т. е. ремесленников и мелких торговцев, страдавших от задолженности. Все же обратим внимание на отличие ситуации в Коринфе от положения в Аргосе и Сикионе: позиция коринфян оказалась гораздо более твердой, в поддержке Клеомена они проявили полное единодушие и упорство даже после того, как выяснилось, что отмены долгов не будет⁷³. Когда армия Антигона начала наступление на Коринф, граждане города сражались на стороне спартанцев «с большим рвением» (Plut. Ag. 44,1). Незадолго до перехода Коринфа на сторону Спарты Арат столкнулся в этом полисе со всеобщей враждебностью и не смог найти здесь никакой опоры среди отдельных политических групп (Polyb. 2,52,3; Plut. Ag. 40,2 sqq;

Cleom. 19,1 sq). Поэтому надо полагать, что в Коринфе главной причиной отделения от Ахейского союза были не социальные чаяния народных масс⁷⁴, не подрывная деятельность претендентов на тираническую власть⁷⁵, хотя и то, и другое имело место и здесь, а всеобщая оппозиция идее приглашения македонян в Пелопоннес и передачи им Акрокоринфа⁷⁶ (Polyb. 2,51,6; Plut. Ag. 42,3; Cleom. 19,9). Македонское владычество в Коринфе оставило у граждан недобрые воспоминания, к Антигонидам они не испытывали ни малейшей симпатии. По-видимому, Филарх имел в виду прежде всего коринфян, говоря, что «некоторые» вспыхнули ненавистью к Арату из-за начала переговоров с Антигоном (Plut. Cleom. 17,5).

Наконец, Мегары, прежде важный торгово-ремесленный центр Греции, а ныне пришедший в упадок второстепенный полис с небольшим населением, перешли «с согласия ахейцев» в Беотийский союз, когда Клеомен появился на Истме (Polyb. 20,6,8). Беотия к тому времени уже стала союзником Македонии и ахейцев (Syll.³ 519; Polyb. 2,49,6; 2,65,4), так что этот шаг был вызван стремлением и Мегар, и ахейского руководства спасти город от оккупации его Клеоменом, поскольку тогда, видимо, не было официального состояния войны между Спартой и Беотией. Мнение М. Фейеля, что ахейцы передали Мегары Беотии в качестве платы за будущую военную помощь⁷⁷, вызывает определенные сомнения⁷⁸: в это время главное значение имела позиция самих граждан этого полиса. В любом случае ясно, что движение клеоменистов в Мегарах не было массовым и не имело никаких серьезных последствий.

Такой обзор ситуации в отдельных частях Ахейского союза в период наибольших успехов Клеомена дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, представление о том, что Клеомену повсеместно помогала беднота, а правящие группы собственников испытывали страх перед ним как народным вождем и социальным реформатором, является явным отступлением от исторической реальности и подсказано в значительной степени тенденциозными обобщениями Филарха. Социальный фактор сыграл определенную роль в углублении кризиса Ахейской федерации, и напрасно Р. Урбан напрочь отрицает его значение, но этот фактор был не единственным, а в целом ряде полисов, вероятно, даже почти во всех, — и не главным. Во-вторых, как показывает пример Аргоса, именно там, где социальные мотивы привели массу граждан в лагерь Клеомена, поддержка Спарты оказалась недолгой, и быстро наступало разочарование. Напротив, там, где были восстановлены прерванные ахейцами старые прочные связи со Спартой, где сама возможность возвращения македонян в Пелопоннес заставляла целые гражданские коллективы встать на сторону Клеомена без какой-либо внутренней борьбы, — как раз в этих областях союза Антигон впоследствии встретил действительно упорное соп-

ротивление. В-третьих, свой вклад в дестабилизацию обстановки внесли и отдельные честолюбцы типа Аристомаха, увидевшие возможность с помощью Клеомена и социальной демагогии вернуть свои полисы во времена господства тиранов. В-четвертых, усталость от войны и непрерывных поражений, неверие в способность Арата и других ахейских лидеров обеспечить городам союза мир на приемлемых условиях, и, тем более, добиться победы, военная слабость отдельно взятых ахейских полисов — и эти обстоятельства сыграли свою роль почти повсеместно, причем они должны были повлиять на позицию как народной массы, так и правящих кругов в городах федерации.

Кризис Ахейского союза в последние годы Клеоменовой войны, таким образом, был вызван конкретными историческими причинами. Он вовсе не являлся неизбежным следствием несовершенства и непрочности федеративной системы и, тем более, бесперспективности самого федеративного движения в Пелопоннесе. Четыре года (с лета 229 по лето 225 г.) Ахейский союз вел изнурительную войну со Спартой, терпя поражение за поражением. Совершенно очевидна была военная слабость федерации, вызванная главным образом отсутствием в федеральном руководстве времен Арата настоящих полководцев и военных организаторов, подобных Филопемени, а поэтому — архаичным вооружением войск, несогласованностью (как при Ладоксиях) действий отдельных частей, пассивной и робкой тактикой на поле сражения. Клеомен как военачальник неизмеримо превосходил Арата, Гипербата и других ахейских вождей. И тем не менее, даже вступившие в союз сравнительно недавно и не по доброй воле полисы сохраняли верность ахейцам все это время, имея немало возможностей покинуть федерацию и встать на сторону постоянно побеждавшего ахейцев Клеомена. Исключение составляет восточная Аркадия, но участие ее городов в Ахейском союзе до Клеоменовой войны было очень кратковременным, в то время как связи со Спартой имели долгую историю, поэтому позиция их в 229 — 226 гг. не показательна для ахейских полисов в целом. Союз начал разваливаться на составные части только в полстине безвыходной ситуации лета и осени 225 г. Возрожденное Клеоменом мощное милитаристское государство в Лакедемоне выступило в роли сильнейшего дестабилизирующего фактора, под воздействием которого Ахейская федерация едва не исчезла с политической карты Греции и сохранилась лишь благодаря установлению над ней македонского протектора.

Говоря об итогах Клеоменовой войны, особо подчеркнем, что возвращение македонян в Пелопоннес вовсе не означало восстановления ситуации, существовавшей здесь до 250 г. Антигон Досон, в отличие от своих предшественников, предпочел не бороться с федеративным движением, а приспособить его к инте-

ресам Македонии. Он не вернулся к методу насаждения марionoточных тираний в отдельных полисах, а наоборот, помог Арату восстановить единство федерации в тех границах, в каких она существовала накануне кризиса. Впрочем, Акрокоринф, Орхомен и Герею он оставил за собой в качестве опорных пунктов для возможных новых военных кампаний в Пелопоннесе (Polyb. 4,6,5 sq; Liv. 28,8,6; 32,5,4; 33,34,9; Plut. Ag. 45,1)⁷⁹. Подчинение Ахейского союза Македонии официально было оформлено следующим образом. Осенью 224 г. на синоде в Эгии было провозглашено создание союзной организации, возглавляемой Антигоном, которая получила в научной литературе название Эллинской Лиги⁸⁰. В нее вошли, помимо Ахейской федерации, Беотия, Акарнания, Эпир, Фессалия, Фокида (Polyb. 2,65,4; 4,9,4; 4,15,1 sq), может быть, также Эвбея и опунтская Локрида (Polyb. 11,5,4), если они представляли собой суверенные государства. Антигон возродил многие принципы, на которых в свое время основывалась Коринфская Лига Филиппа II, Александра, а затем Деметрия Полиоркета⁸¹. В частности, при образовании Лиги был провозглашен «всеобщий мир» (Polyb. 4,3,8), лозунг невмешательства во внутренние дела союзных государств (Polyb. 4,24,4 sq); сам союз был закреплен договором или несколькими договорами (ομόλογια Polyb. 4,15,2) и клятвами в верности (Polyb. 4,9,4). В особом положении находился гегемон — македонский царь: в официальных актах он упоминался отдельно от «союзников» (Syll.³ 518; Polyb. 7,9,5), командовал союзными войсками единолично «на суше и на море» (Plut. Ag. 38,9), отдавал приказ об их сборе в определенное место (Polyb. 5,17,9; 5,20,1), созывал на совет Лиги представителей союзников (Polyb. 4,22,2; 5,102,8). Важнейшие вопросы решались гегемоном и советом союзников на паритетных началах (Polyb. 4,9,3; 4,13,6 sq; 4,25,1 sqq; 5,103,1 sqq), решение закреплялось коллективным постановлением (ψηφισμα: Polyb. 4,25,6). Естественно, какие-либо враждебные акции союзников против гегемона были запрещены (Polyb. 4,16,5).

Отметим, однако, два принципиально новых явления, отличавших эту Лигу от панэллинских союзов IV в. Во-первых, членами симмахии Досона были не отдельные полисы, а их объединения. Во-вторых, общее постановление подлежало ратификации во всех союзных государствах (Polyb. 4,26,2; 4,26,7; 4,30,2; 4,30,6)⁸². Поэтому исследователи правильно подчеркивают, что устройство Лиги явилось результатом компромисса между Антигоном и греками, что македонский царь был вынужден признать необратимость федеративного движения в Элладе и считаться с этим⁸³. Вот почему нельзя утверждать, что восстановление македонской гегемонии означало конец всего, что создавали долгие годы Арат и другие деятели Ахейского союза. Боль-

шое федеративное государство в Пелопоннесе продолжало существовать и развиваться и после 224 г., теперь уже под опекой и защитой Македонии.

Можно было бы, подобно Ф. Уолбэнку, закончить повествование о Клеоменовой войне на оптимистической ноте⁸⁴, однако не следует забывать о том, какой ценой досталась ахейцам победа над Спартой. Прежде всего, союз утратил подлинную независимость. Помимо того, что ахейцы участвовали теперь в Лиге, гегемоном которой являлся Антигон, зависимость их государства от Македонии приобрела такие черты, которых не могло быть в те годы, когда гегемоном Ахейского союза был Птолемей. Находясь в Пелопоннесе, Антигон вмешивался во внутренние дела ахейских городов (Polyb. 2,54,2; 2,70,4; 5,93,8), поставил свои гарнизоны в Акрокоринфе, Орхомене и Герее, которые так и остались там после окончания войны, напоминая ахейцам об их зависимом отныне положении. Возвращаясь в Македонию, Антигон назначил Тавриона, одного из своих при-

ближенных, своеобразным протектором Пелопоннеса (ο ἐπὶ τῶν κατὰ Πελοποννησίου: Polyb. 2,87,8; 4,6,4) и дал ему какое-то войско (Polyb. 4,10,2). Со своей стороны, ахейцы дали обязательство не иметь никаких отношений, включая даже переписку, с другими царями без ведома Антигона (Plut. Ar. 45,2)⁸⁵. Ежегодно давались клятвы в верности македонскому монарху (Liv. 32,5,4). Специальным законом было запрещено предлагать ахейскому собранию решения, противоречащие условиям союза с Македонией (Liv. 32,22,3). Иными словами, ахейцам была оставлена возможность независимой внешней политики лишь настолько, насколько это не угрожало интересам Македонии.

В корне изменилась и официальная идеология Ахейского союза. Взамен лозунгов «общей свободы», «освобождения порабощенных», придававших определенную привлекательность федеративному движению в Пелопоннесе, теперь во главу угла ставилась преданность македонскому царю. Вначале в Сикионе, а потом и в других полисах стали праздноваться «Антигонии», сопровождавшиеся жертвоприношениями, торжественными процессиями, состязаниями (Polyb. 2,70,5; 28,19,3; 30,29,3; Plut. Cleom. 16,7). По инициативе Арата, в его стратегию⁸⁶ разграбленная македонянами Мантинея, жители которой по решению Антигона и ахейских властей были проданы в рабство, была заселена ахейскими колонистами и названа Антигонией (Plut. Ar. 45,8 sq; Paus 8,8,11 sq)⁸⁷, где отныне Досон почитался как «спаситель и благодетель» (IG. V.2. 229). Все это не могло не способствовать потере былого престижа Ахейского союза в глазах греков, хотя к тому времени подобные изъявления преданности эллинистическим царям в Греции стали делом обычным.

Как выяснилось впоследствии, в 224 г. были окончательно похоронены все возможности подлинно независимого развития федеративной Эллады, возникшие было в конце Деметриевой войны. При Филиппе V македонский диктат принял еще более жесткие формы, так что Антигона ахейцы затем вспоминали как повелителя сравнительно мягкого и справедливого⁸⁸. В 198 г. Ахейский союз избавился от македонского протектората, но лишь затем, чтобы оказаться в зависимости от Рима. Эта зависимость с течением времени возрастала до тех пор, пока в 146 г. не вспыхнуло восстание ахейцев против Рима, закончившееся поражением и роспуском Ахейского союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возрождение союза полисов Ахайи и превращение его в обширное федеративное государство можно считать еще одним проявлением общей закономерности, свойственной эллинистической эпохе. Интеграция полисов и их участие в больших государственных образованиях оказались неизбежными следствиями кризиса и видоизменения греческой гражданской общины. Обычно такое объединение полисов происходило под эгидой эллинистической монархии, однако специфические условия, в которых оказались государства Пелопоннеса в начале и середине III в. до н. э., равно как и традиции классической эпохи, способствовали тому, что интеграция полисов пошла здесь, как и в ряде других областей Эллады, по иному, федеративному пути. Новые тенденции пробивали себе дорогу далеко не безболезненно, создателям федерации пришлось вести ожесточенную борьбу против Македонии и ее сателлитов на юге Греции, против партикуляризма, который оказался достаточно живучим во многих полисах, затем — против гегемонистских претензий Спарты. При создании и расширении союза часто использовались различные способы насильственного присоединения полисов, однако Ахейская федерация ни в коей мере не была милитаристским государством и даже по греческим масштабам не обладала значительной военной мощью. Поэтому прочность и жизнеспособность этого государственного объединения можно объяснить прежде всего его удачной организацией, привлекательностью самого федеративного принципа, заинтересованностью полисной элиты в укреплении федеративных связей.

Своими успехами и неудачами, сильными и слабыми сторонами Ахейский союз в значительной степени был обязан Арату, история федерации в 250 — 221 гг. несет на себе определенный отпечаток его личности. Этот трезвый и расчетливый, зачастую неразборчивый в средствах политик, искусный дипломат и плохой полководец, враг тирании и поборник эллинистической «демократии» направил Ахейский союз на путь активной экспансии под лозунгом освобождения Пелопоннеса от македон-

ского господства и тиранических режимов. Именно его стараниями в федерацию вошли Сикион, Коринф и многие другие полисы южной Греции, был заключен ахейско-этолийский союз, который мог бы привести в перспективе к установлению долгожданного мира и единства в независимой Элладе. Авторитет и влияние Арата среди ахейцев были огромны, долгие годы он практически единолично определял политический курс государства. Беда Ахейского союза заключалась в том, что в изменившихся обстоятельствах 220-х гг. федерации требовался уже совершенно иной руководитель, талантливый военачальник и военный организатор, способный противостоять Клеомену, но господство в федеральных органах консервативной группировки сторонников Арата оказалось непреодолимым препятствием на пути любых перемен. Итогом явилась целая серия разгромных поражений в Клеоменовой войне, поставившая под вопрос само существование Ахейского союза. Кризис, вызванный и целым рядом других причин, в том числе обострением социальных проблем в годы тяжелой войны, был преодолен только ценой утраты подлинной независимости в результате восстановления македонской гегемонии в Пелопоннесе.

Федеративное движение было, пожалуй, наиболее примечательным явлением в политической жизни Греции III в. Оно еще раз продемонстрировало, с одной стороны, неискоренимое стремление греческих гражданских общин к обособленности и самостоятельности, даже в условиях далеко зашедшего кризиса полистных устоев, а с другой — присущий древней Элладе навык оригинального политического творчества, непрерывного поиска новых, более отвечающих историческим условиям государственных форм. Пример Ахейского союза показывает, что уже в античную эпоху был известен и плодотворно применялся принцип федерализма, получивший широкое распространение в современном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ I

- ¹ $\epsilon\upsilon\mu\eta\mu\alpha\tau\alpha$ (Polyb. 2,47,11; Plut. Ar. 3,3; 32,5; 33,3; 38,6; Cleom. 16,4), $\epsilon\upsilon\mu\eta\mu\alpha\tau\iota\sigma\mu\omicron\iota$ (Polyb. 2,40,4).
- ² $\alpha\rho\nu\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (Plut. Ar. 33,3), $\alpha\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\zeta\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (Plut. Ar. 38,11; Agis. 15,2).
- ³ О Филархе см.: Ollier F. *Le mirage spartiate*. V. 2. P., 1943. P. 88 suiv.; Kroymann J. *Phylarchos* // RE. Suppl. Bd. VIII. 1956. Sp. 471 ff.; Gabba E. *Studi di Philarco. Le biografie Plutarchee di Agide e di Cleomene* // *Athenaeum*. V. 35. 1957. P. 3 sqq., 193 sqq.; Africa Th. *Phylarchus and the Spartan revolution*. Berkeley — Los Angeles, 1961.
- ⁴ О Филархе как историке риторической школы, последователе Эфора и Феопомпа см. указанные выше работы. Очень убедительно о разнице в стиле между Филархом и Аратом свидетельствует описание у этих двух авторов одного и того же события — изгнания этолийцев из Пеллены (Plut. Ar. 32,1 sqq). Полибий (2,56,10 sqq) считает Филарха скорее трагиком, чем историком.
- ⁵ Возможно, что отчасти или даже полностью по Динию написаны 25 — 27 главы биографии Арата у Плутарха, где речь идет о борьбе ахейцев с тиранами Аргоса.
- ⁶ Из новейшей литературы о жизни, творчестве и взглядах Полибия см.: Мирзаев С. Б., Полибий. М., 1986; Pédech P. *La méthode historique de Polybe*. P., 1964; Lehmann G. *Untersuchungen zur historischen Glaubwürdigkeit des Polybios*. Münster, 1967; Petzold R.-E. *Studien zur Methode des Polybios und zu ihrer historischen Auswertung*. München, 1969; Walbank F. *Polybios*. Berkeley — Los Angeles, 1972; Polybe. *Neuf exposés suivis de discussions*. Genève, 1974.
- ⁷ Valetton I. *De Polybii fontibus et auctoritate disputatio critica*. Utrecht, 1879. P. 206 sqq; von Scala R. *Die Studien des Polybios*. Stuttgart, 1890. S. 268. Сомнения в этом: Pédech. Op. cit. P. 378 suiv.
- ⁸ Полибий (2,70,6) именно по Филарху описывает смерть македонского царя Антигона Досона (ср.: Plut. Cleom. 30,2 sqq), жизнь Клеомена III в Египте и его гибель (Polyb. 5,35,1 sqq, ср.: Plut. Cleom. 32,1 sqq).
- ⁹ См. по этому поводу убедительную аргументацию в работе: Petzold. Op. cit. S. 100 ff.
- ¹⁰ О времени написания и пропагандистской цели полибиевой $\pi\alpha\rho\alpha\lambda\lambda\alpha\kappa\alpha$ (т. е. ахейской части «Введения»), о ее несоответствии историографическим принципам «Всеобщей истории» в целом см.: Gelzer M. *Die Achaica im Geschichtswerk des Polybios*. B., 1940. S. 1 ff; Petzold. Op. cit. S. 25 ff, 85 ff, 183. Петцольд правильно отмечает параллель, проводи-

мую в труде Полибия, между ростом Римской державы и возвышением Ахейского союза; менее убедительно звучит его предположение о том, что в конце жизни Полибий пришел к мысли о противопоставлении грубой силы Рима этически безупречным успехам ахейцев. Кажется, он все же старался избежать такого противопоставления (Walbank F. Polybius between Greece and Rome // Polybe. Neuf exposés... P. 23 ff.).

- ¹¹ Клеомен как тиран, принесший беды Спарте: Polyb. 2,47,3; 4,81,14; 9,23,3; 9,29,8; 9,36,4; 23,11,5. Полибий все же признает достоинства Клеомена как полководца и царя: 2,53,4; 2,65,11; 2,66,4; 5,39,6; 9,23,3. Отзывы его об этолийцах: 2,3,3; 2,4,6; 2,43,9; 2,45,1; 2,46,3; 2,49,3; 4,3,1 и т. д.
- ¹² О дословных или почти дословных заимствованиях у Полибия в сочинении Тита Ливия см.: Nissen H. Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. B., 1863; Tränkle H. Livius und Polybios. Basel — Stuttgart, 1977; Walbank F. A historical commentary on Polybios. V. 3. Oxf., 1979. P. 1 ff.
- ¹³ Об этом свидетельствуют: прямые ссылки на мемуары Арата (Plut. Ar. 32,5; 33,3; 38,11), описание ряда событий с такими подробностями, которые могли содержаться только в «Воспоминаниях» (гл. 4—9, 12—13, 16—23, 40—44), выгодное именно для Арата освещение некоторых конфликтов (30,5 sqq и др.).
- ¹⁴ То, что в основе этих биографий лежал труд Филарха, легко доказывается и обилием драматических эффектных сцен, типичных для этого историка, и постоянными ссылками на решающую роль роковых случайностей, и нередким появлением на страницах «Агиса» и «Клеомена» благородных женщин, героических и самоотверженных, как обычно у Филарха (см. работы, указанные в прим. 3, а также: Klatt M. Forschungen zur Geschichte des achäischen Bundes. B., 1877. S. 29 ff.). Прямые ссылки на Филарха: Plut. Agis. 9,2; Cleom. 28,2; 30,4. Совпадения отдельных пассажей Плутарха и сохранившихся у других авторов фрагментов Филарха: Plut. Cleom. 13; 26. — F. Gr. Hist. 81. F. 44; 57.
- ¹⁵ «Воспоминания» Арата цитируются и в жизнеописаниях спартанских царей (Plut. Agis. 15,4; Cleom. 16,4 sq; 17,4; 19,4 sq), а Филарх — в биографии Арата (38,12; исследователи предполагают также влияние Филарха на ход повествования у Plut. Ar. 17,2 sqq; 32,3 sq; 45,6 и др.).
- ¹⁶ Не без оснований Ф. Оллер считает биографии Ликурга, Агиса и Клеомена, принадлежащие Плутарху, апофеозом идеализации спартанской «общины равных» в древности. (Ollier. Op. cit. P. 215).
- ¹⁷ Декрет из Димы, посвященный деятельности местного клуба или товарищества (ερανος), эпиграфист М. Фейель объявил постановлением Ахейского союза (Feyel M. Sur une inscription de Dyme // REG. V. 56, 1943. P. 112 suiv.). С нашей точки зрения, это скорее декрет полиса. На это указывают многие детали надписи (GDI. 1615=SEG. XI. 1259 в чтении Фейеля). Не раз упоминается один-единственный α πολίς (v. 2,6,16), должности магистратов также городские, а не союзные (v. 2,4,10). Федеральные документы выставлялись в Гамарионе, этот декрет предписывается установить в храме Аполлона (v. 15). Если не считать произвольных конъектур Фейеля, то его предположение опирается на единственное место в тексте, где нарушителям декрета грозит атиния «καὶ ἐν τοῖς Ἀχαιοῖς καὶ κατὰ πολὺν» (v. 11). Указывая на отсутствие артикля в этом последнем выражении, Фейель переводит его так: «и по городам», из чего и делается вывод о том, что декрет издан союзом, а не одним полисом. Однако достаточно привести здесь выражение «Херсонесской присяги» τοῖς δαμιόργοις τοῖς κατὰ πολὺν» (Syll.³ 360, v. 18 sq), чтобы подтвердить правильность ста-

- рого понимания строки 11 декрета из Димы: «и среди ахейцев, и в городе».
- ¹⁸ Freeman E. History of federal government. V. 1. L., 1863.
- ¹⁹ Wahnert A. De Achaeorum foederis origine atque institutis. Borgiae, 1854; Weinert A. Die achäische Bundesverfassung. Demmin, 1881; Dubois. M. Les ligues étolienne et achéenne. P. 1885.
- ²⁰ Freeman. Op. cit. P. 257, 274.
- ²¹ Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 326.
- ²² Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. М., 1890.
- ²³ Там же. С. CCXXXVIII.
- ²⁴ Beloch K. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. IV. 1—2. Abt. B.-Lpz., 1925—1927 (далее — Beloch. GG. IV. 1, 2). Ахейский союз для Белоха — «самое совершенное творение в политической области, которое вообще удалось грекам в древности» (Ibid. IV. 1. S. 607).
- ²⁵ Niccolini G. La confederazione Achea. Pavia, 1914. P. 3 sg.
- ²⁶ Swoboda H. Die griechische Volksbeschlüsse. Lpz. 1890; Idem. Die Städte im achäischen Bunde // Klio. Bd. 12. 1912. S. 17 ff.; Idem. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. 6. Aufl. Tübingen, 1913 (далее — Swoboda. St. A.); Idem. Die griechischen Bünde und der moderne Bundesstaat. Prag, 1915; Idem. Zwei Kapitel aus dem griechischen Bundesrecht // SAWW. Bd. 199. Abh. 2. 1924. S. 1 ff.
- ²⁷ Ferrabino A. Il problema della unità nazionale nella Grecia. I. Arato di Sicyone e l'idea federale. Firenze, 1921.
- ²⁸ Walbank F. Aratus of Sicyon. Cambridge, 1933. Впоследствии Ф. Уолбэнк пересмотрел свои взгляды на некоторые вопросы, связанные с хронологией и фактами истории Ахейского союза, что отразилось в его комментариях к Полибию: Walbank F. A historical commentary on Polybius. V. 1—3. Oxf., 1957—1979 (далее: Walbank. Comm. I, II, III).
- ²⁹ Aymard A. Les assemblées de la Confédération achaienne. Bordeaux, 1938 (далее: Aymard. ACA).
- ³⁰ Larsen J. Representative government in Greek and Roman history. Berkeley — Los Angeles, 1955 (далее: Larsen. RG.); Idem. Greek federal states. Oxf., 1968 (далее: Larsen. FS.).
- ³¹ Giovannini A. Polybe et les assemblées achéennes // МН. V. 26. 1969. P. 1 suiv.; Idem. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen, 1971.
- ³² Urban R. Wachstum und Krise des Achäischen Bundes. 280—222 v. Chr. Wiesbaden, 1979.
- ³³ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950. С. 240 слл; Тарасенко В. С. Из истории образования Этолийского и Ахейского союза // Уч. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. 35. 1963. С. 201 слл; Он же. Ахейские политические деятели в освещении Полибия // Уч. записки Калининского гос. пед. ин-та. Т. 62. 1971. С. 98 слл; История древней Греции / Под ред. Кузищина В. И. М., 1986. С. 322 слл.
- ³⁴ Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980.

К ГЛАВЕ 2

- ¹ Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 31 сл.
- ² Свою точку зрения Т. В. Блаватская высказала, полемизируя с М. Ростовцевым, который делал акцент на другие причины упадка. Однако в отношении Пелопоннеса и Ростовцев пришел к такому же заключению (Rostovtseff M. The social and economic history of the Hellenistic world. Oxf., 1941. P. 206, 210).
- ³ Списки мегарских эфебов III в. (IG. VII. 27—31, 210—212, 214—218, 220—

222) настолько краткие, что приводят к выводу о сокращении числа военнообязанных граждан всего до 550 в Мегарах и 175 в Эгосфенах, городке Мегариды (подсчеты Белоха: Beloch K. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Lpz., 1886. S. 169 ff). К 45 г. до н. э. значительная часть Мегар представляла собой развалины (Cic. fam. 4,5,4). А ведь при Платеях Мегары выставили 4 тысячи гоплитов (Hdt. 9,28).

- ⁴ См. Tarn W. W. Macedonia and Greece // САН. V. 7. Cambridge, 1928. P. 212 (далее — Tarn. САН.); Rostovtzeff. Op. cit. P. 130 ff; 615 ff, 1200 ff, 1252 ff; Heichelheim F. An ancient economic history. V. 3. Leyden, 1970. P. 25 ff, 62 ff, 132 ff.
- ⁵ Heichelheim F. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus Iena, 1930. S. 97 ff, Tarn W. The social question of the third century // The Hellenistic age Cambridge, 1925 P. 115 ff, Rostovtzeff. Op. cit P. 208, 236.
- ⁶ О сохранении аграрного характера хозяйства в большинстве областей Пелопоннеса и в III в. см.: Rostovtzeff. Op. cit. P. 214. Сикион как центр ремесла и торговли: Geyer B. Sikyon // RE. Bd. II. A₂. 1923. Sp. 2530 ff; Griffin A. Sikyon. Oxf., 1982. P. 31 ff, 97 ff.
- ⁷ Lenschau T. Korinthos // RE. Suppl. Bd. IV. 1924. Sp. 1031; Heichelheim. An ancient economic history. P. 69; Rostovtzeff. Op. cit. P. 214, 624 (Ростовцев все же сомневается в расцвете Коринфа в III в.).
- ⁸ Beloch. Die Bevölkerung ... S. 158. Без особых на то оснований усомнился в этой цифре В. Вестерман (Westermann W. The slave systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. P. 32).
- ⁹ Положение в Спарте, где к середине III в. в руках всего сотни семейств сосредоточилась основная часть земли (Plut. Ag. 5,7) было вызвано специфическими условиями этого полиса, и главным образом — традиционным нежеланием спартиатов заниматься производительным трудом даже после того, как т. н. ретра Эпитадея фактически сделала клеры отчуждаемыми. Вряд ли в остальном Пелопоннесе и во всей Греции наблюдалось подобное противоестественное даже для тогдашнего полиса явление (как считают: Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. P., 1893. P. 406; Rostovtzeff. Op. cit. P. 209). Неравенство в распределении земельных владений бытовало повсеместно, но не доходило до такой степени. Когда 500 «богачейших» (Cic. de off. 2,23) граждан Сикиона вернулись после изгнания в родной полис, и Арат с помощью Птолемея II компенсировал им утрату недвижимости, то дома и земли каждого были оценены примерно в 2 тысячи драхм (Plut. Ag. 9,4 sq; 13,6; 14,1 sqq), что соответствует умеренному «гоплитскому» цензу в Афинах 322 г. (Diod. 18,18,4). В Мегалополе существовал слой крупных землевладельцев (οἱ κτηματικοί); сограждане в 217 г. потребовали от них уступить треть своей земли новым поселенцам (Polyb. 5,93,6). Показательно, что сами мегалополиты не претендовали на эти излишки, из чего можно заключить, что здесь расширение владений одних не привело, как это было в Спарте, к почти полному обезземеливанию остальных. Между тем, социальные противоречия и там были очень остры, что демонстрирует знаменитый мелнямб Керкида, бичующий вызывающую роскошь «денежных мешков», «расточителей», готовых удивиться за грош ростовщиков в разоренном и бедном городе (Cercidas. F. 1 Diehl³).
- ¹⁰ Tarn. The social question ... P. 108 ff; Rostovtzeff. Op. cit. P. 206 ff; Oliiva P. Die soziale Frage im hellenistischen Griechenland // Eirene. N. 12. 1974. S. 53 f.
- ¹¹ См. анализ эпиграфики эллинистических полисов Малой Азии: Свенцицкая И. С. К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 44 слл. Надписи балканской Греции в целом подтверждают впечатление о начавшем-

- ся отрыве права гражданства от права $\epsilon\upsilon\kappa\tau\eta\sigma\iota\varsigma$: сплошь и рядом то и другое дается параллельно.
- ¹² Маленький ахейский полис Дима продает гражданские права метекам, способным уплатить за это 1 талант (Syll.³ 529). Тритея в Ахайе торгует гражданством в рассрочку (Wilhelm A. Neue Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. I. Tl. // SAWW. Bd. 166. Abh. 1. 1911. S. 38).
- ¹³ Разумеется, при этом сыграли большую роль и такие факторы, как укрепление торговых и культурных связей, распространение панэллинских идей, изменившаяся международная ситуация в Средиземноморье.
- ¹⁴ Об этих и других новых явлениях в жизни полисов Греции в III в. см.: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 93 сл.; Cary M. A history of the Greek world from 323 to 146 B. C. L., 1932. P. 278 ff.; Rostovtzeff. Op. cit. P. 110 ff.; Klose P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972. S. 138 ff.; Gawantka W. Isopolitie. München, 1975. S. 43 ff.; 113 ff.; 207 ff.; Walbank F. The Hellenistic world. Brighton, 1981. P. 143 ff.
- ¹⁵ Перечень и систематизацию известных нам конфликтов в эллинистической Греции см. в работе: Fuks A. Social conflict in ancient Greece. Jerusalem — Leiden, 1984. P. 40 ff.
- ¹⁶ О содержании понятия «демократия» в эллинистической Греции см.: Jones A. The Greek city from Alexander to Justinian. Oxf., 1940. P. 168 ff.; Larsen J. Representation and democracy in Hellenistic federalism // CPh. V. 40. 1945. P. 65 ff.; Welwei W. Demokratie und Masse bei Polybios // Historia. Bd. 15. 1966. S. 282 ff.; Quass F. Zur Verfassung der griechischen Städte in Hellenismus // Chiron. Bd. 9. 1979. S. 51 f.; Ste Croix G. de. The class struggle in the ancient Greek world. Ithaca, 1981. P. 300 ff.
- ¹⁷ См.: Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 198 сл.
- ¹⁸ Fellmann W. Antigonos Gonatas, König der Makedonen, und die griechische Staaten. Würzburg, 1930. S. 47 ff.; Porter W. Plutarch's Life of Aratus. Kork, 1937. P. XXVI f.; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats — und völkerrechtlichen Beziehungen. Lpz., 1937. S. 56 ff.; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J. C.). T. I. Nancy, 1967. P. 194 suiv.; Walbank. The Hellenistic world. P. 95.
- ¹⁹ Критика точки зрения Фельмана: Жигунин В. Д. Греческие тирании под покровительством Македонии при ранних Антигонидеях // Казанский ун-т. Сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Право. История. Кн. 1. Казань, 1969. С. 122 сл.; Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 105. Прим. 4; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. S. 393, 404 f., 709.
- ²⁰ Plut. Pyrrh. 30.1. Практически все согласны с тем, что именно Аристипп был предшественником тиранов Аристомаха Старшего, Аристиппа Младшего и Аристомаха Младшего. Двое последних были сыновьями Аристомаха Старшего, но не он основал династию, ибо Аристомах Младший «происходил от тиранов» ($\epsilon\kappa\ \tau\upsilon\rho\alpha\nu\nu\omega\nu$ — множественное число у Polyb. 2,59,1; 2,59,5). Аристипп Младший явно носил имя деда по греческому обычаю. См. Васильевский. Указ. соч. С. 178. Прим. 1; Beloch. GG. IV. 1. S. 579; Tarn W. Antigonos Gonatas. Oxf., 1913. P. 280; Berve. Op. cit. S. 396; Tomlinson R. Argos and the Argolide from the end of the Bronze Age to the Roman occupation. L., 1972. P. 152; Mandel J. A propos d'une dynastie de tyrans à Argos // Athenaeum. V. 57. 1979. P. 294.
- ²¹ Это примерно конец 260-х гг. (Tarn W. The Arcadian league and Aristo-

demos//CR. V. 39. 1925. P. 106; Beloch. GG. IV. 2. S 633). Г. Берве предполагает, что до Аристодема в Мегалополе был еще один тиран

(судя опять же по *pluralis tyrannous* у Полибия: 10,22,2), причем пришедший к власти в том же 272 г., когда Антигон установил свое господство в Пелопоннесе (Berve. Op. cit. S. 711 f.).

- ²² Тирании в Ахайе, должно быть, появились там после перехода этой области от Кассандра к Антигону Одноглазому и Деметрию Полиоркету, но частью могли возникнуть уже при Гонате (Polyb. 2,41,10; Diod. 19,66,3 sqq; 20,103,4).

- ²³ Так же считают: Тагн. САН. Р. 220; Fellman. Op. cit. S. 63; Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 184.

- ²⁴ О младшей тирании в целом см., Фролов Э. Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.). Л., 1972.

- ²⁵ Может быть, поэтому такой популярностью в Мегалополе пользовался Аристодем (Paus. 8,36,5 о месте его захоронения, почитаемом мега-

лополитами), а аргивяне были настроены *εφελοδοῦλος* (т. е. удовлетворены режимом правящей династии: Plut. Ag. 25,5).

- ²⁶ Как это делал уже упомянутый Аристотим из Элиды (источники см. выше), а также сикионские тираны, изгонявшие «богатеиших» (Cic. de off. 2,23; *locupletissimi*) сограждан, и Аристомах Младший, казнивший восемьдесят «первых людей государства» (Polyb. 2,59,8). Поэтому нельзя согласиться с тем, что «тирания промакедонского типа являлась чаще всего способом классового господства эллинской рабовладельческой олигархии над неимущими и рабами» (Жигунин. Греческие тирании ... С. 121 сл.).

- ²⁷ Аристомах Старший, в частности, запретил всем без исключения гражданам Аргоса носить оружие (Plut. Ag. 25,2).

- ²⁸ О природе Ахайи см.: Anderson J. K. A topographical and historical study of Achaia // ABSA. V. 49. 1954. P. 74 ff.

- ²⁹ Около 25 тысяч человек к началу III в. по оценке Белоха (Beloch. Die Bevölkerung ... S. 129).

- ³⁰ Об известных нам фактах истории Ахайи в классическую эпоху см.: Larsen J. The early Achaean league // Studies presented to D. M. Robinson. Saint — Louis, 1953. P. 797 ff.

- ³¹ На том основании, что Ахайя того времени действовала всегда как единое целое, А. Джованнини усомнился в федеративном характере ахейского государства в IV в. (Giovannini. Untersuchungen ... S. 54 f.). Здесь надо отметить одну из существенных слабостей концепции Джованнини, который считает непрямым признаком деления области на суверенные полисы их взаимную вражду, что в действительности вовсе не обязательно.

- ³² В старой литературе было принято мнение о том, что в 324 г. Александр распорядился о роспуске Ахейского союза (Vischer W. Kleine Schriften. Bd. 1. Lpz., 1877. S. 355. An. 3; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia. 1. Tl. Gotha, 1893. S. 177; Swoboda. St. A. S. 227; Niccolini. Op. cit. P. 3). Основывалось это утверждение на испорченном тексте Гиперида (1,18), где привезенный в Грецию Никанором приказ Александра в какой-то

связи упоминал *τοὺς κοινούς συλλογούς Ἀχαιῶν τε καὶ Ἀρχα-*

[δ]ων [καὶ Β]οιωτῶν [v...] ». Когда же была обнаружена надпись из Эпидавра, которая в числе членов Эллинской Лиги Деметрия Полиоркета, созданный в 302 г., называет «ахейцев», а не отдельные полисы Ахайи (IG. IV² 1.68, v. 137.) А. Эймар с помощью этого факта и некоторых других доводов убедительно доказал, что приказ Александра требовал не роспуска союзов, а чего-то другого, например

учреждения его культа в федерациях (Aymard A. Un ordre d'Alexandre // REA. T. 39. 1937. P. 5 suiv.).

³³ Larsen. FS. P. 216.

³⁴ В списке Полибия нет четырех старых полисов Ахайи, упоминавшихся у Геродота (1,145) и некоторых других авторов: Гелика, в древности едва ли не самый значительный ахейский полис, погибла во время землетрясения 373 г. (Polyb. 2,41,7; Diod. 15,48; Strabo. 8,385; Paus. 7,7,2; 7,24,5 sqq; 7,25,4), Олен, Эги и Рипы к III в. превратились в незначительные селения (Strabo. 8,385; Paus. 7,18,1; 7,23,4; 7,25,12). Зато к этому времени появились два новых полиса, выросших из сел в города — Леонтий и Керинея, отсутствовавшие в списке Геродота.

³⁵ Датировка: Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zum Chremonidischen Krieg Wiesbaden, 1972 S. 85

³⁶ Точнее, во второй половине 281 г. или в начале 280 г., т. е. в 4 год 124 Олимпиады. Датировка вытекает из синхронизмов Полибия (2,41,1; 2,41,11): событие это произошло в 124 Олимпиаду, после смерти Птолемея I (283/2 г.), Лисимаха (281 г.), Селевка (конец лета 281 г.), незадолго до переправы Пирра в Италию (май 280 г.).

³⁷ Свобода считает это объединение исполнителем, хотя для четырех-, а не двустороннего соглашения такая форма была бы странной. Г. Бузольт называет союз полисов западной Ахайи симмахией, т. е. не государством, а военным альянсом (Swoboda. St. A. S. 375. An. 2; Busolt G. Griechische Staatskunde. 3. Aufl. München, 1920 — 1926. S. 1537. An. 1).

³⁸ Мищенко. Указ. соч. С. CLXXI; Freeman. Op. cit. P. 253; Walbank. Comm. 1. P. 233.

³⁹ Так надо, очевидно, понимать выражение Полибия (2,51,13) *εἰς τετράετη* (Pédech. Op. cit. P. 488 suiv.). Впрочем, по мнению ряда ученых, здесь Полибий считает не олимпийские годы (с августа по август), а ахейские (время пребывания в должности федеральных властей — с мая по май). В таком случае точкой отсчета служит 280/79 г., а «пятым годом» именуется 275/4 г. (Niese. Op. cit. 2. Tl. 1899. S. 242 ff.; Ferrabino. 7p. cit. P. 279; Walbank. Comm. 1. P. 234). Не подкреплено убе-

дительными доказательствами мнение Р. Эррингтона о том, что *εἰς τετράετη*

τετράετη » у Полибия означает «через четыре года», так как в счет идет и 281/280 г. Мы воздержимся от того, чтобы отказаться вслед за Эррингтоном от традиционного понимания подобных выражений у Полибия и принять его хронологию (Errington R. Philopoemen. Oxf., 1969. P. 266 ff).

⁴⁰ Walbank. Aratus ... P. 27; Errington. Op. cit. P. 9; Urban. Op. cit. S. 12. An. 40.

⁴¹ Датировка: Heinen. Op. cit. S. 100 ff, 139 f.

⁴² Об установлении непосредственной власти Антигона над Афинами после Хремонидовой войны см. Heinen Op. cit. S. 180 f.; Habicht Chr. Studien zur Geschichte Athens in hellenistischer Zeit. Göttingen, 1982. S. 13 ff.

⁴³ Гораздо менее вероятно, что эти полисы не входили в число «ахейцев» Хремонидова декрета и присоединились к Ахейскому союзу уже после войны — эта гипотеза Р. Урбана носит несколько искусственный характер (Urban. Op. cit. S. 11 f).

⁴⁴ Акарнанский союз в начале III в. возглавляют семь стратегов (Syll³ 421), после 230 г. — только один (IG. IX.² 1. 208, 209, 582, 583, 588). В Беотии единый стратег впервые упоминается у Полибия (20,4,2) под 243 г., хотя у Плутарха (Ag. 16,1) тот же магистрат — «беотарх». Однако позднее магистрату стратега в Беотийском союзе засвидетельствована надежно (Polyb. 20,6,2; 22,4,12; Liv. 33,1,3; 33,1,7; 42,43,9; GDI. 1872). Чрезмерным недоверием к точности источников вызвана

гипотеза о том, что стратегов в Беотийском союзе не было ни в III, ни даже во II в. и что термин источников *στρατηγός* praetor не носит технического характера (Roesch P. *Thespies et la confédération beotienne*. P., 1965. P. 112 suiv).

К ГЛАВЕ 3

- ¹ К началу 250 г. ему исполнилось 20 лет (Polyb. 2,43,3). Возражения Беллоха (Beloch. GG. IV. 2. S. 228 f.) против такой датировки рождения Арата основаны на том, что Арат стал стратегом в 143 г., а возрастной ценз не позволил бы ему принять участие в выборах, пока ему не исполнилось бы 30 лет. Однако мнение о наличии такого возрастного ограничения в Ахейском союзе само является весьма спорным, что мы мы постараемся показать в свое время.
- ² Сообщения Павсания (2,8,2) об этом событии весьма усложняют картину: у этого автора Тимоклид выступает как очередной тиран, правивший вместе с неким Эвтидемом и изгнанный из города Клинием. Предпочтительнее целиком принять версию Плутарха (т. е. мемуаров Арата), чем пытаться согласовать ее с сомнительной традицией Павсания, как это делают: Porter. Op. cit. P. 50; Berve. Op. cit. S. 394.
- ³ Потом Экдел и Демофан свергли тиранию в Мегалополе, помогли Арату сделать то же самое в Сикионе, дали законы Кирене, а в пожилом уже возрасте воспитывали юного Филопемена (Polyb. 10,22 sq; Plut. Ar. 5,1; 7,4 sq; Philor. 1,3 sqq; Paus. 8,49,2). В источниках их называют по-разному (Экдел и Экдем, Демофан и Мегалофан), здесь принята версия Плутарха, у которого эти имена повторяются в двух разных биографиях, что исключает ошибку переписчика.
- ⁴ Ferrabino. Op. cit. P. 20 sg.
- ⁵ Walbank. Aratus ... P. 32.
- ⁶ Васильевский. Указ. соч. С. 67; Berve. Op. cit. S. 395; 710; Aalders G. *Political thought in Hellenistic times*. Amsterdam, 1975. P. 13.
- ⁷ Детальный рассказ об этом событии: Plut. Ar. 5,1 sqq. Упоминания об освобождении Сикиона Аратом как о славном подвиге: Polyb. 2,43,3; 4,8,4; 10,22,3; Cic. de off. 2,23; Strabo. 8,382; Paus. 2,8,3 sqq. Датировка Полибия (2,43,3) — 251/0 г. Освобождение Сикиона произошло в 5 день сикионского месяца дэсия, соответствующего афинскому антестериюну (Plut. Ar. 53,5), т. е. в феврале 250 г. (а не в мае 251 г., как принято считать: нет оснований подразумевать под дэсием македонский месяц. См.: Erington. Op. cit. P. 268).
- ⁸ О мятеже Александра Коринфского см. Trog. prol. 26; Plut. Ar. 17,2; 18,2; Athen. 6,251 C; Suidas. s. v. *Ευφορίων*; Syll.³ 454; IG. II.² 774; IG. II.9 212; Соколов Ф. Ф. Александр, сын Кратера // ЖМНП. Ч. 310 1897. С. 112 сл.; Жигунин. Международные отношения ... С. 115 сл.; De Sanctis G. *La ribellione d'Alessandro figlio di Cratero* // Klio. Bd 9 1909. S. 1 sgg; Tarn. Antigonos Gonatas. P. 355 ff; Will. Op. cit. P. 285 suiv.
- ⁹ Соколов. Указ. соч. С. 125 сл.; Жигунин. Международные отношения ... С. 115 сл.; Tarn. Antigonos Gonatas. P. 252 ff, Beloch. GG. IV. 2 S. 519 ff; Ferrabino. Op. cit. P. 27,276; Cary. Op. cit. P. 139 f; Walbank. Aratus ... P. 29, 31, 176; Will. Op. cit. P. 286, 290, Heinen. Op. cit. S. 212; Griffin. Op. cit. P. 80.
- ¹⁰ См. подробный разбор аргументов «за» и «против» в статье: Сизов С. К. Начало политической деятельности Арата: освобождение Сикиона // Проблемы политической истории античного общества Л., 1985 С. 105 сл. Мнение о том, что мятеж Александра был позже освобождения Сикиона, высказано в работах: De Sanctis G. *La ribellione* P. 7 sgg; Niccolini. Op. cit. P. 15; Plutarchus. *Vita Arati* / Ed. et comm.

inst. Koster A. J. Leiden, 1937. P. LIX sqq; Porter. Op. cit. P. XXXVII ff; Urban. Op. cit. S. 34.

¹¹ Urban. Op. cit. S. 13 ff.

¹² Здесь Плутарх не называет имя царя, приславшего подарок. Скорее всего, это был Птолемей II, а не Антигон, поскольку именно из Александрии Арат затем долгие годы получил денежные дотации. Этим анонимным «царем» считают Антигона обычно те исследователи, которым это нужно для того, чтобы связать освобождение Сикиона с борьбой Антигона против Александра: Holleaux M. Sur un passage de la vie d'Aratos par Plutarque // Hermes. Bd. 41, 1906. P. 475 suiv.; Tarn. Antigonos Gonatas. P. 363 f; Ferrabino. Op. cit. P. 26, 277; Cary. Op. cit. P. 140; Walbank. Aratus ... P. 35.

¹³ Urban. Op. cit. S. 35 ff.

¹⁴ Asheri D. Distribuzioni di terre nell'antica Grecia. Torino, 1966. P. 58.

¹⁵ Ferrabino. Op. cit. P. 23.

¹⁶ Walbank. Aratus ... P. 40.

¹⁷ Неудивителен поэтому факт личной дружбы Арата, одного из богатейших людей Пелопоннеса, с Керкидом из Мегалополя (Polyb. 2,48,4), неустанно обличавшим роскошь, корыстолюбие, эгоизм богачей (см. Нахов И. М. Поэзия протеста и гнева. Сотад, Феникс, Керкид // Вопросы классической филологии. Вып. 5. М., 1973. С. 34 слл). Символично

имя изобретенного Керкидом нового божества: Μεταδως — «Поделись», «Уступи часть». Керкид грозил неуступчивым и эгоистичным собственникам тем, что они потеряют все, когда поднимется «Вихрь» народного возмущения (F. I. Diehl³). Правоммерно связывают эти угрозы поэта с

конфликтом 217 г., когда οἱ κτηματικοὶ в Мегалополе заняли непримиримую позицию в отношении требований бедноты (Polyb. 5,93,6), Д. Дадли и другие исследователи (Dudley D. History of cynicism. L., 1937. P. 80; Africa. Op. cit. P. 20; Oliva P. Sparta and her social problems. Praha, 1971. P. 248 f). Характерно, что Арат, прибывший в Мегалополь в качестве посредника, добился от обеих партий каких-то уступок и водворил согласие среди мегалополитов (Polyb. 5,93,9 sq). Конечно, есть определенный риск в полном отождествлении социальных воззрений Арата и Керкида (Marasco G. Storia e propaganda durante la guerra cleomenica // RSI. An. 92. № 1. 1980. P. 32 sg). Однако можно усмотреть некоторые общие черты в позиции вождя ахейцев и поэта-киника из Мегалополя.

¹⁸ Здесь же Плутарх сообщает, что Арат обдумывал ранее планы захвата коринфской цитадели — Акрокоринфа, но отказался от этих замыслов, когда Александр стал союзником ахейцев. Этот пассаж доказывает, что освобождение Сикиона и мятеж Александра произошли независимо друг от друга и что некоторое время между Ахейским союзом и Александром существовали натянутые отношения. Но в конечном счете им пришлось объединиться, очевидно, в интересах их общего союзника — Птолемея.

¹⁹ Неубедительны и противоречивы доводы исследователей, которые связывают с этим переворотом в Мегалополе такие возможные последствия, как «возрождение Аркадского союза» в середине III в., вступление нескольких аркадских городов в Ахейскую федерацию, война Спарты против ахейцев и аркадян. Фактически единственным основанием для подобных предположений служит явно недостоверный рассказ Павсания о походах, сражениях и гибели спартанского царя Агиса IV, противоречащий буквально всему, что мы знаем о нем из Плутарха. См. подробности в статье: Сизов С. К. Аркадия и Ахейский союз в 40-х — 30-х гг. III в. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1986. С. 51 слл.

²⁰ О тирании Лидиада см. Polyb. 2,44,5; Plut. Ar. 30,1 sqq; Mor. 552 В; Раус. 8,27,12. Предположения о дате ее начала различны: Niese. Op.

cit. 2. Tl. 1899. S. 258; Beloch. GG. IV. 1. S. 620. An. 3; Ferrabino. Op. cit. P. 277.

- ²¹ Хронология ахейских стратегов 245 — 222 гг. до сих пор является предметом споров в научной литературе. Дело в том, что указания Плутарха на этот счет крайне немногочисленны и противоречивы. С одной стороны, биограф Арата несколько раз повторяет, что избираться стратегом два года подряд было невозможно (Plut. Ar. 24,5; 30,6; 38,2; Cleom. 15,1). Второй раз Арат был стратегом в 243/2 г. (см. синхронизм у Polyb. 2,43,4 sqq), значит впервые его избрали на 245/4 г.: между первой и второй стратегией Арата должен был быть перерыв в один год. Плутарх (Ar. 16,2), однако, пишет: «будучи стратегом вновь на следу-

ющий год...» (ἐνίαυτῳ δ' ὕστερον αὐτῷ στρατηγῶν). Затем — новое

противоречие. Если Арат, начиная с 245/4 г., был стратегом каждый второй год, то на 227/6 г. его избрали в десятый раз. У Плутарха же

значится: то δωδεκάτον, т.е. в двенадцатый раз (Plut. Ar. 35,7). Наконец, в год своей смерти (213/2 г.) Арат, согласно Плутарху (Ar. 53,1), в семнадцатый раз занимал должность стратега, что несовместимо с двенадцатой в 227/6 г.: в таком случае она была бы как минимум восемнадцатой. Большинство исследователей считает, что Плутарх ошибался (или неточность допустил переписчик), называя стратегию

227/6 г. двенадцатой, и исправляет δωδεκάτον у Plut. Ar. 35,7 на

то δεκάτον — «в десятый раз». Таким образом, сохраняется общий принцип: Арат становился стратегом каждый второй год (Klatt. Op. cit. S. 124 ff; Beloch. GG. IV. 2. S. 226; Walbank. Aratus ... P. 170; Koster. Op. cit. P. 97 sq; Porter. Op. cit. P. LXVIII. N. 2; Васильевский. Указ. соч. С. 256. Прим. 1). Попытки примирить между собой все противоречивые указания Плутарха были сделаны, но оказались неудачными. А. Феррабино, обращая внимание на выражение Плутарха (Ar.

24,5): «ἐν...μῇ εἰς ἑτη...», т.е. буквально «если нельзя было» избираться стратегом два года подряд, делает вывод — это правило было не законом, а обычаем. Поэтому он допускает несколько раз непрерывное занятие Аратом должности стратега в течение 2—3 лет. Стратегия 227/6 г. у него — двенадцатая, 213/2 г. — семнадцатая, что соответствует указаниям Плутарха. (Ferrabino. Op. cit. P. 272 sgg). Слабым местом хронологической схемы Феррабино является то, что он был вынужден предположить на 223/2 — 221/0 гг. трехлетний перерыв, в течение которого Арат, якобы, ни разу не занимал высшей должности в союзе. Очень мала вероятность такого долгого устранения от дел союза в условиях, когда Арат являлся буквально правой рукой Антигона Досона в разгар успешной для них войны в Пелопоннесе. Тем более странным выглядел бы такой перерыв на фоне целого ряда «исключений», позволивших Арату на рубеже 240-х и 230-х гг. занимать пост стратега, по мнению Феррабино, в течение семи лет подряд с годичным интервалом в 240/39 г. Схему Феррабино в литературе не принял никто. Впоследствии аналогичная попытка была сделана в работе К. Краймз, которая, как и Феррабино, предположила, что Арат избирался стратегом в конце 240-х — начале 230-х гг. практически непрерывно из года в год (Chrimes K. Ancient Sparta. A reexamination of the evidence. Manchester, 1949. P. 431). Схема Краймз неприемлема из-за целого ряда невероятных допущений. Так, она, полностью доверяя всем упомянутым указаниям Плутарха, в то же время ставит под сомнение последовательность стратегов в связанном рассказе Полибия о Союзнической войне с его четкой и точной хронологией. Последняя

стратегия Арата у Краймз падает на 215/4 г., что не соответствует словам того же Плутарха насчет 33 лет (245—213 гг.), в течение которых Арат возглавлял ахейское государство (Plut. Ar. 41,2, Cleom. 16,2). Предположение Краймз, что под 33 годами следует понимать отрезок времени от 256 г. (Арат получил гражданские права — кстати, неясно, где) до 223 г. (в повествовании о событиях которого упоминается эта цифра — 33 года) совершенно фантастично. Отсчитывать вре-

мя, в течение которого Арат возглавлял Ахейский союз (ΠΡΟΤΕΥΟΝΤΟΣ

αὐτοῦ: Plut Cleom 16,2), от момента достижения им, сиклонским изгнанныком, жившим в Аргосе возраста гражданской зрелости, по меньшей мере странно. Схему Краймз с определенными поправками принимает В. Д. Жигунин (Жигунин. Международные отношения... С. 189. Прим. 7). С его вариантом хронологии также нельзя согласиться. Во-первых, не следует датировать последнюю стратегию Арата и его смерть 216/5 г.: в этом году стратегом был Тимоксен (Polyb. 5,106,1). Во-вторых, двенадцатая стратегия Арата, если уж верить Плутарху, была не в 229/8 г., а позднее, в год битвы при Ликее, т. е. в 227/6 г. В связи со всеми высказанными здесь соображениями следует принять хронологическую схему Клатта, Белоха, Уолбэнка и других исследователей, считающих стратегию Арата в 227/6 г. десятой, а не двенадцатой. Арат, таким образом, становился стратегом в 245/4, 243/2, 241/0, 239/8, 237/6, 235/4, 233/2, 231/0, 229/8, 227/6 гг., после чего стратегами были избраны Гипербат на 226/5 и Тимоксен на 225/4 г. и впервые нарушилась четкая последовательность стратегий Арата каждый второй год (Plut Ar. 38,2). Относительно стратегов 224/3 — 222/1 гг. мнения расходятся, но об этом речь пойдет позднее

²² Beloch. GG. IV. 1. S. 618; IV. 2. S. 402 f; Flacelière R. Les Aitolienis à Delphes. P., 1937. P. 200, 207; Feyel M. Polybe et l'histoire de Beotie au IIIe siècle av. notre ère. P., 1942. P. 79 suiv.

²³ Walbank. Aratus ... P. 42

²⁴ Жигунин. Международные отношения. С. 127

²⁵ Дройзен И История эллинизма. Т. 3 М., 1890 С. 202, Васильевский Указ. соч. С. 86; Freeman. Op. cit. P. 292; Niccolini Op. cit. P. 16

²⁶ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 249; Flacelière. Op. cit. P. 206, Will. Op. cit. P. 289.

²⁷ Tarn Antigonus Gonatas. P. 163 ff; Fellmann Op. cit. S. 52 f; Flacelière, Op. cit. P. 196 suiv., 206; Klaffenbach G. Fasti Aetolici//IG IX 1² 1. P. XVII; Klose. Op. cit. S. 95; Heinen. Op. cit. S. 139 ff.

²⁸ Tarn. Antigonus Gonatas. P. 400; Beloch GG. IV. 1. S. 622 f, Walbank. Aratus ... P. 182; Porter. Op. cit. P. L. Flacelière. Op. cit. P. 241; Will. Op. cit. P. 297 suiv; Urban Op. cit. S. 54.

²⁹ В старой литературе бытовало мнение о том, что договор послужил причиной кампании 245 г., но сейчас оно не имеет сторонников из-за малой вероятности такой датировки альянса (Freeman. Op. cit. P. 374; Niese Op. cit. 2 Tl S. 249, De Sanctis La ribellione ... P. 8, Niccolini Op. cit. P. 16)

³⁰ Dubois Op. cit. P. 61, Niese. Op. cit. 2 Tl S. 249, Niccolini Op. cit. P. 16; Tarn. Antigonus Gonatas. P. 384 f, Beloch GG. IV. 1 S. 618, Urban. Op. cit. S. 47 В 245 г. еще действовал союзный договор ахейцев с Александром или его вдовой Никеей, о чем свидетельствует сама возможность провести через Истм 10-тысячное войско на помощь беотийцам, даже если она не была использована А. Феррабино предполагает, что примерно в 247—244 гг. шла большая война, где Ахейский и Беотийский союзы вместе с Александром выступали против этоллийцев и Антигона, и называет ее «второй войной за Коринф» (Ferrabino Op. cit. P. 30 sg, 379 sg) Вообще вся схема «трех войн за Коринф» у Феррабино выглядит слишком искусственной и имеет слабую опору в источниках, но данное предположение не лишено определенной логики.

- ³¹ По мнению А. Феррабино, «третью войну за Коринф» ахейцы начали в 243 г. в союзе с Египтом и Спартой. Р. Урбан также относит провозглашение Птолемея II гегемоном Ахейского союза уже к этому времени и считает захват Коринфа Аратом лишь эпизодом в большой и долгой войне Египта и ахейцев против Антигона (Ferrabino. *Op. cit.* P. 38 sgg, 281; Urban. *Op. cit.* S. 49 ff). Другие исследователи предполагают, что Птолемей стал гегемоном, а Спарта — союзником ахейцев уже после овладения Коринфом и что Ахейский союз летом 243 г. находился в мирных отношениях с Антигоном. Аргументами служат во-первых, последовательность изложения событий у Плутарха (освобождение Коринфа: *Ag.* 18—23; провозглашение Птолемея гегемоном союза: *Ag.* 24,4, союз со Спартой: *Ag.* 31; *Agis.* 13—15); во-вторых, некоторые признаки мирной обстановки летом 243 г. — свободное хождение македонских солдат из Коринфа в Сикион и обратно (*Plut.* *Ag.* 18,3 sgg),

термин $\alpha\delta\iota\mu\alpha$ у Полибия (2,50,9; ср. 2,52,4) в отношении захвата Акрокоринфа Аратом, что можно толковать как вероломное нарушение мира. См.: Tarn. *Antigonos Gonatas.* P. 396, 402; Beloch. *GG.* IV. 1, S. 622 f; Walbank. *Aratus.* P. 46, 182; Koster. *Op. cit.* P. 78; Larsen. *FS.* 306 f, Will. *Op. cit.* P. 298 f. Следует, видимо, остановиться на предположении, что хорошие отношения ахейцев с Египтом и Спартой к лету 243 г. еще не приняли форму официального военного союза, направленного против Македонии, и что войны как таковой между Антигоном и Ахейским союзом в то время не было. Однако несомненно то, что предпосылки для всего этого имелись еще до захвата Акрокоринфа Аратом.

- ³² *Ancient Corinth. A guide to the excavations.* Athens, 1954. P. 83.
- ³³ Cary. *Op. cit.* P. 143; более осторожно, но в том же смысле Larsen. *FS.* P. 307.
- ³⁴ Urban. *Op. cit.* S. 51.
- ³⁵ Помимо Плутарха, об этом событии также упоминают: Polyb. 2,43,4; 2,50,9; 2,52,4; 4,8,4; Strabo. 8,385; Paus. 2,8,4; 7,8,3; Athen. 4,162 D; Diog. Laërt. 7,36; Polyean. 4,3,6.
- ³⁶ Beloch. *GG.* IV. 1. S. 621. An. 3; Urban. *Op. cit.* S. 60 f.
- ³⁷ Образом для такого типа отношений между царем-гегемоном и союзными полисами до некоторой степени могла служить Коринфская лига Филиппа II и Александра Македонского (Busolt. *Op. cit.* S. 1538. An. 4). Однако в данном случае зависимость ахейцев от Птолемея, по-видимому, не сопровождалась утратой права на самостоятельную внешнюю политику. Что касается обязанностей сгортон, то Птолемей оказывал ахейцам финансовую поддержку (*Plut.* *Ag.* 41,5), а те вели борьбу против Антигона и его союзников в Южной и Средней Греции. Вряд ли следует считать эту гегемонию Птолемея над Ахейским союзом чисто «символической», «номинальной» (Tarn *CAN.* P. 734; Walbank. *Aratus.* P. 49, Will. *Op. cit.* P. 299). Договор мог иметь в виду и реальное военное сотрудничество, подобное тому, которое было у Птолемея с греками в годы Хремонидовой войны (Ferguson W. S. *Hellenistic Athens* L., 1911. P. 197; Urban. *Op. cit.* S. 53).
- ³⁸ Исследователей эллинистической истории давно занимает вопрос о причинах сравнительной пассивности Антигона в Греции в 240-е гг. — ни мятеж Александра, ни рост Ахейского союза, связанного с Птолемеем, ни освобождение Коринфа не вызвали действительно серьезного вооруженного вмешательства Македонии. Все это время Антигон ограничивался главным образом дипломатическими средствами борьбы со своими противниками в балканской Греции. Среди причин такого поведения македонского царя называют и его преклонный возраст, и возможные затруднения на северной границе, и борьбу с Египтом за господство в Эгее, и пренебрежительное отношение к событиям южнее Пелла. Трудно сказать, какие из этих факторов в действительности по-

- влияти на политику Антигона в Греции. Так или иначе, но Антигон не использовал все имевшиеся у него возможности для борьбы против Ахейского союза, что также создавало благоприятные условия для федеративного движения в Пелопоннесе. См.: Васильевский. Указ. соч. С. 97 сл.; Бенгтсон. Указ. соч. С. 189 сл.; Жигунин. Международные отношения ... С. 130 сл.; Tarn. Antigonos Gonatas. P. 364 ff; 394 ff; Ferrabino. Op. cit. P. 38,44,282; Will. Op. cit. P. 291 suiv., 300, 308.
- ³⁹ Tarn. САН. P. 746; Walbank. Aratus ... P. 59.
- ⁴⁰ Ferrabino. Op. cit. P. 45 sgg.
- ⁴¹ Атика, несмотря на то, что в середине 250-х гг. Антигон «вернул Афинам свободу» (Euseb. 2,120 Schoene), оставалась по-прежнему под контролем Македонии. Под командой македонского коменданта находились гарнизоны в Пирее, Мунихии, на Саламине и Сунии (Plut. Ar. 34,6; Paus. 2,8,6). О ситуации в Афинах см. Pouilloux J. Antigonos Gonatas et Athènes après la guerre de Chrémonides // BCH. T. 70. 1946. P. 488 suiv.; Habicht, Studien ... S. 55 ff.
- ⁴² Другие возможные мотивы, упоминаемые в литературе, кажутся менее вероятными: месть Афинам за участие в «третьей войне за Коринф» (Ferrabino. Op. cit. P. 42), выполнение желания Птолемея (Urban. Op. cit. S. 52). Участие Афин в антиахейском альянсе вообще сомнительно.
- ⁴³ Поскольку в момент нападения на Кинефу Арат был стратегом, но еще молодым человеком (Polyb. 9,17,1; 9,17,9), то данный эпизод относится либо к 245 г., либо, что более вероятно — к 243 или 241 гг. См.: Walbank F. Aratos' attack on Cynaetha (Polyb. IX, 17) // JHS. V. 56. 1936. P. 64 ff.
- ⁴⁴ Примерные датировки этолийских вторжений в Пелопоннес (было два или три таких набега) обычно даются в литературе в хронологических рамках: 245—240 гг. Точно датируется лишь поход этолийцев через Истм в Ахайю, закончившийся грабежом Пеллены — это было в 241 г. (третья стратегия Арата). Что касается остальных, то следует, видимо, согласиться с Уолбэнком, Фласельером, Белохом, Клаффенбахом, Виллем: первое вторжение было до 241 г., третье — примерно в 240 г. Менее вероятно предположение, что нападение через Истм было самым первым (Низе, Урбан): первоначально этолийцы атаковали Аркадию с запада, используя как опорный пункт Самик в Трифилии (Paus. 5,6,1). К тому же известны имена пятерых предводителей этолийских походов в Пелопоннес (Polyb. 4,34,9; 9,34,9 sq; Paus. 5,6,1). Плохо верится, что все они действовали одновременно, в течение одного-двух лет. См.: Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 255 ff; Beloch. GG. IV. 1. S. 620 ff; Flacelière. Op. cit. P. 239 suiv.; Klaffenbach. Fasti Aetolici. P. XX sq; Walbank. Comm. I. P. 237, 483; Will. Op. cit. P. 297 suiv., 304 suiv.; Urban. Op. cit. S. 56 ff.
- ⁴⁵ Дройзен. Указ. соч. С. 214; Васильевский. Указ. соч. С. 167; Жигунин. Международные отношения ... С. 130; Beloch. GG. IV. 1. S. 626; Tarn. САН. P. 734; Walbank. Aratus ... P. 54; Koster. Op. cit. P. 90; Larsen. FS. P. 308; Oliva. Sparta ... P. 227.
- ⁴⁶ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 255. An. 5; Gabba. Op. cit. P. 199.
- ⁴⁷ Niccolini. Op. cit. P. 42; Porter. Op. cit. P. LI.
- ⁴⁸ Ferrabino. Op. cit. P. 41 sg; Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243—146 B. C. Buffalo, 1972. P. 25.
- ⁴⁹ Urban. Op. cit. S. 55 f.
- ⁵⁰ Beloch. GG. IV. 1. S. 626.
- ⁵¹ Рассказ Филарха и устная традиция в Пеллене приписывали поражение этолийцев вмешательству потусторонних сил: захватчики были объята ужасом при виде то ли изображения Артемиды, то ли женщины в шлеме, принятой ими за богиню, и прекратили сопротивление. Арат в «Воспоминаниях» ничего не сообщал об этой явно фантастической истории (Plut. Ar. 32,1 sqq). Этолийцы вообще не отличались особым пиететом перед божествами греческого пантеона, их храмы они грабили при первой же возможности (Polyb. 9,34,9 sq).

⁶² Поскольку Арат нарушил мир, Аристипп потребовал осуждения его третейским судом. В роли арбитров выступили мантинейцы, которые приговорили Арата к уплате штрафа в 30 мин (Plut. Ar. 25,5). Характерно, что сумма штрафа была чисто символической: отношение пелопоннесцев к промакедонским тиранам проявилось и в этом случае.

⁶³ Этолийский посол Тимей, упоминаемый на строке 2 этой надписи, был предводителем вторжения в Лаконию в 240 г. (Polyb. 4,34,9). Термин

φίλια (v. 19 sq. 25) свидетельствует о том, что Фигалея все же не стала членом Этолийского союза, как можно было бы заключить на

основании причастия συμπολιτευομένη у Полибия (4,3,6). Может быть, Полибий имел в виду договор об исполитии.

⁶⁴ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 258 f; Niccolini. Op. cit. P. 26 f; Beloch. GG. IV. 1. S. 620; Walbank. Comm. 1. P. 531. Менее вероятно, что Лидиад обменял Алиферу на пленных (Urban. Op. cit. S. 87. An. 412), т. к. Мегалополь не упоминается среди ограбленных этолийцами городов Аркадии у Полибия (9,34,9 sq.).

⁶⁵ Жигунин. Международные отношения ... С. 138; Freeman. Op. cit. P. 403; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 262; Beloch. GG. IV. 1. S. 621; Walbank. Aratus ... P. 44; Idem. Aratos' attack on Cynaetha ... P. 69; Klaffenbach. Fasti Aetolici. P. XX; Flacelière. Op. cit. P. 240; Will. Op. cit. P. 298; Urban. Op. cit. S. 77 ff.

⁶⁶ Polyb. 2,46,2; IG. V. 2. 10—15; Plassart A., Blum G. Orchomène d'Arcadie. Fouilles de 1913. Inscriptions // BCH. T. 38. 1914. P. 454 ff. № II, 2.

⁶⁷ «Возвращение изгнанников» в Спарту (Polyb. 4,34,9) было лишь предложением для вторжения. Под «изгнанниками», по-видимому, подразумевались бежавшие из Спарты сторонники казнённого в 241 г. Агиса IV, тогда дата похода — 240 г. (Beloch. GG. IV. 1. S. 628 f; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 262; Cary. Op. cit. P. 155; Oliva. Sparta ... P. 230; Walbank. Comm. 1. P. 237; Larsen. J. The Aetolian — Achaean alliance of ca. 238 — 220 B. C. // CPh. V. 70. 1975. P. 164). В последующие годы этолийцы были заняты войной в Средней и Северной Греции, и от-

правлять все свое ополчение (πανδημεί — Polyb. 4,23,9) в Пелопоннесе вряд ли имели возможность. О более поздних датировках (239—236 гг.) см.: Васильевский. Указ. соч. С. 196. Прим. 1; Tarn. Antigonus Gonatas. P. 403; Ferrabino. Op. cit. P. 51,288; Walbank. Aratus... P. 58, 186; Manni E. Antigono Gonata e Demetrio II. Punti fermi e problemi aperti // Athenaeum. V. 34. 1956. P. 268.

⁶⁸ В списке этолийских союзников, помимо Элиды, Фигалеи, возможно, Мегалополя, с конца 240-х гг. появилась также Мессения (Syll.³ 472; Polyb. 4,3,9; 4,6,11).

К ГЛАВЕ 4

¹ Деметрий II царствовал 10 лет (Polyb. 2,44,2; F. Gr. Hist. 260. F. 3), а умер почти одновременно с началом первого похода римлян в Иллирию (Polyb. 2,44,2), т. е. весной 229 г. (Holleaux M. Etudes d'histoire hellénistique. La date de la première guerre romaine d'Illyrie // REG. 43. 1930. P. 255 suiv.).

² Об этой т. н. Деметриевой войне (Δημητριάκος πόλεμος; Polyb. 2,46,1) см. следующие работы: Жигунин. Международные отношения ...

С. 132 слл; Costanzi V. Δημητριάκος πόλεμος // Saggi di storia antica e di archeologia offerti a G. Beloch. Roma, 1910. P. 59 sgg; Beloch G. GG. IV. 2. S. 527 ff; Flacelière. P. 245 suiv.; Feyel. Polybe... P. 83 suiv.; Will. Op. cit. P. 311 suiv.

- ³ Афинский архонт Лисий, при котором началась война (Syll.³ 485) сейчас относится исследователями к 239 г. (Will. Op. cit. P. 314; Habicht Ch. Untersuchungen zur politischen Geschichte Athens im 3. Jahrhundert v. Chr. München, 1979. P. 142).
- ⁴ Птолемей III, безусловно, поддерживал борьбу двух федераций против Македонии и ее союзников. Этолийцы теперь также пользовались его покровительством (IG. IX. 1.² 56, 202, 203; Syll.³ 545, v. 6).
- ⁵ Larsen. The Aetolian — Achaean alliance... P. 166.
- ⁶ М. Фейель попытался доказать, что Деметрий II в ходе вторжения в Беотию отобрал у ахейцев Мегары, по-новому истолковывая надписи IG. VII. 1—14, 3473; ABSA. V. 19. 1913. P. 82 ff. № 1—III. (Feysel. Polybe... P. 83 suiv). Упоминаемый там «царь Деметрий», традиционно считавшийся Деметрием Полиоркетом, по мнению Фейеля, на самом деле был Деметрием II. Эта гипотеза, неожиданная и остроумная, все же представляется не очень правдоподобной. Список беотийских архонтов, на который опирался Фейель в своих хронологических выводах, сейчас уже пересмотрен (Etienne R., Knoepfler D. Hyettos de Beotie et la chronologie des archontes fédéraux entre 250 et 171 avant J.-C. P., 1976. P. 323 suiv.). Без особых на то оснований Фейель подвергает сомнению слова Полибия (20,6,8) о пребывании Мегар в составе Ахейского союза с 243 по 224 г. Мегарская просопография у Фейеля построена на довольно спорных предположениях и серьезным доказательством той или иной датировки надписей служить не может. Наконец, непонятно следующее: если Деметрий действительно занял Мегары, то каким же образом ахейцы совершили сухопутные набеги на Аттику в течение всей Деметриевой войны? См. критику предположений Фейеля в работах: Larsen J. The Aetolians and the Cleomeneic war // The classical tradition. Literary and historical studies in honor of H. Caplan. Ithaca, 1966. P. 52; Urban. Op. cit. S. 66 ff; Habicht. Studien... S. 58.
- ⁷ Внезапность нападения на Аргос вовсе не доказывает, что это событие относится ко времени еще до Деметриевой войны (Ferrabino. Op. cit. P. 287). С нашей точки зрения, именно этой атакой Арат и начал затяжную войну в Пелопоннесе.
- ⁸ Датировка основана на упоминании Немейских игр у Plut. Ar. 28,5.
- ⁹ У Плутарха (Ar. 28,1) эта река названа Харетом, но в Арголиде такое название неизвестно, поэтому исследователи считают, что битва произошла при Харадре (Beloch. GG. IV. 1. S. 632. An. 1; Walbank. Aratus... P. 187; Koster. Op. cit. P. 84; Mandel. Op. cit. P. 299. N. 30).
- ¹⁰ Описанная в этом пассаже Полибия казнь «восемьдесят лучших граждан» приписывается им Аристомаху, хотя поводом для нее послужило вторжение ахейцев еще при Аристиппе (Plut. Ar. 27,1 sqq). Возможно, Аристомах казнил этих людей по приказу брата (Walbank. Aratus... P. 62,187; Porter. Op. cit. P. LIV), а может быть, это сделал сам Аристипп, и Полибий здесь допускает неточность, оправдывая убийство Аристомаха ахейцами в конце Клеоменовой войны (Freeman. Op. cit. P. 400; Beloch. GG. IV. 1. S. 632). Маловероятно, чтобы казнь состоялась сразу же после гибели Аристиппа (Niese Op. cit. 2. Tl. S. 269. An. 6; Berve. Op. cit. S. 398; Mandel. Op. cit. P. 302); после битвы при Клеонах Арат не пытался штурмовать стены Аргоса, поэтому предьстория казни у Полибия (2,59,8) не соответствует событиям в начале тирании Аристомаха.
- ¹¹ Место под названием Φυλακία (Plut. Ar. 34,2) в Греции неизвестно. В литературе указывают на Φυλακίη в Аркадии близ Теген (Paus. 8,54,1 sq), предполагая, что Бикий двигался из Аргоса то ли в Лаконию, то ли в Аркадию (Beloch GG. IV. 1 S. 633; IV. 2 S. 529 f; Walbank. Aratus... P. 64 f; Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. V. 12. 1934. P. 401; Porter. Op. cit. P. LV; Koster. Op. cit. P. 94; Marasco G. La politica achea nel Peloponneso durante la guer-

га demetriaca // AeR. An. 25. 1980. P. 120). Идентификация «Филакии» с аркадской Филакой все же не вполне правдоподобна, поскольку битва упоминается в контексте рассказа о борьбе за Аттику, а не Аргос и не Аркадию; сразу после сражения в центре Пелопоннеса довольно странным выглядело бы появление Арата в Коринфе и приход македонского корабля (очевидно, в Пирей), присланного, чтобы доставить Арата в цепях к царю (Plut. Ar. 34,3). Битва, очевидно, произошла где-то в средней Греции в разгар борьбы за Аттику (Niese. Op. cit. 2 Tl S. 273. An. 2. Niccolini. Op. cit. P. 23. N. 2). Дата сражения — 237, 235 или 233 г. (одна из стратегий Арата).

¹² Niese. Op. cit. 2. Tl S. 271, Beloch. GG. IV. 1. S. 622 ff; Walbank Aratus. P. 62 f; Porter. Op. cit. P. LIV; Berve. Op. cit. S. 401 f; Errington Op. cit. P. 3.

¹³ Urban. Op. cit. S. 72. Сам Урбан, утверждающий (причем, как мы уже видели, без серьезных на то оснований), что с конца 240-х гг. Мегалополь и большая часть Аркадии подчинялись этолийцам, считает поступок Лидиада своеобразным протестом против вассальной зависимости от Этолии. Такое объяснение не кажется правдоподобным (Ibid. S. 86 f).

¹⁴ Стратег Диет в других источниках не упоминается, но ясно, что он возглавлял Ахейский союз, самое позднее в 236/5 г., поскольку стратеги 235/4 и следующих лет нам известны точно. Другая возможная дата — 238/7 г. — представляется менее подходящей, чем 236/5 г., хотя в принципе она и не исключается. Неубедительно звучит заявление

Урбана, что термин *στρατηγός* у Полиэна означает не обязательно титул высшего магистрата ахейцев и может быть переведен как «полководец» (Urban. Op. cit. S. 75). В Ахейском союзе не было других военных командиров в звании «стратега», кроме главы государства. Именно он был обязан руководить такой операцией, как овладение целым городом.

¹⁵ Сомнительно, чтобы Герея была избрана специальной целью экспедиции, совершаемой в обход всей северной Аркадии, через территорию Элиды или принадлежащей элейцам Псофиды.

¹⁶ Указанный пассаж Полибия говорит о захвате Тельфусы Антигоном Досоном, который отнял ее у спартанцев в конце Клеоменовой войны. Очевидно, Тельфуса была одним из городов Аркадии, которые спартанский царь Клеомен в ходе этой войны отобрал у Ахейского союза (Антигон явился в Пелопоннес по призыву ахейцев).

¹⁷ Несколько более поздние свидетельства об участии Кинефы и Лусов в Ахейской федерации: IG. IV. 1.² 73; Polyb. 4,17,5.

¹⁸ Быть может, Павсаний имеет в виду главным образом добровольное присоединение Мегалополя.

¹⁹ Третья стратегия Лидиада пришлась на год смерти Деметрия II (Polyb. 2,44,6; 2,60,4; Plut. Ar. 35,3), т. е. 230/29 г. Отсюда и вытекает датировка присоединения Мегалополя — 235 г.

²⁰ Р. Урбан пытается отнести этот пассаж к 229 г. (через 6 лет после смерти Леонида!), поскольку фраза Плутарха, якобы, подразумевает, что дело происходило после присоединения Аргоса (229 г.). Однако если соблюдать сугубую точность, то почему бы не отнести события, описанные у Plut. Cleom. 3,8, вообще ко II в. до н. э., когда была присоединена еще и Мессения? (Urban. Op. cit. S. 76).

²¹ Дж. Никколини напрасно посчитал «союзниками Спарты в Аркадии» полисы ее северной части — Феней, Кинефу, Стиμφал и др. (Niccolini. Op. cit. P. 28 sg). Уже были приведены аргументы в пользу вывода о присоединении этих городов к союзу еще до 235 г.

²² По крайней мере, для Мантинеи и Орхомена есть прямые свидетельства участия в Ахейском союзе до 229 г.: Polyb. 2,57,1, 4,6,5; Liv. 32,5,4. Подробнее см.: Сизов. Аркадия и Ахейский союз. С. 63 сл. Прим. 32.

²³ Arci F. Il Peloponneso al tempo della guerra sociale // Studi di storia antica

- An. 2. 1893. P. 146; Walbank. *Aratus...* P. 63; Larsen. FS. P. 310.
- ²⁴ Ferrabino. *Op. cit.* P. 54; Marasco. *La politica achea...* P. 117 sgg.
- ²⁵ Это обстоятельство мешает отнести надпись Syll.³ 490 ко II в. до н. э., что предлагали, в частности, Низе и Урбан (Niese. *Op. cit.* 2. Tl. S. 260. An. 7; Urban. *Op. cit.* S. 85). В 199 г. Филипп V «вернул» ахейцам Орхомен (Liv. 32,5,4), после того как тот долгое время находился под контролем Македонии, имевшей там свой гарнизон (Polyb. 2,54,11; 4,6,5; Plut. *Ar.* 45,1). Какое-либо соглашение ахейцев с тираном Неархом в 199 г. было бы бессмысленным. Надпись, бесспорно, относится к III в., причем датируется ближайшими годами после вступления Мегалополя в Ахейский союз: строки 17—21 обязывают Орхомен организовать возмещение стоимости похищенной в Мегалополитиде золотой статуи Ники. О правильной датировке см.: Dittenberger W. *Kritische Bemerkungen zu griechischen Inschriften* // *Hermes*. Bd. 16. 1881. S. 176 ff; Niccolini. *Op. cit.* P. 29; Ferrabino. *Op. cit.* P. 51; Poster. *Op. cit.* P. LV; Walbank. *Aratus...* P. 63; Larsen. FS. P. 310. N. 2; Marasco. *La politica achea...* P. 116.
- ²⁶ Кафии, расположенные севернее Мантинеи и Мегалополя, должны были войти в союз, по крайней мере, одновременно с ними, иначе этот город был бы окружен ахейской территорией. Тергея действовала заодно с Мантинеей и Орхоменом как ранее (Syll.³ 434/5, v. 24 sq), так и позже (Polyb. 2,46,2), что предполагает их совместное вступление и в Ахейский союз (Ferrabino. *Op. cit.* P. 51; Busolt. *Op. cit.* S. 1539; Walbank. *Comm.* 1. P. 243; Larsen. FS. P. 310; Marasco. *La politica achea...* P. 116).
- ²⁷ Tarn. *САН*. P. 746; Errington. *Op. cit.* P. 10. Обращает на себя внимание декрет Кафий, где Лидиаду воздаются почести за «расположение» к этому полису (Syll.³ 504).
- ²⁸ Так, видимо, следует понимать выражение Полибия (2,46,2): «*οὐ μόνον συμμαχίδας... ἀλλὰ καὶ συμπολιτευομένους τότε πόλεις*». См. Busolt. *Op. cit.* S. 1511; Flacelière. *Op. cit.* P. 312. N. 3; Walbank. *Comm.* 1. P. 243; Larsen. *The Aetolians and the Cleomenic war*. P. 52.
- ²⁹ Ferrabino. *Op. cit.* P. 54; Tarn. *САН*. P. 747; Walbank. *Aratus...* P. 67; Marasco. *La politica achea...* P. 122.
- ³⁰ Freeman. *Op. cit.* P. 404; Fougères G. *Mantinee et l'Arcadie orientale*. P., 1898. P. 489; Niccolini. *Op. cit.* P. 32.
- ³¹ Polyb. 2,44,2; 2,45,2; 20,5,7; Trog. *prol.* 28; Just. 28,3,9 sqq; Plut. *Ar.* 34,7; Aem. 8,3; Paus. 6,16,3; 7,7,4.
- ³² Urban. *Op. cit.* S. 94.
- ³³ Правильно указывают на это обстоятельство: Ferrabino. *Op. cit.* P. 65; Walbank. *Aratus...* P. 71; Gruen E. *Aratus and the Achaean alliance with Macedon* // *Historia*. Bd. 21. 1972. P. 613 f. Совершенно излишни, на наш взгляд, поиски каких-то дополнительных и неизвестных нам причин вражды Арата и Лидиада, например, предположение о борьбе Лидиада за демократизацию ахейской конституции и даже социальные реформы (Дройзен. *Указ. соч.* С. 243 слл). Сомнительно также мнение Феррабино, что за спиной Лидиада стояла Этолия (Ferrabino. *Op. cit.* P. 55 sg, 66).
- ³⁴ «Другой человек возглавлял ахейцев» (Plut. *Ar.* 34,6). Поскольку переговоры начались после смерти Деметрия II, то имеется в виду стратег 230/29 г. Лидиад, а не Аристомах, возглавлявший союз в 228/7 г. К началу стратегии Аристомаха (май 228 г.) ситуация на Балканах была уже менее благоприятной для избавления Афин от македонской оккупации (Tarn. *САН*. P. 748; Ferrabino. *Op. cit.* P. 256; Walbank. *Aratus...* P. 190; Koster. *Op. cit.* P. LXXIV).
- ³⁵ У Павсания — 25 талантов. Надпись в честь Эвриклида приписывает ему и его брату честь освобождения Афин (IG. 11.² 834, v. 10 sq), что отчасти справедливо, но все же не дает оснований усомниться в заслугах

Арата, который также играл активную роль в переговорах и внес солидную часть общей суммы денег для Диогена (такие сомнения высказаны в работах: Мищенко. Указ. соч. С. LXXIV; De Sanctis G. *Questioni politiche e riformi sociali. Saggio su trent'anni di storia greca* (258—228) // RISS. V. 4. 1894. P. 237; Ferrabino. Op. cit. P. 257; Walbank. *Aratus...* P. 70). Конечно, «Воспоминания» Арата чрезмерно преувеличивали его успехи, но и афинский декрет в честь Эвриклида, изданный в годы, когда этот политик со своим братом Микионом фактически правил Афинами, не вполне объективен. «Вернул свободу» Афинам (IG. II². 834, v. 10) не один лишь Эвриклид: в этом деле принимали участие и Птолемей, и беотийцы, и многие афиняне, и аттические метеки — все те, кто безвозмездно или заимообразно предоставили деньги для подкупа Диогена, в том числе и Арат (Habicht. *Studien...* S. 79 f.).

³⁶ Предполагают, что Арат добивался вступления Афин в Ахейский союз: Жебелев С. А. Из истории Афин 229—31 гг. до Р. X. СПб., 1898. С. 18 сл.; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 289; Ferguson. Op. cit. P. 207; Beloch. GG. IV. 1. S. 640; Will. Op. cit. P. 329. Не согласны с этим: Васильевский. Указ. соч. С. 205 сл.; Ferrabino. Op. cit. P. 53; Urban. Op. cit. S. 91 f. Плутарх не дает никаких указаний относительно того, каким видел Арат будущее Афин после их освобождения. Показательно, впрочем, что Эгина, также находившаяся под контролем Диогена (IG. II². 1225, v. 9 sq), после ухода македонян была включена в Ахейский союз (Plut. *Ag.* 34,7).

³⁷ Различные мнения по поводу времени присоединения Пилоса и Кипарисии: Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 411; Aymard A. *Les premiers rapports de Rome et de la Confédération achaienne* (198—189). Bordeaux, 1938. P. 13. N. 6; Roebuck C. *A history of Messenia from 369 to 146 BC*. Chicago, 1941. P. 69, 112 f.; Larsen. *The Aetolian — Achaean alliance...* P. 166; Marasco. *La politica achea...* P. 120 sq.

³⁸ Источники см. в работе: Flacelière. Op. cit. P. 251 suiv.

³⁹ Syll.³ 472; Polyb. 2,46,2; 4,3,6; 4,5,4; 4,6,11; 4,9,10.

⁴⁰ См.: Freeman. Op. cit. P. 430; Tarn. *CAH.* P. 747, 750; Flacelière. Op. cit. P. 257 f.; Cary. Op. cit. P. 152; Will. Op. cit. 328. Дж. Ларсен проводит параллель между ахейско-этолийским союзом времен Деметриевой войны и союзом греческих государств в эпоху греко-персидских войн. Он утверждает, не допуская особых преувеличений, что к 229 г. уже наметились контуры настолько удачной политической организации Греции, какой никогда еще самими греками не было создано (Larsen. *The Aetolian — Achaean alliance...* P. 160 f.).

К ГЛАВЕ 5

¹ См.: Строецкий В. М. Возникновение и структура Пелопоннесского союза // Из истории античного общества. Горький, 1975. С. 3 сл.

² Поэтому Полибий (2,37,11) с гордостью заявляет, что Пелопоннес, объединенный ахейцами в его время, не считается единым полисом лишь потому, что не окружен единой стеной.

³ Tarn. *CAH.* P. 737.

⁴ Синод, в частности, мог иметь порядковый номер, например:

⁵ η δευτερα συνόδος (Polyb. 23,16,12).

⁶ Имеется в виду синод. В другом месте первый синод года назван у Полибия (28,7,3) η πρωτη αγορα.

⁷ Созыв чрезвычайных собраний по законам Ахейского союза действительно был разрешен только в этих случаях, а во II в. — также по поводу получения письма от римского сената (Polyb. 22,10,12; 22,12,6; Liv. 39,33,7; Paus. 7,9,1).

- ⁷ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 291 ff; De Sanctis G. Le assemblee federali degli Achei // RFIC. V. 36. 1908. P. 255; Swoboda. St. A. S. 388 ff; Niccolini. Op. cit. P. 216 sgg; Beloch. GG. IV 2. S. 230 ff; Tarn. САН. P. 737 ff; Busolt. Op. cit. S. 1555 ff; Porter. Op. cit. P. XCIX ff,

Schwahn W. Συμπολίταιа // RE. Bd. IV A₁. 1931. Sp. 1254 f; Robinson Ch. Federal Unions // The Greek political experience. Studies in honor of W. K. Prentice. Princeton, 1941. P. 104 f. У. Карштедт чуть видоизменил эту точку зрения: и синод, и синклит представляли собой заседания совета делегатов, но между 183 и 169 гг. на синклиты стали

собираться все граждане (Kahrstedt U. Συνοδος // RE. Bd. IV A₂ 1932. Sp. 1415 ff).

- ⁸ Aymard ACA. P. 62 suiv.

- ⁹ Ibid P. 149 suiv

- ¹⁰ Ibid P. 76 suiv. Какое мнение высказывалось в литературе и ранее, но без развернутой аргументации. См.: Васильевский. Указ. соч. С. 225 слл; Мищенко. Указ. соч. С. CCXXVII слл; Weinert. Op. cit. S. 16 ff; Freeman. Op. cit. P. 263 ff; Vischer. Op. cit. S. 376 f, 569; Szanto E. Das griechische Bürgerrecht Freiburg, 1892. S. 119 ff; Francotte H. La polis grecque. Paderborn, 1907. P. 236 suiv.

- ¹¹ Впрочем, Эймар не отрицал до конца возможность существования совета: Aymard ACA. P. 149 suiv, особенно P. 161 suiv.

- ¹² Ibid. P. 188 suiv, 416 suiv

- ¹³ Ibid. P. 73 suiv.

- ¹⁴ Ibid. P. 102 suiv; Larsen. RG. P. 176.

- ¹⁵ Aymard ACA. P. 121 suiv.; Larsen. RG. P. 187 f.

- ¹⁶ Объявление войны Спарте в 229 или 228 г. у Полибия (2,46,6) описано

так: «власти, собрав ахейцев, решили вместе с советом (κρίναν μετὰ τῆς βουλῆς)». По Ларсену, вопрос предварительно решал совет, а потом — общее собрание (синклит) В 220 г. очередной синод (ἡ κα-

θηκουσα σύνοδος ратифицировал решение синедриона (совещания представителей государств — союзников Македонии) объявить войну Этолии. Тут же, не прерывая рассказа, Полибий продолжает: «когда и

царь (Филипп V) прибыл на совет (πρὸς τὴν βουλὴν)», ахейцы выслушали его и подтвердили дружбу с Македонией (Polyb. 4,26,7 sq.). Здесь объяснение Ларсена таково: царь прибыл в Эгий, где проходил синод, уже после окончания общего собрания и встретился лишь с членами совета (Larsen. RG. P. 78 f, 81). Заметим, что эти истолкования не очень убедительны, особенно последнее (уникальный факт заседания совета не до, а после народного собрания). Гораздо проще объясняет оба эти случая Эймар с его более широким пониманием

термина βουλή как «собрания» (Aymard. ACA. P. 67 suiv.).

- ¹⁷ Larsen. RG. P. 77 ff.

- ¹⁸ Кашеев В. И. Проблемы государственности эллинистической Греции в научном творчестве Дж. Ларсена // ВДИ. № 4. 1982. С. 143 слл; История древней Греции / Под ред. Кузищина В. И. М., 1986. С. 324; Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. I Tl. Lpz, 1957. S. 99; Ghinatti F. Ricerche sulle synkletoi di Grecia // PP. V. 15. 1960. P. 539. N. 34; Lehmann G. Erwägungen zur Struktur des Achaischen Bundesstaates // ZPE. Bd. 51. 1983. S. 240 ff

- ¹⁹ Giovannini. Polybe... P. 1 suiv.; O'Neil J. Who attended Achaian assemblies? // MH. V. 37. 1980. P. 41 ff; Walbank. Comm. III. P. 406 ff.

- ²⁰ Polyb. 22,7,8; 22,8,12; 22,9,10; 28,7,4; 28,7,14; 29,23,1; 29,24,5; 38,11,5. Лар-

сен и Леман объясняют это тем, что совет ахейцев был очень многочисленным по составу, однако такое объяснение нельзя признать вполне удовлетворительным, ибо трудно представить себе совет делегатов, ка-

ким бы большим он ни был, с наименованием *οχλος*. См. Aymard. ACA. P. 81 suiv.; Larsen. RG. P. 95 f.; Giovannini. Polybe... P. 8; Walbank. Comm. III. P. 407; Lehmann. Erwägungen... S. 244

²¹ Mauersberger A. Polybios — Lexikon. Bd. 1 Lief. 1 Berlin, 1956. S. 6 ff. Главное значение этого слова у Полибия — «рыночная площадь» (более 40 раз), другие значения — преторий в римском лагере; ярмарка или всенародное собрание в этолийском Ферме (Polyb. 5,8,5).

²² См. прим. 16 к этой главе. Кроме того, Ларсен не слишком убедительно разъясняет и смысл пассажа Полибия (28,3,7 sqq), где говорится о намерении римских послов в 170 г. обвинить Архона, Ликторту и Поли-

бия, «когда будет созвано народное собрание» *συναχθεις της των*

Λαχων εκκλησιας: Polyb. 28,3,6). Однако поводов для обвинения ахейских лидеров оказалось недостаточно, и потому римляне ограничились речами общего характера, «когда было созвано для них совеща-

ние в Эгнии» (*συναχθεις αυτοις της βουλης εις Αιγιον*: Polyb. 28,4,1; 28,5,1), ограничились созывом совета. Именно так считает Ларсен, который все же не в силах объяснить удовлетворительным обра-

зом, отчего Полибий ранее упоминал о предстоящем созыве *εκκλησιας* (Larsen. RG. P. 93 f). В этой связи стоит сослаться и на другое место у Полибия (28,4,1), которое подтверждает правоту Эймара, хотя сам

он упустил его из виду: римские послы в 168 г. прибыли на Родос, *και*

συναχθεις της βουλης πανταλασι θορυβωδης ην εκκλησια («когда было созвано совещание родосцев, собрание народа получилось

весьма шумным»). Здесь, безусловно, термины *βουλη* и *εκκλησια* означают одно и то же: народное собрание, иначе смысл фразы полностью теряется.

²³ Larsen. RG. P. 187 f. Ср.: Aymard. ACA. P. 126 suiv.; Giovannini. Polybe... P. 12; Walbank. Comm. III. P. 408

²⁴ Giovannini. Polybe... P. 6 suiv.

²⁵ Только маститый эпиграфист Ж. До положительно отозвался о гипотезе Джованнини: Daux G. Notes de lecture // BCH. T. 93. 1969. P. 430. Резкая критика этой гипотезы: Larsen J. A recent interpretation of the Achaean assemblies // CPh. V 67 1972. P. 178 ff; Walbank F. The Achaean assemblies again // MH V 27 1970 P. 129 ff; Lehmann. Erwägungen... S. 252 ff.

²⁶ Giovannini. Polybe... P. 6.

²⁷ См. Foucault J. de Recherches sur la langue et le style de Polybe P. 1972 P. 220.

²⁸ Giovannini. Polybe... P. 8 suiv; Walbank Comm. III. P. 400, 407 f; O'Neil. Op. cit. P. 48 f.

²⁹ Сейчас так же считают: Walbank Comm. III. P. 406 ff; O'Neil. Op. cit. P. 45 ff. Наиболее слабое место гипотезы Эймара — истолкование событий 168 г. Если считать синады II в. народными собраниями, требуется какое-то иное объяснение, например такое: фраза Полибия (29,24,6) о присутствии на синклите «не только совета, но и всех не моложе 30 лет» поясняет читателю не отличие синклита от синада, а отличие ахейского синклита от тех органов, которые во II в. все чаще

начинают именоваться термином *βουλευσις*: городских советов в полисах западных греков (IG XIV. 756 a, 952, 953; SEG XII 378), римского сената (Polyb 6,13,1; 18,46,5; 22,10,10 etc), карфагенского совета (Polyb. 10,18,1, 36,4,6).

- ⁴⁰ Предположение Эймара, что чрезвычайные собрания стали собираться только после 220 г., не соответствует ни фактам, ни здравому смыслу. Типичным синклитом было, например, собрание, созданное специально для заключения мира с Клеоменом III в 226 г., причем ахейцы собирались в Арголлиде, а не в Эгине, где традиционно до 188 г. проводились синоды (Plut. Cleom 15,3, 17,1; ср.: Liv. 38,30,2). Собрание, предназначенное для избрания Арата стратегом-автократом в 225 г. и устроенное в Сикионе, также было чрезвычайным, а не регулярным (Plut. Ar 41,1). То же касается собрания, в котором участвовало ополчение союза, проведенного в 220 г. в Мегалополе по решению предшествовавшего синода (Polyb 4,7,10, 4,9,1 sqq). Необходимость синклитов была очевидна даже тогда, когда синод обладал всеми необходимыми полномочиями: перерывы между регулярными собраниями, как мы увидим далее, достигали подчас нескольких месяцев, причем сроки созыва, скорее всего, были твердо определены. Срочный характер важнейших проблем требовал созыва внеочередных собраний (см.: Aymard. ACA. P. 413 suiv; ср. Larsen RG P 78 ff).
- ⁴¹ Докладательством являются решения синодов 224 г. (официальное оформление союза ахейцев с Македонией, признание Антигона Досона гегемоном федерации: Polyb 2,54,13 sq) и 220 г. (объявление войны Этоллии, ратификация решения синедриона общегреческой симмахии о начале войны: Polyb. 4,7,1 sqq, 4,14,1 sqq; 4,26,7 sqq). См. Aymard. ACA. P. 220 suiv; Larsen. RG P. 79 ff, 92 f; Walbank. Comm. III. P. 413 f.
- ⁴² Естественно, это делалось на регулярных, а не чрезвычайных заседаниях собрания.
- ⁴³ См. примечание 30 к этой главе.
- ⁴⁴ Отнюдь не бесспорное предположение А. Эймара, поддержанное Ларсеном. Эймар обратил внимание на то, что у Страбона (8,385) проведение синодов в Гамарии ограничено периодом до 255 г., а позднее Ливий (38,30,2) уже не может объяснить, почему именно Эгий был местом федеральных собраний. Заметим, однако, что римский историк, читая Полибия, у которого синоды локализуются всегда «в Эгине», а не «в Гамарии», мог и не понять, что речь идет о святилище за городом. См. Aymard. ACA. P. 294 suiv; Larsen FS P. 217.
- ⁴⁵ Синоды 220 г.: Polyb 4,6,7; 4,7,1 sqq; 4,14,1 sqq; 4,26,7 sq; 217 г.: Polyb. 5,30,7; 5,94,1, 5,102,5; 5,106,1. А. Эймар обратил внимание на некоторые расхождения в сроках созыва синодов 220, 219, 218 и 217 гг. и сделал вывод об отсутствии четко фиксированных дат для регулярных собраний ахейцев. Пожалуй, справедливо Дж. Ларсен не согласился с ним, объяснив несовпадение сроков трудными условиями времен Союзнической войны. В более спокойное время ахейский стратег назвал римлянам дату следующего синода с точностью до месяца (Polyb. 38,11,5). См.: Aymard. ACA P 238 suiv; Larsen. RG P. 81 f; Walbank. Comm III. P 414.
- ⁴⁶ Если вопрос, решаемый синклитом, не был заранее сформулирован на синоде, как было, например, с делом о помощи Оропу (Syll.³ 675) или Мессени в 220 г. (Polyb 4,7,5).
- ⁴⁷ Polyb 5,91,5, 23,5,16, 23,16,4, 23,17,5 sq, 24,8,4, 29,24,5, Liv 31,25,10, 32,20,3, 36,31,10, 38,30,4, 39,35,5.
- ⁴⁸ Liv 32,20,7; 32,22,2; 32,22,8 sq, 32,23,1; 38,32,1. Это вывод общепринятый, и напрасно А. Джованнини подверг его сомнению. Речь у Ливия идет не просто о том, что на собраниях представители каждого полиса держались вместе и проявляли единодушие, а именно о голосовании «по городам». Выражение «*ceteri populi Achaeorum, cum sententias perrogarentur societatem... confirmarunt*» (Liv 32,23,1) переводится буквально

но «прочие общины ахейцев, когда поочередно запрашивали их мнение, проголосовали за союз» и означает, что порядок голосования в ахейском синклите представлялся Ливию таким же, как в трибунных комициях или в сенате Рима (*sententias perrogare* — поочередный опрос сенаторов). Нелепо противопоставлять Ливию Полибия, у которого подобный порядок не описан римский историк как раз брал материал о собраниях 198 и 189 г в соответствующих главах полибической «Истории», ныне утерянных. Ссылка на голосование одновременно

большинной массы людей (то *πλήθος*, Polyb 22,8,13) относится к синоду, а не синклиту (Giovannini. Untersuchungen. S. 37. An. 31).

³⁹ Только А. Эймар обратил на это внимание, а вслед за ним и О'Нейл. Все прочие исследователи распространяют на синод тот же порядок голосования, который известен для синклита (см. Aymard ACA. P. 387 suiv.; O'Neil. Op. cit. P. 46 f.).

⁴⁰ Совершенно неясно, каков был удельный вес каждого полиса при голосовании «по городам». Невозможно доказать ни то, что каждый полис имел по одному голосу, ни то, что голоса распределялись пропорционально значению и количеству граждан полиса. За первую возможность: Дройзен. Указ соч. С. 247; Васильевский. Указ соч. С. 233; Мищенко. Указ соч. С. ССXXXIV сл. (с далеко идущими выводами насчет слабости ахейской политической системы); Тарасенко. Из истории. С. 201; Freeman Op. cit. P. 271 f, Dubois Op. cit. P. 133 suiv.; Szanto. Op. cit. S. 122; Francotte Op. cit. P. 242, Busolt. Op. cit. S. 122; Robinson Op. cit. P. 104. За вторую возможность: Swoboda. Die griechischen Bünde. S. 61. An. 163; Kahrstedt. Op. cit. Sp. 1420; Larsen. RG P. 96; Lehmann Erwägungen. S. 258.

⁴¹ Aymard ACA. P. 149 suiv. Дж. Ларсен считает, что совет до 217 г. выносил такие предварительные решения, однако в качестве доказательств

ва смог лишь сослаться на выражение Полибия (2,46,6) «*οὐ προεστότες*

συνάθροισαντες τοὺς Ἀχαιοὺς ἐκινῶν μετὰ τῆς βουλῆς», т. е. «власти собрав ахейцев, решили вместе с советом» (или с совещанием²²) объявить войну Спарте. Одно из двух: либо это решение приняли магистраты вместе с советом, или (что гораздо вероятнее) народное собрание по предложению магистратов. Текст Полибия здесь не дает оснований утверждать, что вначале вопрос рассматривался в совете, а потом в собрании, как полагают Ларсен и Джованнини (Larsen RG. P. 78 f, 97, Giovannini Polybe. P. 16 N. 92). Относительно

идеи Джованнини об обязательности *προβουλευσις* и во II в. см. выше.

⁴² Нельзя делать никаких выводов на этот счет, опираясь на рассказ Полибия (22,7,3) о предложении Эвмена II подарить ахейцам 120 талантов

с тем, чтобы на проценты с этой суммы «*μισθοδοτεῖσθαι τὴν βουλήν*» т. е. выдавать плату за присутствие на синодах Во-первых, неясно, имеется ли в виду только совет, или под *βουλή* подразумеваются все участники синодов Во-вторых, неизвестно, какая именно плата и на сколько дней предусматривалась Эвменом, равно как и точный размер ростовщического процента в это время в Греции. Предположения о числе булевтов (от 120 до 8640 человек!) см. в работах: Freeman Op. cit. P. 207; Niese Op. cit. 3 Tl S. 40 An. 3; Niccolini Op. cit. P. 216 N. 2; Francotte Op. cit. P. 158; De Sanctis. L'assemblee P. 257 N. 1; Та-п САН P. 737. Schwahn Op. cit. Sp. 1256.

⁴³ В повествовании о синоде 146 г. Полибий (38,13,1) упоминает также не-

кую «герусию», члены которой *οἱ τῆς ἡγερονσίας* пытались воспрепятствовать стратегии Критолая продолжать агрессивную речь антиримского содержания. Некоторые исследователи посчитали «герусию» каким-то комитетом, представлявшим на собрании союзный совет и имевшим права надзора над деятельностью стратега (Lipsius H. *Beiträge zur Geschichte griechischer Bundesverfassungen*// BSG. Bd. 50. 1898. S. 176; Swoboda. St. A. S. 399. An. 7; Busolt. Op. cit. S. 1555. An. 2; Kahrstedt. Op. cit. S. 1416). Другие предположили, что под «герусией» подразумевается сам совет (Мищенко. Указ. соч. С. ССXXXVI сл; Francotte. Op. cit. P. 240). Более правдоподобной кажется третья точка зрения: «герусией» названы союзные дамиурги, которые, как мы уже видели, должны были руководить собранием вместе со стратегом и имели право воспрепятствовать принятию противозаконного постановления (Liv. 32,22,4 sqq). Именно дамиургов позднее Критолай обвинил в государственной измене (Pol. 38,13,2 sqq). Считают «герусию» коллегией дамиургов: Васильевский Указ. соч. С. 238. Прим. 1; Wahner. Op. cit. S. 39. N. 82; Freeman. Op. cit. P. 282, 296 f; Aymard. ACA. P. 153 suiv; Larsen. FS. P. 231; Walbank. Comm. III. P. 707; Lehmann. Erwägungen. S. 244

- ⁴⁴ Ср. другие оценки: *μεγίστη τιμή* (Polyb. 2,60,5); *summa imperii* (Liv. 27,31,10).
- ⁴⁵ Polyb. 2,52,7; 4,19,1; 4,67,2; 5,5,11; 22,3,4; 22,9,11; Liv. 32,39,7 sqq; 32,40,4; 33,2,4; 34,24,1 sqq; 34,30,7; 34,33,1 sqq; 36,31,6 sqq; Plut. Ar. 33,1; Paus. 7,13,5; 7,14,3.
- ⁴⁶ В данном случае (Polyb. 38,11,10) речь идет об известных распоряжениях Критолая насчет отсрочки выплаты долгов и долговых тяжб до окончания Ахейской войны. Возможно, что меры подобного характера все же были предварительно утверждены союзным собранием (Fuks. Op. cit. P. 272; Walbank Comm. III P. 703).
- ⁴⁷ «Примерно во время восхода Плеяд» Polyb. 5,1,1. См. Walbank. Comm. I. P. 538. После Союзнической войны начало года перенесли на осень (Polyb. 5,106,1; 11,10,9).
- ⁴⁸ Выступления стратегов на собраниях Polyb. 2,50,11; 4,9,7; 4,14,7; 11,9,1 sqq; 22,9,10; 23,17,7 sqq; 24,8,6; 28,7,6; 38,10,8 sqq; 38,12,7 sqq; Liv. 31,25,9; 35,25,7 sqq; 36,32,3; 38,31,2; 39,35,5 sqq.
- ⁴⁹ Ehrenberg. Op. cit. S. 97. Ср: Мищенко Указ. соч. С. ССХ; Тарасенко Из истории С. 211; Freeman. Op. cit. P. 288; Beloch. GG. IV. 1. S. 606; Tarn. САН P. 732.
- ⁵⁰ Busolt. Op. cit. S. 1318; Schwahn. Op. cit. Sp. 1183; Aymard. ACA. P. 178 suiv.; Giovannini. Untersuchungen. S. 27 f.
- ⁵¹ Polyb. 4,7,5 sq; 4,7,10; 4,15,6; 5,93,1; 28,12,3; Liv. 35,25,8; 38,33,1.
- ⁵² Примеры, когда стратег отвечает иностранным представителям, что не вправе единолично, например, заключать договор или важное соглашение: Polyb. 38,11,5; Liv. 32,21,2.

- ⁵³ Название должности *δαμιουργός*, *damiurgus* (Sull.³ 519, v. 13; SEG XIV 375, v. 3 sq; Liv. 32,22,2; 38,30,4). Это диалектная форма распростра-

ненного слова *δημιουργός*. В Πελοπόννησος, в том числе и в Ахайе, дамиурги представляли собой вначале общинных старейшин, а затем — выборных должностных лиц в полисах. Как федеральные магистраты, дамиурги известны в Ахайе еще в IV в. (SEG XIV. 375, v. 3 sq). Число 10 было, очевидно, обусловлено количеством полисов в союзе городов Ахайи в 1-й половине III в. (Polyb. 2,41,7 sq). Любопытно, что известные нам дамиурги и в конце III в. и даже во II в. были родом из этих исконных ахейских городов (Syll.³ 519, v. 13 sq; Polyb. 38,13,4; Liv. 32,22,5). Однако вряд ли столь долго продолжала существовать такая привилегия полисов Ахайи в разросшемся союзе. Граждане ар-

кадского Мегалополя Филопемен, Ликорт и Диофан участвовали в

185 г. в совещании ахейских $\alpha\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (Polyb 22,10,2 sqq) наверняка в качестве дамиургов.

- ⁵⁴ Все же кажется необоснованным предположение о том, что любое свое действие стратег обязан был согласовывать с дамиургами (Beloch GG IV. 1. S. 606; Schwahn Op. cit. Sp. 1258).

- ⁵⁵ Не следует на основании одного этого факта предполагать обязательность $\pi\rho\omicron\beta\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\mu\alpha\varsigma$ со стороны дамиургов на любом синклите (Васильевский Указ. соч. С. 243; Dubois. Op. cit P. 141 suiv.; Francotte. Op. cit. P. 153, 159; Niese. Op. cit 2. Tl S 293; Lehmann. Erwägungen . S. 256. An. 47).

- ⁵⁶ Jones. Op. cit. P. 238 f.

- ⁵⁷ Aymard A. Recherches sur les secrétaires des Confédérations aitolienne et achaienne//Mélanges offerts à N Jorga Bruxelles, 1933 P 96 suiv ; Buisson. Op. cit S 1572 Вряд ли стоит приписывать секретарю такую же важную роль, как у гиппарха, называть его «президентом союзного совета» и «государственным секретарем» (Дройзен Указ соч С. 104; Swoboda. St. A. S 410; Larsen F.S. P XXIII)

- ⁵⁸ Так, номографы союза «издали закон» ($\tau\omicron\nu\nu\nu\omicron\mu\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$) о культе Гигии порядке жертвоприношений в честь этой богини, проведении праздника и т.д. (IG IV².1, 73) Неизвестно, сделали ли это они по поручению собрания или по собственной инициативе и поддался ли этот закон последующему утверждению на синоде См. разные предположения о границах полномочий номографов: Swoboda St. A S.399; Niccolini. Op. cit. P. 237; Schwahn Op. cit Sp 1249, Aymard. ACA. P. 183 suiv., 383 suiv.

- ⁵⁹ Swoboda H Die neuen Urkunden aus Epidauros//Hermes Bd 57 1922 S. 520 f; Tarn CAH P. 737, Lehmann Erwägungen . S 247 f

- ⁶⁰ Aymard. ACA. P. 381 suiv ; Larsen. RG. P 217 N 22, Moretti L Iscrizioni storiche ellenistiche. V 1. Firenze, 1967. P 125

- ⁶¹ Чаше Полибий употребляет более общие термины. $\alpha\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$, $\alpha\iota$ $\alpha\rho\chi\alpha\iota$, $\alpha\iota$ $\pi\rho\epsilon\beta\upsilon\tau\omega\tau\epsilon\varsigma$, $\alpha\iota$ $\kappa\rho\alpha\tau\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$. «Власти» союза выносят на тайных совещаниях решения по важнейшим вопросам, которые затем передают (или нет) на утверждение собрания (Polyb 2,46,4 sqq; 38,11,3, 38,13,4 sq), встречают иностранных представителей и ведут с ними переговоры (Polyb. 22,10,2 sqq; 23,16,6; 27,2,11 sq; Paus 7,12,2 sq), дают ответ послам от имени Ахейского союза (Polyb 4,9,3 sqq; 22,10,13, 23,16,6; 27,2,11 sq), на имя $\alpha\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ приходят дипломатические по-

слания (Polyb. 23,5,16 sq, 29,25,7) О термине $\sigma\upsilon\nu\alpha\rho\chi\iota\alpha$ в Греции см

Жебелев С. А. $\Lambda\upsilon\alpha\iota\alpha$. В области древней провинции Ахайя СПб., 1903 С. 359 сл; Swoboda VB S 134 ff, Jones Op. cit P 170, 178, Touloumakos J. Der Einfluss Roms auf die Staatsform der griechischen Stadtstaaten des Festlandes und der Inseln im ersten und zweiten Jhd v Chr Göttingen, 1967. P 16 ff

- ⁶² Некоторые из перечисленных особенностей федеративного государства были присущи и Афинской морской державе, но там произошла подмена союзных институтов афинскими: союзники пользовались афинской монетой, вносили форо́с в афинскую казну, ездили судиться в афинскую гелию́. Такое господство полиса-гегемона не отвечает сущности действительно федеративного союза, важнейшим отличием которого являлось равноправие его членов. Некоторые черты федерализма в грече-

ских симмахиях, особенно IV в., в основном наблюдаются в деятель-

ности представительных органов (см Гребенский Н Н Κοινὴ εἰρήνη и федеральное движение в Греции // Из истории античного общества Горький, 1975. С. 24 сл.; Никитина И П. К вопросу о федерализме в древней Греции // Методология историко-правовых исследований. М., 1980. С. 68 сл.; Фролов Панэллинизм.. С 194 сл.)

- ⁶³ Упоминания о «законах» вообще: Polyb. 2,37,10, 24,8,5; 24,9,3; 24,9,8, 24,11,5 sq. Не ранее 224 г. был принят также закон, запрещающий ахейцам даже рассматривать на собрании предложения, противоречащие союзу с Македонией (Liv 32,22,3), и вести переговоры с другими царями, кроме македонского (Plut. Ag. 45,2) Ко времени после рассмотрения здесь периода ахейской истории относятся законы об исключительной компетенции синклита и поводах для его созыва (Polyb 22,10,12, 22,12,6; 23,5,16; 29,24,5; Liv. 39,33,7). Позднее был принят и закон, который категорически запрещал ахейцам принимать дары от иностранных держав (Polyb. 22,8,3): до середины 220-х гг. Арат совершенно открыто получал деньги от египетского царя (Plut. Ag. 41,3) X Свобода в своем списке ахейских законов упоминает также устанавливавшие единство мер и весов во всем союзе (Polyb. 2,37,10) и запрещавшие внешние сношения полисов федерации без согласия на то союзных органов. Может быть, такие законы действительно были изданы. Что касается запрета хоронить людей в черте города, то здесь X Свобода принял сикионский закон за федеральный (Swoboda. Die Städte.. S. 25 f, 31).

- ⁶⁴ ψηφισμὸς (Syll.³ 490, Polyb 18,6,7, 28,7,8, 28,13,4; 38,13,7), δοῦναι

(IvM. 39, v 35, 44, Polyb 4,9,1; 4,15,6; 5,91,5), αἴνεος (Syll.³ 471, v 4).

- ⁶⁵ Polyb 23,4,5; 30,32,5, 38,18,2 sq; Liv 38,33,11; 39,35,8; 39,36,2, 42,51,8; Paus 7,9,2; 7,10,8; 7,12,2; 7,13,4 sq

- ⁶⁶ Несомненно, таким же противозаконным деянием являлся приказ Ликорта виновникам смерти Филопемена покончить с собой (Polyb 23,16,13) Впрочем, задним числом этот приговор мог утвердить начавшийся вскоре синод (Busolt Op cit S 1569)

- ⁶⁷ Syll.³ 490, v 1 sq; Polyb 23,4,5, 23,4,14; 24,9,13; 30,32,5, Liv 38,33,11, 39,35,8, 39,36,2, 42,51,8, Paus 7,9,2, 7,10,8 sq, 7,12,2, 7,12,4

- ⁶⁸ Пожалуй, только М Дюбуа усомнился в существовании судебной коллегии, отличной от синода и синклита См Дройзен Указ соч С 256, Мищенко Указ соч С ССХХI Прим. 2; Dubois Op cit P 146 suiv; Swoboda St A S. 385, 397, 411, Francotte Op cit. P. 155; Niccolini Op. cit P 232 sgg., 237 sq; Busolt. Op. cit. P. 1553; Schwahn Op. cit Sp 1250, 1252; Aymard, ACA. P. 182 suiv; Larsen. FS. P. 236 f, Giovannini. Untersuchungen.. P. 28

- ⁶⁹ Aymard ACA P 67. N 1

- ⁷⁰ В Акарнанской федерации такая коллегия (δικαστήριον) существовала. IG IX 1² 583, v 74.

- ⁷¹ Syll.³ 490, v 4 sq; Polyb 23,4,5, 24,9,13, 38,18,3, Liv 38,33,11, 39,35,8, Paus 7,9,3; 7,10,8, 7,12,2

- ⁷² Polyb 18,1,2, 23,4,5, 24,9,13, Liv. 32,19,2, 42,51,8, Paus 7,9,6, 8,51,3

- ⁷³ Syll.³ 490, v 17, Paus 7,13,5

- ⁷⁴ А не в самом городе, как может показаться при чтении Павсания (7,24,1) Там упоминается городской храм Зевса Гомагиря («Собирателя»), который не следует путать с Гамарноном, Федеральное святилище находится у Страбона (8,384) οὐδὲ τοῦ Ἀμφιπόλου, т. е. основную его часть составляла священная роща См. Aymard ACA P. 279 suiv.

- ⁷⁵ О происхождении эпитета *Ἀμαριος* и его смысле см.: Aymard A. *Le Zeus fédéral achaien* — *Hamarios*//*Mélanges offerts à M. Octave Navarre* Toulouse, 1935 P. 453 suiv.
- ⁷⁶ Тарн В. Эллинистическая цивилизация М., 1949. С. 85; Beloch GG IV 1 S. 604; Busolt. Op. cit. S. 1566 (Bundeshauptstadt), Larsen FS. P. 239 f.
- ⁷⁷ Об ахейских монетах см.: Weil. R. *Das Münzwesen des Achaischen Bundes*//*ZN. Bd. 10* 1882 S. 199 ff; Gardner P. A. *Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Peloponnesus. L., 1887* P. 1 ff; Clerk M. *Catalogue of the coins of the Achean League. L., 1895*; Löbbecke F. *Ein Fund achaischer Bundesmünzen*//*ZN Bd. 26.* 1907. S. 275 ff; Head B. *Historia numorum Oxf., 1911.* P. 417 f; Crosby M., Grace E. *An Achean League hoard. N.-Y. 1936*; Thompson M. *The Agrinion hoard. N.-Y. 1968* P. 85 f; Chantraine H. *Der Beginn der jüngeren achaischen Bundesprägung*//*Chiron. Bd. 2.* 1972. S. 175 ff.
- ⁷⁸ Weil. Op. cit. S. 206 ff; Gardner. Op. cit. P. XXIII; Clerk. Op. cit. P. 416 f; Caspari M. *A survey of the Greek federal coinage*//*JHS. V.* 37 1917 P. 169.
- ⁷⁹ Seltman Ch. *Greek coins. L., 1955* P. 255
- ⁸⁰ Crosby, Grace. Op. cit. P. 19 f.
- ⁸¹ Thompson Op. cit. P. 89 f.; Chantraine Op. cit. P. 185 ff; Walbank The Hellenistic world. P. 155.
- ⁸² Weil Op. cit. S. 210, 225, 248, 256, 267 f., 272, Head. Op. cit. P. 417 f; Chantraine Op. cit. S. 183 f.
- ⁸³ Weil Op. cit. S. 211 ff; Löbbecke. Op. cit. P. 276 f., 296 f, Thompson Op. cit. P. 143 f.; Chantraine Op. cit. S. 189.
- ⁸⁴ Thompson. Op. cit. P. 85 ff Критика этой гипотезы высказана в работе Chantraine Op. cit. S. 187 ff.
- ⁸⁵ Мищенко Указ. соч. С. CCXXII; Freeman. Op. cit. P. 309 f.; Swoboda. *Die Städte..* S. 31; Niccolini. Op. cit. P. 238, 254; Tarn. *CAH.* 736; Busolt. Op. cit. S. 1554; Schwahn. Op. cit. Sp. 1262, Larsen. FS. P. 232 f.
- ⁸⁶ Предположение А. Джованнини со ссылкой на факт предоставления персонального иммунитета фокидским и беотийским заложникам в союзном декрете Syll.³ 519, v. 10 (Giovannini, *Untersuchungen..* S. 30) За-
метим, что в подобного рода постановлениях *ατελεία* могла представлять собой чисто символическую почесть, тем более что речь идет не о постоянно проживающих на территории союза людях
- ⁸⁷ Если верна конъектура [*φορὸν καὶ τὰς εἰσφορὰς*]⁸⁷ *ας*, то полисы помимо *εἰσφορᾶν* на военные цели платили также некий постоянный *φορὸς* на текущие надобности союза
- ⁸⁸ См.: Busolt. Op. cit. S. 1317, An. 6, Ehrenberg Op. cit. S. 98
- ⁸⁹ *Iuvenes delecti omnium civitatum* (Liv 32,25,6); *πολιτικοὶ νεανίσκοι* (Polyb. 5,30,1).
- ⁹⁰ Polyb. 4,19,1, 5,3,2; 5,17,4; 5,92,10; 5,95,5; 16,37,2. Liv 32,25,6, Plut. Ar. 31,3
- ⁹¹ В случае недостатка средств у союза города могли за свой счет набирать наемные отряды для самозащиты, но в этом случае федерация затем возмещала им издержки (Polyb. 4,60,10).
- ⁹² Polyb. 2,58,3, 4,37,6, 4,60,2, 4,60,10, 5,3,2, 5,30,1; 5,30,6; 5,91,6. 5,92,10, 5,94,1, 5,94,9, 5,95,7, 11,11,4, Liv 33,15,3 sqq., Plut. Ar. 37,5, Cleom. 17,7, Philop. 10,3
- ⁹³ *πανδημει*: Polyb. 2,51,3; 28,12,2, 38,15,7; Plut. Cleom. 14,4
- ⁹⁴ Syll.³ 600; Polyb. 10,23,9; 16,36,3 sq; Suidas s. v. *ἀποτελείου*.

- ⁹⁵ Polyb 4,12,12; 11,11,4. Liv 33,15,5, 33,15,11, Plut Ar 37,4; Cleom 14,5
⁹⁶ Polyb 4,12,3, 4,12,7; 11,11,4
⁹⁷ Polyb 4,61,2; 22,9,3, 23,16,10, Liv 33,15,5; 33,15,11; 32,29,4, 35,30,4, Plut Ar 37,1, Philop. 10 4
⁹⁸ Костяк его, видимо, составили 25 военных судов, захваченных Аратом в порту Коринфа (Plut Ar 24,1) В конце Деметриевой войны в походе вдоль западного побережья Греции участвовало 10 ахейских кораблей, в том числе минимум одна пентера и четыре теттеры (Polyb 2,9,9, 2,10,5). В 217 г. активно действуют лишь 6 ахейских кораблей, в 209 г. — 5 (Polyb 5,91,8, Liv. 27,30,15).
⁹⁹ Возможно, еще одним элементом военной организации Ахейского союза была система военных округов Полибий (5,94,1) упоминает некую

συντελεια Πατρικη, т.е. округ с центром в Патрах, во главе с «гипостратом» То же самое, очевидно, подразумевается под выражением

Πατρεις...και το μετα τουτων συντελικον (Polyb. 38,16,1) Гипострат этого округа командовал ополчением Димы, Фар и Тритен (Polyb 4,59,2, 5,95,7), которые вместе с Патрами составляли западную часть Ахайи. Остается только гадать, была ли эта «синтелия» единственной в союзе, выполнявшей роль как бы особого военного округа (Э Мейер, Дж. Ларсен), или на такие округа была разделена вся территория Федерации (А. Феррабино, В. Шван, А. Эймар). Слишком далеко в своих предположениях заходит Феррабино, который даже попытался

точно определить границы и центры других συντελεια путем очень

спорных рассуждений В любом случае сведения о συντελεια Πατρικη показывают, что внутри союза было возможно объединение в необходимых случаях военных усилий отдельных групп полисов. См. Ferrabino. Op. cit. P. 297 sgg., Schwahn. Op. cit. Sp. 1251; Aymard. ACA. P. 90 N 1, Meyer E. Patrai // RE. Bd. XVIII, 4. 1949. Sp. 2206; Larsen J. The rights of cities within the Achaean Confederacy // CPh. V. 66 1971. P. 84 ff.

- ¹⁰⁰ δημοκρατια αληθινη: Polyb 2,38,6; δημοκρατια: Polyb 2,41,5 sq; 2,44,6; 4,1,5; 22,8,6; δημοκρατικη πολιτεια: Polyb 24,9,2, δημοκρατικον πολιτευμα: Polyb. 23,12,8.

¹⁰¹ Tarn. САН. P. 739; Aymard Les premiers rapports... P. 17. N. 10, Gelzer. Op. cit. S. 5 An. 1.

¹⁰² ισηγορια και παρρησια: Polyb. 2,38,6; 2,42,3

¹⁰³ Дройзен. Указ соч. С. 257; Ранович Указ соч. С. 241; Тарасенко. Из истории... С. 210; Vishar. Op. cit. S. 378; Robinson. Op. cit. P. 105, Larsen. FS. P. 232. N 2

¹⁰⁴ Эвмен II, царь союзного Пергама, в 185 г. предложил 120 талантов для того, чтобы на проценты с этой суммы выплачивать вознаграждение участникам синодов (Polyb 22,7,3 sqq) Этот дар был отвергнут собранием, что, кстати, дополнительно характеризует его социальный состав (Polyb 22,8,13) Предположения о том, что у ахейцев была собственная система платы за присутствие на синодах, имеют под собой крайне шаткие основания (такое утверждение есть в работах: Wahner Op. cit. S. 33 An 45, Szanto Op. cit. S. 125; Lehmann Untersuchungen. S. 381). Эвмен не стал бы делать подобное предложение, если бы ахейская казна уже имела постоянный фонд для оплаты присутствия на синодах. Расчет его заключался именно в том, чтобы поразить воображение ахейцев этим новшеством и повлиять таким образом на курс

ахейской политики (см.: Swoboda. St. A. S. 403, Busolt Op cit S. 1559; Schwahn. Op. cit S 1256 f; Aymard. ACA P. 331 suiv; Larsen RG P. 95; Welwei. Demokratie S. 285 f)

- ¹⁰ Липп Г Леман, стремясь доказать, что Полибию можно доверять всегда и во всем, безоговорочно считает ахейский политический строй подлинно демократическим. Он утверждает, что антидемократические особенности ахейской конституции вовсе не исключали возможности для низших слоев гражданства законным образом отстаивать свои интересы и даже господствовать в союзном собрании, однако ахейский демос был «политически сознательным», сотрудничая с элитой и не поддаваясь призывам «демагогов» (Lehmann. Untersuchungen. S 382 ff) Леман прав лишь в том смысле, что политика «социального умиротворения», которую проводили Арат и другие ахейские вожди, давала свои плоды: с течением времени политическая пассивность ахейского демоса все более увеличивалась.

К ГЛАВЕ 6

- ¹ Полибий (2,38,7) убеждает читателей, что большинство полисов было присоединено благодаря «убеждению и разумному слову», но подразумевает под этим дипломатический нажим на тиранов, поставленных в безвыходное положение не в последней очередь из-за ахейской военной экспансии.
- ² Объединение первых четырех городов Ахайи в 281 г. не было закреплено установлением такой стелы (Polyb. 2,41,12) именно потому, что Эгий с Гамарионом еще находились вне союза. О «камне» с условиями вступления в федерацию упоминает и Ливий (39,37,16).
- ³ V. 4: [..ov]τες και αφρουρατοι και πολιτει[αι] χρομενοι τη πατρίω...]
- ⁴ Не обратил внимания на эту надпись А. Джованнини, утверждающий, что права полисов в таких союзах, как Ахейский, никакими документами не закреплялись (Giovannini. Untersuchungen. S 89. An. 63).
- ⁵ Syll³ 559, v. 41 sqq; 57; IG. IV. 679, v. 22; IV². 1. 59, v 8; V 1. 5, v. 10 sqq; 7, v. 2; V. 2. 433, v. 6, 11, 13; VII. 223, v. 17; Polyb. 5, 93, 8; 18, 16, 3; 24, 7, 4 sq; Liv. 32, 25, 2; Plut Ar. 53, 2.
- ⁶ Szanto. Op. cit. S. 112, 150; Fougères G. Koinon//DA. T 3 1899, P. 834; Francotte. Op. cit. P. 150 suiv; Swoboda. St. A. S. 208 ff.; Busolt Op cit. S. 1313 f.; Schwahn. Op. cit. Sp 1174 ff; Ehrenberg Op cit S 97; Larsen. F. S. P. XV.
- ⁷ Ἀχαιοὶ ἐγένοντο: Syll³ 490; v. 12 sq, 16 sq; cp: Plut Ar 23, 4
- ⁸ ονομα, ονομασῖα: Polyb 2, 38, 1, 4, 1, 7, Plut Ar. 9, 6.
- ⁹ Ахейская πολιτεία: Polyb. 2, 38, 4; 4, 1, 7, Plut Ar 9, 6; 35, 5; 40, 2
«Быть гражданином Ахейского союза» — πολιτευσθαι μετα των Ἀχαιων, συμπολιτευσθαι μετα των Ἀχαιων (Polyb. 20, 6, 6 sq; 22, 8, 9; 23, 4, 4; 23, 4, 14). Состояние гражданства в федерации — συμπολιτεία (Polyb 20, 6, 7; 23 17, 1. 23, 17, 10)
- ¹⁰ Ахейский союз предоставлял иностранцам также проксению (Syll³ 529; Polyb 5, 95, 12), выступая и в этом случае как единое государство
- ¹¹ См различные предположения в работах Szanto. Op cit S. 134 ff; Francotte. Op cit P 151 suiv; Niccolini Op cit P 205, Swoboda Zwei

Kapitel... S. 24 f.; Busolt. Op. cit. S. 1549, Schwahn. Op. cit. Sp. 1180 ff.; Aymard. ACA. P. 116 suiv.

- ¹² В Акарнанском союзе федеральный гражданин должен был получить и гражданские права в любом, по его выбору, полисе Акарнании (IG IX.² 1. 393, v. 2 sqq).
- ¹³ Метекы ахейского города Димы, получавшие местное гражданство, предупреждались о том, что в их обязанности отныне входит участие в уплате налогов для союза и в союзном ополчении, т. к. они становились и гражданами федерации (Syll.³ 531, v. 33 sq).
- ¹⁴ См. декреты ахейских полисов Димы, Aproca, Тритен: Syll.³ 529; 531; SEG. XVI. 255; Wilhelm. Neue Beiträge... I. Tl. S. 38.
- ¹⁵ Polyb. 4, 58, 12, 5, 93, 2, 8, 12, 7, Plut. Ar. 24, 5; 37, 3; Philop. 13, 1.
- ¹⁶ Некоторые исследователи пытались доказать обратное, ссылаясь на факт избрания Арата местным стратегом в Апроце (Plut. Ar. 44, 5; см.: Weipert. Op. cit. S. 15; Dubois. Op. cit. P. 179; Schwahn. Op. cit. Sp. 1175, 1177). Пример явно неудачный: Арат, конечно, получил гражданские права в Апроце в порядке индивидуального пожалования.
- ¹⁷ Szanto. Op. cit. S. 139; 149 ff.; Francotte. Op. cit. P. 151; Busolt. Op. cit. S. 1314; Schwahn. Op. cit. Sp. 1175 ff.; Porter. Op. cit. P. CIV; Kolbe W. Das griechische Bundesbürgerrecht der hellenistischen Zeit// ZRG. Bd. 49. 1929. S. 129 ff.; Ehrenberg. Op. cit. S. 97; Larsen. FS. P. XVIII ff., 239.
- ¹⁸ Guiraud. Op. cit. P. 155 suiv.; Swoboda. Zwei Kapitel... S. 8 ff.; Tarn CAH P. 736; Rostovtzeff. Op. cit. P. 204 f.
- ¹⁹ См. Swoboda. Zwei Kapitel... S. 8 ff.
- ²⁰ То, что Арат из Сикнона имел собственный дом в Коринфе (Plut. Ar. 41, 4, 42, 3; Cleom. 19, 7; 19, 9), а Гиерон из Эгипы — дом в Апроце (Syll.³ 675, v. 17), можно вновь объяснить индивидуальным пожалованием

гражданства или права $\epsilon\nu\kappa\tau\eta\sigma\iota\varsigma$. В Эпидавре некто женился на местной женщине из семьи граждан, претендовал на получение эпидаврийского гражданства, но получил отказ. Надпись, повествующая об этом случае (IG. IV.² 1. 59), упоминает о каких-то ахейских нормах относительно либо заключения браков (по чтению Гиллера:

$\tau\omicron\nu\nu\ \epsilon\nu\ \Lambda\chi\alpha\iota\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\alpha\lambda[\lambda\alpha\gamma\mu\alpha\tau\omicron\nu\ \tau\omicron\nu\nu\ \gamma\alpha\mu\iota\chi\omicron\nu\ldots]$), либо предоставления местного гражданства в определенных случаях (по чтению

Латте: $\tau\omicron\nu\nu\ \epsilon\nu\ \Lambda\chi\alpha\iota\alpha\iota\ \sigma\upsilon\nu\alpha\lambda[\lambda\alpha\gamma\mu\alpha\tau\omicron\nu\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\iota\ldots]$ — SEG. XI. 396, v. 7). Доказать, что речь здесь идет об ахейце, ис-

пользовавшем право $\epsilon\pi\iota\gamma\alpha\mu\iota\alpha$ в качестве федерального гражданина, невозможно, хотя такой вариант не исключен. Более убедительно звучат слова Павсания (7, 16, 9) о том, что римляне в 146 г. запретили приобретать недвижимую собственность за пределами полисных

границ ($\epsilon\kappa\omega\lambda\upsilon\omicron\nu\tau\omicron\ \epsilon\nu\ \tau\eta\ \upsilon\pi\epsilon\rho\omicron\rho\iota\alpha\ \kappa\tau\alpha\sigma\theta\alpha\iota$): скорее всего, это означает, что ранее в Ахейском союзе такая практика была повсеместной. Однако и это свидетельство не является решающим аргументом, поскольку не дает представления о юридической основе подобных сделок.

- ²¹ Niccolini. Op. cit. P. 250 sgg.; Swoboda. Die Städte... S. 31 ff.; Beloch. GG. IV. 1. S. 602 f.; Busolt. Op. cit. S. 1552 f.; 1572; Schwahn. Op. cit. Sp. 1182, 1251; Larsen. The rights of cities... P. 81 ff.
- ²² Dubois. Op. cit. P. 146, 148, 162; Szanto. Op. cit. S. 119; Giovannini. Untersuchungen... S. 30 f., 49 f.
- ²³ Giovannini. Untersuchungen... S. 89.
- ²⁴ Мищенко. Указ соч. С ССХVI слл
- ²⁵ SEG. XI 1107, v. 10 sgg, 15 sgg, Polyb. 2, 48, 6 sq; 2, 58, 1; 4, 17, 7, 4, 60, 1.

- ²⁶ Это скорее гражданские, чем военные должности. О подобной практике в эллинистических монархиях см. Bengtsson H. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit* Bd 3. München, 1967. S 191 ff.
- ²⁷ « μετοίκους πολιτας εποίησεν αὐτὸν » Эти люди — не ахейские клерухи (Fougères. *Mantinee*... P. 494; Niccolini. *Op. cit.* P. 40. N 1), а именно местные метеки, по каким-то причинам поддерживавшие ахейцев (Мищенко. Указ соч С. CLXXXII; Niese. *Op cit* 2 TI S 310 An. 5; Swoboda. *Die Städte*.. CLXXXII; S. 37, *Urban Op cit* S 170 An. 292).
- ²⁸ Syll³ 634, Polyb. 4, 17, 7; 21, 32 с, 3; 22, 10, 6; 23, 18, 2, 24, 10, 15, Liv. 36, 35, 7; 38, 34, 5, Plut. *Philop* 16, 4; 17, 6.
- ²⁹ Полибий (2, 38, 8) подчеркивает именно формальное равноправие, отсутствие каких-либо привилегий у тех или иных полисов в Ахейском союзе
- ³⁰ М Леви предположил, что обычно союз не вмешивался в территориальные споры городов, опираясь на данные надписи SEG. XI. 972, где говорится о посредничестве Патр в разрешении конфликта между Фурией и Мегалополем и никак не упоминается о каком-либо отношении федеральных органов к этому событию. Но, во-первых, он не принял во внимание целый ряд других документов, а во-вторых, сама надпись SEG. XI. 972, может быть, относится не к ахейскому, а уже к римскому времени. Высказаны аргументы в пользу ее датировки как первой половиной II в. (до римского завоевания), так и второй половиной II в. Ко времени участия этих полисов в Ахейском союзе надписи относят: Valmin N. *Inscriptions de la Messénie*. Lund, 1929. P. 1 suiv.; Levi M. *Un documento d'arbitrato fra Megalopoli e Turia* // *RFIC*. An. 59, 1931, P. 93 (с упомянутым выше выводом); Moretti. *Op. cit.* P. 130. Римским периодом ее датируют: Guarducci M. *Nota di epigrafia spartana* // *RFIC*. An. 60, 1932. P. 85. N. 2; Roebuck. *Op. cit.* P. 103. N. 168; Touloumakos. *Op. cit.* S. 19. An. 1.
- ³¹ Соглашение о порядке судебных процедур (συμβολα), найденное в Стимфале (IG. V. 2. 357), традиционно считалось соглашением между Стимфалом и Эгирой и относилось ко времени участия обоих этих полисов в Ахейском союзе (см.: Gauthier Ph. *Symbola. Les étrangers et la justice dans les cités grecques* Nancy, 1972. P. 295 suiv). Поскольку в этом документе полисы совершенно самостоятельно устанавливают нормы взаимоотношений в правовой сфере и отсутствуют какие-то упоминания о федерации и порядках, существующих в ней, Дж. Ларсен высказал мысль, что ахейские полисы общались друг с другом как иностранные государства, полностью суверенные и никакими общими нормами не связанные (Larsen. *The rights of cities*... P. 66 f.). Однако такой вывод был бы спорным, даже если бы традиционное мнение о том, что это соглашение заключено между двумя ахейскими полисами, не вызывало никаких возражений. В последнее время Г. Тойблер довольно убедительно показал, что есть много оснований считать партнером Стимфала не Эгиру, а Деметриаду, как назывался Сикион некоторое время в конце IV в. Иными словами, данное соглашение вполне могло быть заключено задолго до вступления Стимфала в Ахейский союз (Taeubler H. *Sikyon statt Aigeira. Neue Beobachtungen zur Stele von Stymphalos* // *ZPE* Bd 42 1981. S 179 ff).
- ³² В 279 г, как уже говорилось, только Патры приняли участие в борьбе с кельтами (Paus 7, 18, 6; 7, 20, 6, 10, 22, 6), но этот эпизод относится еще к тому времени, когда союз только формировался. Ни в коей мере не является показателем абсолютной свободы ахейских полисов и более позднее событие, связанное с именем Филопемена Будучи частным лицом, знаменитый ахейский полководец предложил федеральному стратегу освободить Мессену, захваченную спартанским тираном Набисом. Убедившись в нежелании стратега предпринять этот поход,

Филопмен выступил в Мессении сам со своими согражданами-мегаполиитами (Plut. Philop. 12,4 sqq). Инициатором данного предприятия был не полис, а лично Филопмен, затеявший поход на свой страх и риск. Была ограничена и дипломатическая самостоятельность полисов. Мегаполиты, собираясь попросить помощи у македонского царя против Спарты, получили на то разрешение ахейского синода (Polyb. 2, 48, 5 sqq). Позднее ахейские полисы не имели права, согласно ахейско-римскому договору, обращаться самостоятельно в римский сенат (Paus. 7, 9, 4, 7, 12, 5), хотя сами римляне постоянно нарушали это условие, принимая сенаратные посольства Спарты. Участники одного из таких посольств Арей и Алкивиад едва не заплатились жизнью за жалобу в сенат на ахейцев союзное собрание приговорило их к смертной казни (Liv. 39, 35, 6 sqq). Другие полисы (кроме Мессении: Polyb. 23, 5, 1 sqq) воздерживались от подобных демаршей. Стимфал в 191 г., желая помочь изгнанникам из Элатей вернуться домой, что зависело от позиции римлян, обращается с просьбой не в Рим, а в союзное собрание ахейцев и ходатайствует о направлении посольства к римскому консулу (SEG XI 1107).

¹³ Указанный пассаж Полибия повествует о посольстве, отправленном римлянами в Коринф в 228 г. Об отсутствии серьезных политических целей у этого посольства см. Helleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. P., 1921. P. 129.

¹⁴ Moretti Op. cit. N 43: третейские судьи из Милета разбирают территориальные претензии ахейских полисов Эпидавра и Гермियोны, которые сами пригласили милетян для разрешения спора между ними.

¹⁵ Это показывает текст, сохранившийся на двух фрагментах каменной плиты из Мегариды (IG VII 188, 189), где речь идет об арбитраже для разрешения территориального спора между двумя полисами и воздается благодарность Ахейскому союзу за активную помощь одному из участников спора. Л. Робер убедительно доказал, что оба фрагмента являются частями одного и того же документа, а спорящими сторонами были Паги, входившие в Ахейский союз, и Эгосфены, которые принадлежали тогда (после 192 г.) беотийцам. Чтение Робера (SEG XIII 327) представляется более правдоподобным, чем принятое ранее чтение Диттенбергера (IG VII 188, 189), который посчитал участниками спора упоминаемые в надписи полисы Средней Греции Фиррей и Кассопею, но не учел, что они не граничили друг с другом. В данном конфликте они могли участвовать только в роли арбитров. Единственное, что вызывает возражение — это уверенность Робера в том, что сама надпись

представляет собой декрет Мегар. Восстановление строки I [Μεγ]α[ρ]

[Ῥοι]очень спорное. Упоминание Παῦστοι на строке 40 скорее составляет считать надпись постановлением Паг. (См. Robert L. Opera minora selecta T. 2 Amsterdam, 1969. P. 1250 suiv.).

¹⁶ См. Walbank Comm III P. 181.

¹⁷ Так утверждают Swoboda Die Städte. S. 21 f., Niccolini Op. cit. 245, Tarn САН. P. 736, Schwahn Op. cit. Sp. 1174.

¹⁸ Клеоны, захваченные Аратом еще до присоединения Аргоса к союзу (Plut. Arat. 28, 5), так и остались самостоятельным полисом (IG. IV² 1. 73, v. 9 sq; SEG XXIII 178, Liv. 33, 14, 7). То же касается мессенских Пилоса и Кипариссии (см. этника «Полиэи из Кипариссии» у Polyb. 11, 18, 2).

¹⁹ Liv. 39, 49, 1, Plut. Philop. 18, 5 самостоятельность этих городов еще до 182 г. О том, что они должны были отделиться от Мессении именно в 191 г. см. Niese Op. cit. 2 Tl. S. 713 An. 4, Aymard Les premiers rapports P. 13 N. 6, P. 347 N. 16, Roebuck Op. cit. P. 94 N. 124.

²⁰ Независимое положение Паг и Теней, равно как и ряда других πόλεις, εἰς αἷμα

- вратившихся в полисы, подтверждается выпуском монет этих общин с ахейской символикой. См. Weil. Op. cit. S. 233 ff.; Head. Op. cit. P. 417 f.
- ⁴¹ В качестве примера можно сослаться на особую позицию Аргоса и Мегалополя, желавших активного наступления на Спарту в конце Деметриевой и начале Клеоменовой войны, а в годы II Македонской войны выступавших против ахейско-римского союза.
- ⁴² Tarn. C.A.H. P. 736; Busolt. Op. cit. S. 1319. 1537 f.; Cary. Op. cit. P. 286; Ehrenberg. Op. cit. S. 97 f.
- ⁴³ Niccolini. Op. cit. P. 255 sgg.; Schwahn. Op. cit. Sp. 1182, 1187, 1260.
- ⁴⁴ Swoboda. Die Städte... S. 36 ff., 49 f.
- ⁴⁵ Aymard. ACA, P. 171 suiv.
- ⁴⁶ См.: Лурье С. Я. Беотийский союз СПб., 1914. С. 108 сл., 161 слл; Swoboda. St. A. S. 282 ff.; Busolt. Op. cit. S. 1438 f.; Roesch. Op. cit. P. 153 suiv.
- ⁴⁷ Syll.³ 529, v. 6 sq; 530, v. 4; 559, v. 45 sq; IG. IV.² 1. 60, v. 5 sq; SEG. XII. 371, v. 45; XVI. 255, v. 8, I v M. 41, v. 9; Polyb. 38, 11, 7; Liv. 32, 25, 2.
- ⁴⁸ Syll.³ 531, v. 10, 14; IG. IV. 756, v. 7 sq; 757 A, v. 10; IV.² 1. 59, v. 10; I v M. 41, v. 17.
- ⁴⁹ Niccolini. Op. cit. P. 256; Busolt. Op. cit. S. 1574. An. 1.
- ⁵⁰ Moretti. Op. cit. N. 42, v. 20; Liv. 32, 25, 2; Plut. Ar. 44, 5.
- ⁵¹ Дамиурги известны примерно в двадцати полисах из шестидесяти, когда-либо входивших в Ахейский союз. См. подсчеты В Шёнфельдера и А. Эймара (Schönfelder W. Die städtischen und Bundesbeamten der griechischen Festlandes vom 4. Jhdt. v. Chr. Lpz, 1917. S. 217 ff.; Aymard. ACA. P. 173. N 1).
- ⁵² Здесь будут учитываться надписи не только ахейского времени
- ⁵³ Wilhelm. Neue Beiträge... 1. Tl. S. 38, v. 12 sqq; IG. IV. 498; v 5 sq; IV.² 1. 76/77. v. 12 sqq; V. 2. 3, v. 27.
- ⁵⁴ Wilhelm. Neue Beiträge... 1. Tl. S. 38, v. 17 sqq; IG. V. 2. 357, v. 73 sq; SEG. XXV. 447, v. 17 sqq.
- ⁵⁵ IG. IV. 679, v. 27 sqq; IV.² 1. 66, v. 58; V. 2. 345, v. 3 sq; VII. 223, v. 20 sq; SEG. III. 312, v. 15 sqq; XXV. 447, v. 14 sq.
- ⁵⁶ IG. IV. 497; V. 2. 388—390, 395; IX. 1. 330, v. 2 sqq; SEG. III. 312; Plaisant, Blum. Op. cit. N. 9, v. 8.
- ⁵⁷ Niccolini. Op. cit. P. 260; Swoboda. Die Städte... S. 43; Busolt. Op. cit. Sp. 1260; Veligianni—Terzi Ch. Damiurgen. Zur Entwicklung einer Magistratur. Heidelberg, 1977. S. 63 ff.
- ⁵⁸ Еще в архаическую эпоху, когда колонисты из Ахайи создавали государственные учреждения ряда полисов южной Италии, копируя конституцию метрополии, важнейшими городскими магистратами считались дамиурги. См. надписи из южной Италии: IG. XIV. 636; SEG. IV. 71, 75.
- ⁵⁹ В V в. высшими магистратами Мантинеи считались дамиурги (Thuc. 5, 47, 9), в Аркадском союзе IV в. существовал совет дамиургов (Syll.³ 183). Именами дамиургов датированы документы доахейского времени из Лусов (IG. V. 2. 388, 389, 390). Эта должность упоминается также в документах: из Теген начала IV в. (IG. V. 2. 3, v. 27 sqq), Стимфала конца IV в. (IG. V. 2. 351, v. 12; 356; v 5 sq; 357, v. 73 sq, 84, 178 sqq), Алиферы до ее вступления в Ахейский союз (SEG. XXV. 447). Относительно датировки серии надписей из Стимфала, в том числе его соглашения с Сикноном, см. прим 31 к этой главе. О датировке декрета Алиферы см. Te Riele G.-J. Le grand araiseiment d'Alipheia // Revue archéologique, Fasc. 2 1967. P. 222 suiv. Неясна дата надписи из Фигалеи (IG. V. 2. 423), также упоминающей местных дамиургов.
- ⁶⁰ IG. IX. 1. 330, v. 2 sqq; GDI. 1615, v. 16; Wilhelm. Neue Beiträge. 1. Tl. S. 38, v. 12 sq, 17 sqq.
- ⁶¹ Swoboda. Die Städte. S. 43
- ⁶² Wilhelm A. Inschriften aus Messene // AM. Bd. 16, 1891. S. 345 ff.

⁶³ См. комментарий В. Диттенбергера к IG. VII. 41, а также работы: Thamm M. De re publica ac magistratibus Megarensium. Halle, 1885. P. 17; Shönfelder. Op. cit. S. 49 f.; Meyer E. Megara (2) // RE. Bd. XV. 1931. Sp. 199.

⁶⁴ Busolt. Op. cit. S. 606; Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 148; Robert. Opera minora... T. 2. P. 1263. N. 2; Veligianni — Terzi. Op. cit. S. 86 ff.

⁶⁵ Как делают: Busolt. Op. cit. S. 606; 1573. An. 3; Veligianni — Terzi. Op. cit. S. 86 ff.

⁶⁶ Swoboda. Die griechische Volksbeschlüsse. S. 139; Meyer E. Orchomenos // RE. Bd. XVIII. 1939. Sp. 886 f.; Veligianni — Terzi. Op. cit. S. 66.

⁶⁷ В серии проксенических декретов III в. (точная датировка невозможна) орхоменскими эпонимами обычно являются феары: SEG. XXV. 443; Plassart, Blum. Op. cit. NN. 1, 2, 4, 6, 8, 10, 11. Но в одном из них год датируется именем дамиурга (Plassart. Blum. Op. cit. N. 9, v. 8).

а если верна вполне приемлемая конъектура δαμ[ιουρῶν] на строке 6 еще одной из этих надписей (Plassart, Blum. Op. cit. N. 2), то возможен был и совместный эпонимат феаров и дамиургов. Более поздняя надпись (манумиссия I в. до н. э. — IG. V. 2. 345) также упоминает орхоменских дамиургов.

⁶⁸ Один из двух декретов III в., упоминающих дамиургов Орхомена, издан в честь сразу четверых этолийцев (Plassart, Blum. Op. cit. N. 2). В главе 4 уже говорилось, что подобные документы из восточной Аркадии лучше всего датировать периодом после выхода восточно-аркадских городов из Ахейского союза и перехода их под покровительство Этолии между 235 и 229 гг.

⁶⁹ См. прим. 50 к этой главе.

⁷⁰ В надписи IG. V.1. 5, v.17 sq фигурирует спартанский ἐπιδάμιουρος. О его «ахейском» происхождении см. Swoboda. Die griechische Volksbeschlüsse. S. 140 f.; von Schaefer V. Demourgoi // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 2861 f.; Aymard. ACA. P. 173. N. 1. Двое последних (Шефер и Эймар) справедливо замечают, что кроме Спарты, ахейцы нигде не вводили эту магистратуру.

⁷¹ GDI. 1615, v. 2, 10; Wilhelm. Neue Beiträge... I. Tl. S. 38, v. 17 sqq.

⁷² Swoboda. Die Städte... S. 40; Schaefer H. Polemarchos (4) // RE. Suppl. Bd. VIII. 1956. Sp. 1098 ff.

⁷³ Swoboda. Die Städte... S. 47 f. То же мнение относительно происхождения

терминов συνέδριον, συνέδριος в полисах Пелопоннеса: Accame S. Il dominio romano in Grecia dalla guerra Acaica ad Augusto. Roma, 1946. P. 142 sg. О социальной окраске этих терминов в римскую эпоху см. Touloumakos. Op. cit. S. 26 f., 155 ff.

⁷⁴ Guarducci. Op. cit. P. 84 sgg; Touloumakos. Op. cit. S. 19 ff.

⁷⁵ См. прим. 30 к этой главе. Совершенно произвольно в надписи о присоединении Орхомена к Ахейскому союзу (Syll.³. 490), строка 6 еще со вре-

мен Фукара восстанавливается так: ἐμ με[ν Αἰγυῶν οἱ συνέδριος τῶν Ἀχαίων...]. Вместо «синедров» здесь гораздо уместнее οἱ ἄρχοντες

или δαμιουροί. См. критику в адрес издателей надписи в работах: Swoboda. Die Städte... S. 47. An. 9; Busolt. Op. cit. S. 1567. An. 3; Larsen FS P. 220.

⁷⁶ Swoboda. Die Städte... S. 47.

⁷⁷ Niccolini. Op. cit. S. 262.

⁷⁸ Schwahn. Op. cit. Sp. 1261.

⁷⁹ Touloumakos. Op. cit. S. 21.

⁸⁰ Ibid. S. 22 ff.

⁸¹ Swoboda. Die Städte... S. 48 f.

⁸² Ibid. S. 48 f.; Busolt. Op. cit. S. 1574. Если верна датировка Тойблера (см. прим. 31 к этой главе), то надпись из Стимфала (IG. V. 2. 357, v. 40, 79) демонстрирует нам и герусию доахейского времени, что также опровергает мнение Свободы и Бузольта.

⁸³ В декрете Ахейского союза (I v M. 39, v. 43 sq): $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\epsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\gamma\rho\alpha\phi\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\tau\alpha\chi\omega\rho\iota\zeta\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\tau\omicron\ \tau\omicron\ \delta\omicron\gamma\mu\alpha\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \nu\omicron\mu\omicron\upsilon\varsigma$;
в Гермione, (IG. IV. 679, v. 23 sqq): $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \delta\epsilon\ \nu\omicron\mu\omicron\gamma\rho\alpha\phi\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\alpha\tau\alpha[\chi]\omega\rho\iota\sigma\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\tau\omicron\ (\tau\omicron)\ \delta\omicron\gamma\mu\alpha\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ [\nu\omicron\mu\omicron\upsilon\varsigma]$;
в Мегалополе (Syll.³ 559, v. 47 sqq) $\chi\omega\rho\alpha\sigma\alpha\upsilon\tau\omega\upsilon\upsilon\delta\epsilon\ \omicron\iota\ \nu\omicron\mu\omicron\gamma\rho\alpha\phi\omicron\iota\ \iota\upsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \nu\omicron\mu\omicron\varsigma$...

⁸⁴ Swoboda. Die Städte... S. 49; Busolt. Op. cit. S. 1574; Schwahn. Op. cit. Sp. 1261.

⁸⁵ Jones. Op. cit. P. 166.

⁸⁶ С этим согласны почти все: Swoboda. Die Städte... S. 43 ff.; Niccolini. Op. cit. P. 262; Busolt. Op. cit. S. 1573. An. 3; Touloumakos. Op. cit. S. 13.

⁸⁷ О продолжении подобной практики в римское время, хотя и при усилении позиций совета, см.: Жебелев. *Αρχαϊκα*... С. 359 слл; Jones. Op. cit. P. 170, 178; Touloumakos. Op. cit. S. 16 ff.

⁸⁸ Иногда указывают на еще один возможный случай принудительной реформы полисных учреждений: в 226 г. граждане Мантинеи изменили ахейцам и сдали город Клеомену, а спартанский царь «вернул им законы и государственный строй» (Plut. Cleom. 14: $\kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\varsigma\ \nu\omicron\mu\omicron\upsilon\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\upsilon\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\iota\alpha\upsilon\ \alpha\lambda\omicron\theta\omicron\upsilon\varsigma$). Предполагают, что Клеомен восстановил в городе конституцию, измененную ахейцами (Fougères. Mantinee... P. 498; Swoboda. Die Städte... S. 36 f.). Однако подобное выражение, да еще заимствованное у тенденциозно настроенного Филарха, может означать лишь то, что Клеомен вернул Мантинее независимость и суверенитет, которые были отняты у нее Ахейским союзом.

⁸⁹ Chrimes. Op. cit. P. 43 ff.

⁹⁰ Niccolini. Op. cit. P. 259; Busolt. Op. cit. S. 733 f.; Aymard. ACA. P. 174. N. 1; Gabba. Op. cit. P. 26; Touloumakos. Op. cit. S. 102; Clauss M. Sparta. München, 1983. S. 88.

⁹¹ Об исключительно жестоких мерах Филопемена в отношении спартиатов в 188 г. см.: Polyb. 21, 32 c, 3; 22, 12, 2 sq; Liv. 38, 33, 1 sqq; 39, 33, 6 sq; 39, 36, 4; 39, 37, 1; Paus. 7, 8, 5; 8. 51, 3; Chrimes. Op. cit. P. 40 ff., Shimron. Op. cit. P. 140 ff.; Errington. Op. cit. P. 140 ff.

⁹² С другой стороны, выход из союза с разрешения ахейцев был возможен: Polyb. 20, 6, 8.

⁹³ См. надпись SEG XV. 254, которую удачно истолковал Т Швертфергер в работе: Schwertfeger Th. Der Achaïsche Bund von 146 bis 27 v. Chr. München, 1974, S. 27 ff.

⁹⁴ IG. IV.² 1. 60, 61, 65; IG. V. 1, 1390, 1433; V. 2. 345; VII. 223; SEG. XI. 972.

⁹⁵ Так иногда именует Ахейский союз Полибий (2, 41, 13; 2, 44, 5, 23, 17, 1; 23, 17, 6; 23, 17, 8; 24, 8, 5). В надписях применительно к Ахейской федерации этот термин не встречается.

⁹⁶ Szanto. Op. cit. S. 104 ff.; Schwahn. Op. cit. Sp. 1174; Swoboda. Zwei Kapitel... S. 37; Giovannini. Untersuchungen... S. 9 ff.

⁹⁷ Francotte. Op. cit. P. 150 suiv.: Sympolitie.

⁹⁸ См. также терминологические изыскания А. Джованнини, который не без

оснований утверждает, что *συμπολιτεία* характеризует лишь одну сторону сущности союзов, подобных Ахейскому, а именно — наличие общего гражданства, и потому этот термин неполно отражает отличие таких объединений от других государств (Giovannini. Untersuchungen... S. 22 ff.).

⁹⁹ СИЭ. Т. 14. 1973. С. 1026.

¹⁰⁰ Giovannini. Untersuchungen... S. 71 ff.

¹⁰¹ Ранее в научной литературе лишь однажды и в очень общей форме высказывалось такое мнение: Szanto. Op. cit. S. 119.

¹⁰² Giovannini. Untersuchungen... S. 89 f.

¹⁰³ Ibid. S. 89. An. 63; Джованнини ссылается здесь на документ Syll.³ 490 о приеме Орхомена, сохранившаяся часть которого упоминает только обязательства полиса, но не принимает во внимание аналогичную надпись из Эпидавра (SEG. XI. 401), где, как уже говорилось, имеются строки, повествующие о гарантиях полису, данных союзом.

¹⁰⁴ Ibid. S. 84 f.

¹⁰⁵ Ibid. S. 30 f.

¹⁰⁶ Ibid. S. 89.

¹⁰⁷ Ibid. S. 86 ff.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 75.

¹⁰⁹ В Ахейском союзе это достигалось, в частности, с помощью разукрупнения больших полисов, а также благодаря отсутствию настоящей федеральной столицы, подобной Мегалополю в Аркадском союзе IV. в.

К ГЛАВЕ 7

¹ Клеομενιχος πολεμος (Polyb. 1,13,5; 2,46,7; 2,56,4; 4,5,5).

² Мищенко. Указ. соч. С. CLXXIX сл.; Valetton. Op. cit. P. 154 sqq; Flacelière. Op. cit. P. 371; Fine J. The Background of the Social war of 220—217 BC. // AJPh. V. 61. 1940. P. 129 ff.; Walbank. Comm. 1. P. 239; Petzold. Op. cit. S. 117 ff.; Shimron. Op. cit. P. 48; Daubies M. Un chasse — croise diplomatique dans le Peloponnese au III-e siècle av. J. C. // AC. T. 42. 1973. P. 125 suiv.; Larsen. The Aetolian — Achaean alliance... P. 167; Urban. Op. cit. S. 99 ff.

³ Brandstätter F. Die Geschichte des ätolischen Landes, Volkes und Bundes. B., 1844. S. 257 ff.; Freeman. Op. cit. P. 437 ff.; Klatt. Op. cit. S. 40 ff.; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 321; Pédech. Op. cit. P. 158 suiv.; Will. Op. cit. P. 331 suiv.

⁴ Васильевский. Указ. соч. С. 250 сл.; Дройзен. Указ. соч. С. 267; 279. Прим. 36; Niccolini. Op. cit. P. 32 sg.; Ferrabino. Op. cit. P. 64 sgg.; Beloch. GG. IV. 1. S. 696 ff.; Tarn. CАН. P. 753; Walbank. Aratus. P. 68 f., 72 f., 190 f.; Feyel. Polybe... P. 108 suiv.

⁵ Жигунин. Международные отношения... С. 147; Reuss E. Chronologie der Regierung Kleomenes III von Sparta // NJPhP. Bd. 107. 1873. S. 591, 596; De Sanctis. Questioni politiche... P. 237; Treves. Op. cit. P. 409 sgg.; Piraino M. Antigono Dosone, re di Macedonia // AAP. Ser. 4. V. 13. Pte. 2. Fasc. 3. 1953. P. 311; Lehmann. Untersuchungen... S. 340 f.; de Laix R. Polybios' credibility and the triple alliance of 230/229 BC. // CSCA. V. 2. 1969. P. 65 ff.

⁶ De Laix. Op. cit. P. 68 f. (Этот исследователь представил наиболее подробную аргументацию в защиту версии Полибия).

⁷ De Laix. Op. cit. P. 83.

⁸ Ibid. P. 70.

- ⁹ При этом совершенно неважно, что именно имел в виду Клеомен — нападение «неорганизованных» этолийских пиратов (de Laix. Op. cit. P. 70) или официально провозглашенный поход (Daubies. Op. cit. P. 129 suiv.). Если бы существовал договор Спарты и Этолии, там был бы предусмотрен запрет отрядам этолийцев грабить и разорять союзную сграну, как это видно из сохранившихся текстов соглашений Этолийского союза с другими государствами в III в. до н. э. (St. V. III. 470, 508, 564; IG. IX. 1², 189, 190, 191).
- ¹⁰ Допустим, что этолийский оратор у Полибия молчит по этому поводу потому, что **этолийцы втащили Спарту в войну** и не оказали ей помощи (de Laix. Op. cit. P. 67 f.). Но ведь тот же Полибий ранее обвинял этолийцев в том, что в начале Клеоменовой войны они помогли Клеомену, передав ему города восточной Аркадии в результате заключения тройственного альянса (Polyb. 2,46,1 sqq.). Разве такая жертва не заслуживала упоминания в речи Хленея? Молчание его скорее должно объясняться тем, что в 9-й книге Полибия повествование основано на реальных фактах, в отличие от подозрительного рассказа о тройственном альянсе во 2-й книге его сочинения.
- ¹¹ Историки, отмечающие, что в первые годы войны Клеомен был лишь «орудием в руках эфоров», на этом основании справедливо подвергают сомнению и тезис Филарха о значительности роли Клеомена в развязывании конфликта с Ахейским союзом (Fine. The Background... P. 138; Bickermann E. Note sur Polybe, II. Les négociations entre Aratos et Antigonos Doson // REG. T. 56. 1943. P. 296; Gabba. Op. cit. P. 38; Daubies. Op. cit. P. 136; Urban. Op. cit. S. 110 f.).
- ¹² Восстание в Фессалии: Just. 28,3,14. Контроль Этолии над основными частями Фессалии: Syll.³ 545, 553, 539 A; SEG. II. 260. 6; GDI. 2524; 2525; Polyb. 18,38,3 sqq; Liv. 33,13,6. См.: Fine J. The Problem of Macedonian holdings in Epirus and Thessaly in 221 B. C. // TAPhA. V. 63. 1932. P. 133 ff.; Flacelière. Op. cit. P. 253 suiv., 404 suiv.
- ¹³ О датировках этих событий см. сходные между собой выкладки исследователей: Tarn. CАН. P. 751; Fine. The Problem of Macedonian holdings... P. 140 ff.; Treves. Op. cit. P. 396 sgg.; Dow S., Edson Ch. Chryseis. A study of the evidence in regard to the mother of Philip V // HSPH. V. 48. 1937. P. 167 ff.; Feyel. Polybe... P. 112 suiv.; Piraino. Op. cit. P. 310, 365 sgg.; Walbank F. Philip V of Macedon. L., 1967. P. 295 f.; Will. Op. cit. P. 326 suiv.; Larsen. The Aetolian — Achaean alliance... P. 167.
- ¹⁴ de Laix. Op. cit. P. 79 f.
- ¹⁵ Мищенко. Указ. соч. С. CLXXXI; Klatt. Op. cit. S. 43; Valetton. Op. cit. P. 154; Ferrabino. Op. cit. P. 63 sg., 261; Fine. The Background... P. 148 f.; Bickermann. Op. cit. P. 298; Walbank. Comm. 1. P. 239; Larsen. FS. P. 314; Daubies. Op. cit. 143 suiv.; Will. Op. cit. P. 342.
- ¹⁶ Pédech. Op. cit. P. 160; Petzold. Op. cit. S. 122 f., 125 ff.; Urban. Op. cit. S. 104, 124.
- ¹⁷ Ранович. Указ. соч. С. 247; Шофман А. С. История античной Македонии Ч. 2. Казань, 1963. С. 167; Shimron. Op. cit. P. 35; Clauss. Op. cit. S. 80 f.
- ¹⁸ Ferrabino. Op. cit. P. 81 sg.; Walbank. Aratus... P. 77 ff.; Gruen. Op. cit. P. 612 f.; Urban. Op. cit. S. 144 f., 136.
- ¹⁹ Жигуни. Международные отношения... С. 148; Ferrabino. Op. cit. P. 257; Tarn. CАН. P. 753; Porter. Op. cit. P. LXVII; Treves. Op. cit. P. 24; Fine. The Background... P. 137. Менее вероятно, что Арат пошел на это еще во время своей стратегии 229/8 г., как считают: Klatt. Op. cit. S. 45 f.; Holleaux. La date... P. 249. N. 1; Aymard. ACA. P. 72; Walbank. Comm. 1. P. 144.
- ²⁰ Без особых на то оснований эту цифру подвергают сомнению: Beloch. GG. IV. 1. S. 698; Ferrabino. Op. cit. P. 75; Walbank. Aratus... P. 79; Larsen. FS. P. 315. N. 4.
- ²¹ Ferrabino. Op. cit. P. 79 sg.

- ²² Polyb. 2,51,3; 2,57,2; 2,57,7; 2,58,1 sqq; 4,8,4; Plut. Ar. 36,1 sqq; Cleom. 5,1 sqq; 14,5; Paus. 2,8,6.
- ²³ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 313.
- ²⁴ В рукописной традиции: Ἀλσάκιν (Plut. Cleom. 7,5), но такой город в Аркадии неизвестен. Скорее всего, Клеомен взял Алею, расположенную неподалеку от Орхомена (Walbank. Aratus... P. 85. N. 2; Urban. Op. cit. P. 175), а не Азею, хотя не исключен и последний вариант (Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 315; Beloch. GG. IV. 1. S. 702. An. 1; Ferrabino. Op. cit. P. 85).
- ²⁵ Полные права гражданства, видимо, получили и так называемые *υπομεινονες*, ранее безземельные спартиаты (см., в частности: Shimron. Op. cit. P. 42). Число граждан достигло пяти тысяч (Ibid. P. 43).
- ²⁶ Дата вытекает из указаний Полибия (2,47,3): вся история произошла после нескольких военных побед Клеомена и переворота в Спарте, но, судя по дальнейшему изложению событий в «Истории» Полибия, еще до начала кампании 226 г. Напрасно подвергли сомнению эти недвусмысленные данные источника А. Феррабино и Ф. Уолбэнк, предложившие слишком раннюю дату мегалопольского посольства — осень 229 г., т. е. время самого начала войны, когда все бедствия Мегалополя были еще впереди (Ferrabino. Op. cit. P. 68 sg.; Walbank. Aratus... P. 75, 192 f.). Еще менее правдоподобно новое предложение Уолбэнка: в начале войны было одно посольство в Македонию, совершенно тайное, а в 227 г. — второе. (Walbank. Comm. 1. P. 246). Никакой опоры в источниках эти гипотезы не имеют, если не считать содержания речей мегалопольских послов, которые Полибий составил в полном соответствии со своей версией причин Клеоменовой войны (Polyb. 2,49,1 sqq).
- ²⁷ Дройзен. Указ. соч. С. 280; Васильевский. Указ. соч. С. 277; Мищенко. Указ. соч. С. CXXXV сл.; Тарасенко. Ахейские политические деятели... С. 100; Жигунин. Международные отношения... С. 150; Самохина. Указ. соч. С. 107; Klatt. Op. cit. S. 54 f.; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 227; Niccolini. Op. cit. P. 46 sg.; Beloch. GG. IV. 1. S. 707; Ferrabino. Op. cit. P. 68 sgg.; Tarn. CAH. P. 756; Porter. Op. cit. P. LXXXVI ff.; Fine. The Background... P. 148 f.; Bickermann. Op. cit. P. 294 suiv.; Walbank. Aratus... P. 74 ff.; Larsen. Greek federal states. P. 316; Oliva P. Sparta... P. 247; Petzold. Op. cit. S. 104; Will. Op. cit. P. 341.
- ²⁸ Celzer. Op. cit. S. 13; Pédech. Op. cit. P. 104.
- ²⁹ Gruen. Op. cit. P. 609 ff.; Urban. Op. cit. S. 127 ff.
- ³⁰ Urban. Op. cit. S. 128.
- ³¹ Согласно Полибию (2,49,6), Антигону была обещана послами гегемония в Греции.
- ³² Urban. Op. cit. S. 131 ff.
- ³³ На это обращают внимание многие исследователи: Klatt. Op. cit. S. 26; Ferrabino. Op. cit. P. 72, 261; Walbank. Aratus... P. 12; Gelzer. Op. cit. S. 13; Gabba. Op. cit. P. 19; Africa. Op. cit. P. 27; Pédech. Op. cit. P. 160, 261; Will. Op. cit. P. 342; Petzold. Op. cit. S. 125. An. 1; Urban. Op. cit. S. 132 f. Не верит в наличие мегалопольского источника Полибия один Э. Груэн (Gruen. Op. cit. P. 617 ff).
- ³⁴ Сомнения Э. Груэна и Р. Урбана в том, была ли такая поездка Арата Младшего в Македонию на самом деле, или Полибий вновь допускает передержку, на этот раз уже чрезмерны. Если участие Арата в организации мегалопольского посольства — факт действительно спорный, то в данном случае Полибий говорит о событии, которое не представляло никакой тайны для ахейцев уже в 225 г. В частности, именно благодаря этой миссии в Ахейском союзе узнали о претензиях Антигона на счет Акрокоринфа (мегалополитам такого требования он предъявить не мог), причем люди непосредственно связывали продолжение ахейско-македонских контактов с именем Арата (Plut. Cleom. 17,5). См. Gruen. Op. cit. P. 624; Urban. Op. cit. S. 143 ff.

- ³⁵ В научной литературе начало переговоров с Клеоменом почему-то обычно рассматриваются вне всякой связи с политикой Арата, и создается впечатление, что послы отправились в Спарту против его воли. В источниках ничего не говорится о позиции Арата в момент начала ахейско-спартанского диалога, но это вовсе не свидетельствует о том, что он выпустил из рук управление ахейской политикой. Позднее именно по предложению Арата синклит в Аргосе поставил Клеомену определенные условия, при которых должны были завершиться переговоры (Plut. Cleom. 17,2). Наивно думать, что ахейцы позволили бы ему вмешаться в ход переговоров, если бы он с самого начала выступил против лубых контактов с Клеоменом и если бы они явились результатом отстранения Арата от руководства союзом.
- ³⁶ Более подробный рассказ Плутарха в биографии Клеомена (15,2 sqq) заслуживает большего доверия, чем краткое изложение этих же событий в жизнеописании Арата (39,1 sqq). В последнем варианте два собрания — в Лерне и Аргосе — описаны как одно, проведенное в Аргосе, и опущена вся предыстория, включая эпизоды с посольством ахейцев в Спарту, требованиями Клеомена, срывом первого синклита из-за его болезни.
- ³⁷ Васильевский. Указ. соч. С. 286 сл.; Мищенко. Указ. соч. С. СХХII; Ранович. Указ. соч. С. 249; Жигунин. Международные отношения... С. 162; Beloch. GG. IV. 1. S. 707 f.; Walbank. Aratus... P. 94; Fine. The Background... P. 141; Gabba. Op. cit. P. 251; Larsen. FS. P. 318; Oliva. Sparta... P. 251. N. 4; Shimron. Op. cit. P. 49.
- ³⁸ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 328; Urban. Op. cit. S. 150 ff.
- ³⁹ Beloch. GG. IV. 1. 706 f.; Walbank. Aratus... P. 95; Will. Op. cit. P. 349 suiv.
- ⁴⁰ Требование «гегемонии» подразумевало не восстановление старой системы спартанского господства в форме возрожденного Пелопоннесского союза, как полагают Э. Фримэн, Дж. Файн, Г. Мараско, и не предоставление Клеомену должности ахейского стратега, как посчитал А. Хойс. Имелась в виду типично эллинистическая форма зависимости греческих государств от монарха-протектора, которая в свое время была использована для закрепления союза ахейцев с Птолемеем (К. Белох, В. Тарн, Э. Виль, П. Олива). См.: Freeman. Op. cit. P. 476; Beloch. GG. IV. 1. S. 705; Tarn. CAH. P. 755; Heuss. Op. cit. S. 44 f.; Fine. The Background... P. 146; Will. Op. cit. P. 344; Oliva P. Die Auslandspolitik Kleomenes' III // A. Ant. Hung. T. 16. 1968. S. 181; Marasco. Storia a propaganda... P. 20.
- ⁴¹ Walbank. Aratus... P. 92; Koster. Op. cit. P. LXXIX; Fine. The Background... P. 141; Will. Op. cit. P. 343; Petzold. Op. cit. S. 108, 124.
- ⁴² Ferrabino. Op. cit. P. 94; Pédech. Op. cit. P. 159; Urban. Op. cit. S. 148 f.
- ⁴³ Именно такова была последовательность формирования нового чрезвычайного режима, если не усматривать ошибки в каком-либо из указанных пассажей Полибия и Плутарха. С нашей точки зрения, сомнения здесь вовсе не обязательны, т. к. существование двух стратегов в этом году источниками фиксируется дважды. В мае 225 г. и весной 224 г. «стратегом» именуется Тимоксен, причем в первый раз речь идет о его избрании на этот пост (Polyb. 2,53,2; Plut. Ar. 38,2; Cleom. 15,1; 20,8); осенью 225 г., до утраты Коринфа, стратегом назван у Полибия (2,52,3) Арат, а по словам Плутарха (Ar. 41,1) автократом он был избран уже после перехода коринфян на сторону Клеомена. Весной 224 г. Арат встречал Антигона на Истме как официальный глава Ахейского союза, вместе с дамиургами (Plut. Ar. 43,1). Исследователи обычно пытаются «исправить» данные источников, особенно в отношении ситуации осенью 225 г., не в полной мере учитывая необычность самой обстановки того времени. См.: Beloch. GG. IV. 2. S. 222 ff.; Tarn. CAH. P. 863 f.; Ferrabino. Op. cit. P. 268; Porter. Op. cit. P. LXXVIII f.; Koster. Op. cit. P. LXXXIII; Walbank. Comm. 1. P. 252; Oliva Sparta... P. 256. N. 1.
- ⁴⁴ Надо полагать, это его собственное признание в мемуарах (Grüen. Op.

cit. P. 622). Как всегда, версия Филарха совершенно иная: Арат, который уже давно был готов отдать Пелопоннес Антигону, заставил ахейцев проголосовать за это сразу же после утраты Коринфа и отправил в Македонию в числе заложников своего сына. Только в ответ на такое деяние Клеомен позволил себе напасть на его родной полис (Plut. Cleom. 19,9). Однако подробное описание того, как с риском для жизни Арат выбирался из осажденного Сикиона, чтобы попасть на собрание, где должен был решиться вопрос о союзе с Антигоном, содержится в биографии Арата (32,1 sq). Это противоречие показывает, что Филарх нарушил последовательность событий специально для того, чтобы, с одной стороны, представить осаду Сикиона справедливой местью Клеомена Арату, а с другой — еще раз подчеркнуть, что приглашение македонян в Пелопоннес явилось итогом длительных усилий предателя Эллады Арата.

⁴⁵ Тагн. САН. Р. 756. Ср.: Дройзен. Указ. соч. С. 280, Тарков П. Н. Социальные движения в Пелопоннесе в конце III в. до н. э. // Уч. зап. Московского библиотечного ин-та. Вып. 2. 1959. С. 72; Ранович. Указ. соч. С. 241; Шофман. Указ. соч. С. 172. Давыдова Л. С. Эллинистическая Спарта: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М. 1983. С. 11.

⁴⁶ Walbank. Aratus... P. 164; см. также одобренные отзывы об этом решении Арата в работах: Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 323 f.; Niccolini. Op. cit. P. 50; Beloch. GG. IV. 1. S 706 f.; Will. Op. cit. P. 349 suiv.

⁴⁷ Gruen. Op. cit. P. 625.

⁴⁸ К социальным реформам в Спарте Арат, разумеется, относился резко отрицательно (Plut. Cleom. 16,7), но это отнюдь не означает того, что он верил в возможность их применения за пределами Лакедемона. К тому же следует учитывать тенденциозность оценок Филарха, который избражал «облегчение положения бедных» Клеоменом как главную причину враждебного отношения Арата к спартанскому царю (Plut. Cleom. 16,7). В мемуарах ахейского политика основным обвинением в адрес Клеомена являлось следующее: он разрушил законный государственный строй и захватил единоличную власть («*παράνομος καὶ*

τυράννικος»: Plut. Ar. 38,7). См.: Самохина. Указ. соч. С. 106 сл.; Porter. Op. cit. P. LXIV. N. 11; Bickermann. Op. cit. P. 299; Urban. Op. cit. S. 163. An. 270; Marasco. Storia e propaganda... P. 29.

⁴⁹ О хронологии событий 224 — 222 гг. см. примечание 51 к этой главе

⁵⁰ Плутарх в биографии Клеомена рассказывает об этом событии дважды: обнаружив некоторые расхождения в описаниях его у Полибия (Plut. Cleom. 25,4 sqq) и у Филарха (Plut. Cleom. 26,1 sqq — F. Gr. Hist. 81. F. 57), он поэтому посчитал, что речь идет о двух разных походах Клеомена в Арголиду.

⁵¹ Долгое время предметом споров в научной литературе была датировка битвы при Селлассии, от которой во многом зависит и хронология предшествовавших событий. Предлагались даты: 223, 222 и 221 гг. Находка папирусного фрагмента (Pap. Ent. 83), позволившего точно установить время смерти Птолемея III Эвергета, к которому бежал после битвы Клеомен (Polyb. 5,35,1; Plut. Cleom. 32,1 sqq; 33,1), сделала невозможной датировку сражения июнем 221 г., т. к. к марту этого года Птолемей III был уже мертв (см. Henne H. Chronique papyrologique // REA. T. 37. 1935. P. 27 suiv.; Samuel A. E. Ptolemaic chronology. München, 1962. P. 107). Странно, что такая дата еще встречается в литературе последних десятилетий (Шофман. Указ. соч. С. 171; Жигунин. Международные отношения... С. 157; Chrimes. Op. cit. P. 344; Pédech. Op. cit. P. 489). Предположения А. Феррабино и Ф. Уолбэнка о том, что битва при Селлассии произошла в 223 г., хорошо согласуется с упоминанием о Немеиских играх вскоре после сражения (Polyb. 2,70,4), поскольку это празднество проходило по «нечетным» годам (229, 227, 225 и т. д.).

Но они противоречат указаниям Полибия: Антигон появился под Мантинеей через 4 года после взятия ее Аратом в 227 г. (Polyb. 2,57,2), т. е. в 223 г., за год до битвы при Селласии; к весне 219 г. Спарта «почти три года» не имела царей (Polyb. 4,35,8) — это означает, что Клеомен бежал в Египет летом 222 г. Наконец, упоминания о двух зимовках Антигона во время войны в Пелопоннесе (Polyb. 2,54,5; 2,54,14; Plut. Cleom. 25,4) свидетельствуют о том, что после 225 г., когда он был приглашен в Пелопоннес, прошли еще три военные кампании, последняя — в 222 г. Если отнести обе эти зимовки на один 224 г. — ранней весной и осенью, как сделали Феррабино и Уолбэнк, то получится, что до этого перевозка огромной массы войск по морю на Истм, а потом в Эпидавр происходила в разгар зимних бурь, что крайне маловероятно (см. Ferrabino. Op. cit. P. 269 sgg.; Walbank. Aratus... P. 195 ff.). Характерно, что Уолбэнк затем отказался от такой датировки. Таким образом, наиболее подходит 222 г., на который вполне могли быть перенесены Немен, которые, как и в 195 г. (Liv. 34,41,1), были отложены.

Этой даты придерживается большинство историков: Бенгтсон. Указ. соч. С. 212; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 307. An. 5; Beloch. GG. IV. 1. S. 708; Tarn. САН. P. 757 f; Treves P. Studi su Antigono Dosone // Athenaeum. V. 13. 1935. P. 54 sgg.; Porter. Op. cit. P. LXXVII; Cary. Op. cit. P. 161; Piraino. Op. cit. P. 341; Walbank. Comm. 1. P. 272; Larsen. FS. P. 323; Will. Op. cit. P. 361; Oliva. Sparta... P. 262.

⁵² Urban. Op. cit. S. 159 ff.

⁵³ Дройзен. Указ. соч. С. 285; Васильевский. Указ. соч. С. 282; Мищенко. Указ. соч. С. СХС; Freeman. Op. cit. P. 475 f.; Beloch. GG. IV. 1. S. 709; Walbank. Aratus... P. 95; Will. Op. cit. P. 348; Lehmann. Untersuchungen... S. 391; Shimron. Op. cit. P. 47.

⁵⁴ Пельман Р. История античного социализма и коммунизма. СПб, 1910; Бергер А. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936. С. 94, 97; Каретников К. А. Социальные реформы царей Агиса и Клеомена в древней Спарте. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. С. 9; Шахназарян Н. А. Реформы Агиса IV и Клеомена III. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1952. С. 20; Тарков. Указ. соч. С. 74; Шофман. Указ. соч. С. 172; Жигунин. Международные отношения ... С. 149 сл., 152; Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 320 f.; Niccolini. Op. cit. P. 50 f.; Tarn. САН. P. 755 ff.; Cary. Op. cit. P. 158; Oliva. Sparta... P. 249 f.; Fuks. Op. cit. P. 74.

⁵⁵ Tarn. The social question... P. 136; Fuks. Op. cit. P. 74.

⁵⁶ Ferrabino. Op. cit. P. 97 sgg.

⁵⁷ Porter. Op. cit. P. LXIII f.

⁵⁸ Marasco. Storia e propaganda... P. 23 sgg.

⁵⁹ Urban. Op. cit. S. 159 ff.

⁶⁰ См.: Маринович Л. П. Спарта времени Агиса III // Античная Греция. Т. 2. М., 1983 С. 273 сл.

⁶¹ Бергер. Указ. соч. С. 94 сл.; Niccolini. Op. cit. P. 32; Bölte F. Mantinea // RE. Bd. XIV. 1930. Sp. 1326, 1328; Walbank. Comm. 1. P. 263 f.; Gabba. Op. cit. P. 22; Marasco. Storia e propaganda. P. 26.

⁶² Fougeres. Mantinée... P. 494; Urban. Op. cit. S. 170 ff.

⁶³ Предположение Р. Урбана, что Кафии перешли на сторону Спарты еще до переворота осенью 227 г., противоречит прямому указанию Полибия (2,52,2), относящего отпадение Кафий к осени 226 г., и опирается лишь на argumentum ex silentio: Плутарх умалчивает о потере Кафий ахейцами при описании кампаний 226 и 225 гг. Этого явно недостаточно для опровержения слов Полибия (Urban. Op. cit. S. 173 ff.).

⁶⁴ См. примечание 17 к главе 2.

⁶⁵ Ferrabino. Op. cit. P. 85; Walbank. Comm. 1. P. 257; Urban. Op. cit. S. 174.

⁶⁶ Beloch. Die Bevölkerung. S. 128.

⁶⁷ Тарн. Указ. соч. С. 128; Ранович. Указ. соч. С. 249; Walbank. Aratus... P. 121; Gabba. Op. cit. P. 22. N. 4; Africa. Op. cit. P. 26; Larsen. FS. P. 334;

- Marasco. *Storia e propaganda*... P. 26; Fuks. *Op. cit.* P. 74. N. 27.
- ⁶⁸ Ferrabino. *Op. cit.* 47 sg.; Urban. *Op. cit.* S. 186 f.
- ⁶⁹ Выражение «καὶ τοῦ στρατηγοῦ τῶν Ἀχαιῶν ἐκλεσοντός» (Plut. *Ag.* 39,4) означает не изгнание стратега самими пелленами (Porter. *Op. cit.* P. 76), а бегство стратега при появлении спартанцев в городе. См. значение ἐκλιπτεῖν как «бежать» у: Thuc. 6,95,2; 7,71,6; Plut. *Cato.* 22,2.
- ⁷⁰ См. такое утверждение в работе: Шахназарян. *Указ. соч.* С. 25.
- ⁷¹ Тагн. *САН.* P. 757; Porter. *Op. cit.* P. LXXI. Возможность для подобных высказываний давало также старое и неудачное чтение Plut. *Cleom.* 17,6; «τοὺς φρουροὺντας ἐξεβαλε μετὰ τῶν Ἀχαιῶν: изгнал гарнизон совместно с ахейцами (?)». Сейчас общепринятое чтение: «ἑορὴ φρουροὺντας ἐξεβαλε τῶν Ἀχαιῶν т. е. «изгнал гарнизон ахейцев».
- ⁷² Marasco. *Storia e propaganda*... P. 25 sg.; Griffin. *Op. cit.* P. 85. Р. Урбан считает главной силой оппозиции в Сикионе, наоборот, самих бывших изгнанников, которым было что терять в случае прихода македонян (Urban. *Op. cit.* S. 182 f.). Надо полагать, что все же не эти пострадавшие в свое время от тирании люди, старые товарищи Арата по изгнанию, «издавна были настроены против Ахейского союза» и стремились к возрождению авторитарного режима в Сикионе.
- ⁷³ Накануне появления македонян на Истме Клеомен предложил Арату совместное владение Акрокоринфом (Plut. *Ag.* 40,5 sq; Cleom. 19,8), что «вряд ли было прелюдией к социальной революции», как пишет Б. Шимрон (Shimron. *Op. cit.* P. 45). Добавим к этому, что в соседнем Аргосе в это время уже готовился мятеж, вызванный разочарованием низов, ожидавших от Клеомена социальных реформ.
- ⁷⁴ Васильевский. *Указ. соч.* С. 292; Gabba. *Op. cit.* P. 22; Oliva. *Sparta*... P. 252. N. 3.
- ⁷⁵ Marasco. *Storia e propaganda*... P. 25 sg.
- ⁷⁶ Beloch. *GG.* IV. 1. S. 710; Walbank. *Aratus*... P. 97; Urban. *Op. cit.* S. 191 ff.
- ⁷⁷ Feyel. *Polybe*... P. 128 suiv.
- ⁷⁸ Will. *Op. cit.* P. 353; Lehmann. *Untersuchungen*... S. 335 f.; Urban. *Op. cit.* S. 192 f.
- ⁷⁹ Относительно Гереи было высказано предположение, что македонский контроль над этим полисом был установлен позже, не Антигоном, а Филиппом V (Aymard. *Les premiers rapports*... P. 25. N. 5). Такая возможность не исключена, хотя правдоподобнее выглядит традиционное мнение (Walbank. *Philip V*... P. 17. N. 2).
- ⁸⁰ Полибий называет ее *συνμαχία* (4,9,4; 4,16,1) или *κοινὴ συνμαχία* (4,9,2; 4,24,5 sq; 4,29,7; 4,55,2). Объявление Досона гегемоном Лиги: 2,54,4. Об устройстве и составе Эллинской Лиги подробнее см.: Самохина. *Указ. соч.* С. 109 слл.; Niese. *Op. cit.* 2. Tl. S. 335 ff.; Beloch. *GG.* IV. 1. S. 712 ff.; Heuss. *Op. cit.* S. 160 ff.; Aymard. *Les premiers rapports*... P. 54 suiv.; Walbank. *Philip V*... P. 15 f.; Bengtsson H. *Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson*. München, 1971. S. 42 ff.
- ⁸¹ Развернутое сравнение см. в работе: Самохина. *Указ. соч.* С. 110 слл.
- ⁸² Члены Лиги должны были именно ратифицировать, т. е. принять или отвергнуть решение союзного совета (ἐλικοῦρον το δοῦμα: Polyb. 4,26,2), а не принимать, «исходя из общих постановлений, более регламентированные решения...» (Самохина. *Указ. соч.* С. 115).

- ⁸³ Niese. Op. cit. 2. Tl. S. 336; Ferrabino. Op. cit. P. 109 sg.; Tarn. CАН. P. 759; Heuss. Op. cit. S. 241; Will. Op. cit. P. 355; Walbank. Philip. V... P. 15 f.; Idem Hellenistic world. P. 97, Klose. Op. cit. S. 107.
- ⁸⁴ «... успех нового движения за свободу и единство против партикуляристского империализма Спарты» (Walbank. Aratus... P. 112).
- ⁸⁵ Это обязательство содержалось в специальном постановлении ахейского собрания (εψηφισαντο: Plut. Ag. 45,2). Такое требование не обязательно предъявлялось всем членам Лиги (ср.: Самохина. Указ. соч. С. 113).
- ⁸⁶ Plut. Ag. 45,8: Арат был стратегом в тот год, когда началось заселение колонистами бывшей Мантинеи. Надо полагать, что это происходило уже по окончании Клеоменовой войны, но до начала Союзнической, т. е. в 222/1 г. (стратег 221/220 г. — Тимоксен: Polyb. 4,6,4; 4,6,7; 4,7,6). Таким образом, в списке ахейских стратегов 229—221 гг. неизвестен лишь глава союза в 223/2 г., поскольку этот пост в 224/3 г. занимал, несомненно, снова Арат, теперь уже не в качестве автократора, а как избранный обычным порядком магистрат. Общий список известных нам ахейских стратегов всего периода 255—221 гг. будет выглядеть так: 255/4 г. — Марг, ... 245/4 — Арат (I), ... 243/2 — Арат (II), 241/0 — Арат (III), ... 239/8 — Арат (IV), ... 237/6 — Арат (V), 236/5 — Диэт, 235/4 — Арат (VI), 234/3 — Лидиад (I), 233/2 — Арат (VII), 232/1 — Лидиад (II), 231/0 — Арат (VIII), 230/229 — Лидиад (III), 229/8 — Арат (IX), 228/7 — Аристомах, 227/6 — Арат (X), 226/5 — Гипербат, 225/4 — Тимоксен (I), затем параллельно — Арат (XI), 224/3 — Арат (XII), ... 222/1 — Арат (XIII), 221/0 — Тимоксен (II или III).
- ⁸⁷ Монеты «Антигонии»: Head. Op. cit. P. 352.
- ⁸⁸ Polyb. 2,47,4; 2,64,6; 2,70,1; 2,70,7; 4,87,6; 5,9,9 sq; Liv. 32,21,25.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В монографии не учтены результаты некоторых исследований последнего времени. Автор считает необходимым познакомить читателей с выводами, сделанными в интересных статьях Дж. О'Нэйла и Ф. Гшнитцера: Gschnitzer F. Die Nomographenliste von Epidaurios (IG. IV. I². 73) und der Achäische Bund im späten 3. Jahrh. v. Chr. // ZPE. Bd. 58, 1985. S. 103—116; O'Neil J. L. The political elites of the Achaeans and Aitolian leagues // Ancient Society. V. 15—17, 1984—1986. P. 33—66. Просопографическое исследование Дж. О'Нэйла позволило ему выявить те полисы и области в Ахейском и Этолийском союзах, представители которых чаще всего занимали должности в федеральном правительстве. Выводы в той части работы, которая касается Ахейской федерации (Р. 33—44), вкратце сводятся к следующему. Основная часть стратегов, гиппархов и других магистратов Ахейского союза с 245 по 146 г. происходила из трех районов Пелопоннеса: Мегалополь, Ахайя, Сикион. Автором статьи изобретено для них общее название: «магический круг». В частности, нам известны этникионы стратегов, которые возглавляли союз в общей сложности 59 лет, и как минимум 43 года из этих 59-ти федераций руководили выходцы из полисов «магического круга». Остальные города и области союза были слабо представлены в его руководстве. Граждане Аргоса, Спарты, Мессении редко оказывались избранными, видимо, потому, что их постоянно подозревали в нежелательности, а в таких районах, как северная Аркадия, Актэ, Элида, не было традиций, связанных с претензиями на лидерство в Пелопоннесе. Правящая элита «магического круга» контролировала ахейскую политику почти в течение столетия, используя огромные полномочия исполнительной власти. Внутри самих полисов «магического круга», особенно в Мегалополе, сложился узкий круг семейств, обладавших огромными связями и влиянием и передававших власть из поколения в поколение. В целом результаты изысканий О'Нэйла, основанные преимущественно на дан-

ных 220—146 гг., подтверждают ту характеристику ахейской «демократии», которая дана в монографии (см. с. 68 сл.). При этом важно подчеркнуть, что выводы О'Нэйла не ставят под сомнение тезис о юридическом равноправии всех членов федерации, отражая лишь фактическую сторону дела.

Исследование Ф. Гшнитцера, посвященное анализу известной надписи из Эпидавра, содержит ряд аргументов в пользу той точки зрения, что все руководящие органы Ахейского союза формировались в строгом соответствии с принципом пропорционального представительства. Этот вывод делается не впервые (см. выше: с. 60 и примеч. 59 на с. 149), однако никогда еще не подкреплялся столь пространной аргументацией. Ф. Гшнитцер стремится доказать, что в списке коллегии номографов — авторов закона о культе Гигии (IG. IV. 1². 73) — не случайно отсутствуют представители Коринфа, большинства полисов Аркадии и некоторых городов Ахайи. Как он считает, в 210—207 гг., когда, по его мнению, был принят закон о культе Гигии, одни из этих полисов вообще не входили в союз (Коринф, Орхомен, Тегея и др.), другие утратили полисный суверенитет (Мантиней), третьи были слишком малы и поэтому не каждый год делегировали своих представителей в коллегию (Эгира, Леонтий, Псофида и т. д.). Все остальные города представлены в коллегии пропорционально численности граждан этих полисов.

Доводы Ф. Гшнитцера серьезны и весомы, однако не настолько убедительны, чтобы поддержать его точку зрения. Не вдаваясь в детали, отметим, что аргументация этого авторитетного ученого построена в значительной степени на произвольных допущениях, поскольку все сомнительные или неясные данные он неизменно истолковывает в пользу своей гипотезы. В частности, возражение вызывает вывод о том, что после возвращения македонского гарнизона в Акрокоринф сама гражданская община Коринфа не могла участвовать в Ахейском союзе, что разрушенная Досоном и затем вновь заселенная ахейцами Мантиней вошла в состав Аргоса, что присутствие спартанцев в Тегее в 207 г. свидетельствует о ее независимости от Ахейского союза и в предыдущие годы. Не очень соответствует выводам Гшнитцера ситуация в Ахайе: среди сравнительно небольших полисов этой области одни (Эгий, Дима) представлены двумя номографами, другие (Леонтий, Эгира, Кериней) не делегировали ни одного представителя в эту коллегию. Вряд ли разница в размерах между староахейскими полисами доходила до такой степени. Можно найти более естественное объяснение столь причудливому составу номографов в надписи из Эпидавра. Например, то, которое предлагается Эймаром и другими исследователями (см. выше: с. 60 и примеч. 60 на с. 149): номографы избирались на союзном собрании без учета представительства тех или иных городов в этой коллегии. Возможны и другие варианты. В частности, не доказано, что закон о культе Гигии был составлен всей коллегией номографов, а не ее частью. В любом случае итоговый вывод Ф. Гшнитцер — «мы можем быть уверены, что такой же принцип регулировал состав и других органов союза» (S. 116) — неверен, ибо имеются свидетельства об отсутствии пропорционального представительства в коллегии дамургов (Polyb. 22,10,2 sqq.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ЖМНП	— Журнал Министерства Народного Просвещения.
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия.
A. Ant. Hung.	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
AAP	— Atti della Accademia di Scienze, Lettere e Arti di Palermo.
ABSA	— Annual of the British School at Athens.
AC	— L'antiquité classique.
AeR	— Atene e Roma.
AJPh	— American Journal of Philology.
AM	— Athenische Mitteilungen.
Aymard, ACA	— Aymard A. Les assemblées de la Confédération achaienne. Bordeaux, 1938.
BCH	— Bulletin de Correspondance Hellénique.
Beloch. GG.	— Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. IV. 1—2. Abt. B. — Lpz., 1925 — 1927.
BSG	— Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften.
CAH	— The Cambridge Ancient History.
CPh	— Classical Philology.
CSCA	— California Studies in Classical Antiquity.
CR	— Classical Review.
DA	— Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. 1—5. P. 1877 — 1919.
F. Gr. Hist.	— Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. 1—B., 1923 — .
GDI	— Sammlung der griechischen Dialektinschriften / Hrsg. von Collitz. H., Bechtel F. u. a. Göttingen, 1884 — 1915.
HSPh	— Harvard Studies in Classical Philology.
IG	— Inscriptiones Graecae.
IvM	— Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. B., 1900.
IvO	— Die Inschriften von Olympia.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies.
Larsn. FS.	— Larsen J. Greek federal states. Oxf., 1968.
Lersen. FS.	— Larsen J. Representative government in Greek and Roman history. Berkeley — Los Angeles, 1955.
MH	— Museum Helveticum.
NJPhP	— Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik.

- PP — La parola del passato.
- RE — Pauly's Real — Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- REA — Revue des Études Anciennes.
- REG — Revue des Études Grecques.
- RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica.
- RISS — Rivista internazionale di scienze sociali.
- RSI — Rivista Storica Italiana.
- SAWW — Sitzungsberichte des Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch — historische Klasse.
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum.
- Syll.³ — Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. V. 1 — 3. Lpz., 1915 — 1924.
- Swoboda. St. A. — Swoboda H. Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer. Tübingen, 1913.
- Swoboda. VB. — Swoboda H. Die griechische Volksbeschlüsse. Lpz., 1890.
- TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association.
- Tarn. CAH — Tarn W. Macedonia and Greece; Idem. The Greek Leagues and Macedonia // CAH. V. 7. 1928. P. 197 — 223; 732 — 769.
- ZN — Zeitschrift für Numismatik.
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.
- ZRG — Zeitschrift der Savigny — Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung.
- Walbank. Comm. — Walbank F. A historical commentary on Polybius. V. 1 — 3. Oxf., 1957 — 1979.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1</i>	
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	5
<i>Глава 2</i>	
ПЕЛОПОННЕС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III в. И ВОЗРОЖДЕНИЕ АХЕЙСКОГО СОЮЗА	13
<i>Глава 3</i>	
АРАТ ВО ГЛАВЕ АХЕЙСКОГО СОЮЗА	24
<i>Глава 4</i>	
АХЕЙСКИЙ СОЮЗ В ГОДЫ ДЕМЕТРИЕВОЙ ВОЙНЫ	40
<i>Глава 5</i>	
СОЮЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕ АХЕЙЦЕВ	49
<i>Глава 6</i>	
ФЕДЕРАЦИЯ И ПОЛИС	70
<i>Глава 7</i>	
КРИЗИС АХЕЙСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ КЛЕОМеновой войны	91
Заключение	124
Примечания: к главе 1 (126), к главе 2 (128), к главе 3 (133), к главе 4 (139), к главе 5 (143), к главе 6 (153), к главе 7 (160)	
Приложение	167
Список сокращений	169

Сизов Сергей Кузьмич

**Ахейский союз. История древнегреческого федеративного государства
(281 — 221 гг. до н. э.)**

Монография

Зав. редакцией
Н. И. Байков
Редактор
И. В. Розова
Худож. редактор
В. В. Шейн
Корректор
Н. А. Аркунова

Сдано в набор 15.11.88.
Подписано к печати 10.07.90.
Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская.
Гарнитура литературная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,75. Уч. изд. л. 11,15.
Тираж 1500 экз. Заказ 6431.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Прометей». МГПИ им. В. И. Ленина.
119882, Москва, ул. Усачева, 64.
Дзержинская типография Горьковского областного управления
издательств полиграфии и книжной торговли.
606025, Дзержинск, пр. Циолковского, 15.